

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/99

ISSN 0131—2812

К 50-летию образования КНР:
успехи и проблемы

●
Япония в начале XXI века

●
РФ и КНДР: сотрудничество
в области ТЭК

●
Финансово-экономический кризис
в Республике Корея

●
Мемуары Ким Ир Сена

●
Первая миссия
Гомильдана в Москве

Аннотация

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

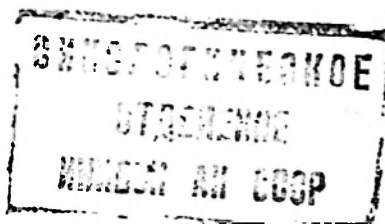
5/99

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

В.Самойленко. АТР: станет ли Великий океан мелководным озером? 5

К 50 - ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

И.Шевель. Реформа банковской системы Китая.....19
И.Азовский, Ю.Щербанин. Транспортные проблемы в российско-китайских экономических отношениях.....28
Н.Ахметшин. Борьба с экономической преступностью в КНР: законодательство и практика36
С.Алексахина. Проблема безработицы в КНР в 1999 г. (Письмо из Китая).....45

ЭКОНОМИКА

В.Андрианов. Финансово-экономический кризис в Республике Корея и меры правительства по его преодолению47
В.Хлынов. Новый комплексный план общенационального развития Японии на начало XXI века59
А.Мацегора. РФ и КНДР: итоги и перспективы сотрудничества в топливно-энергетической отрасли.....65

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- А.Бурый, А.Бутуханов.* О деятельности Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье"74

ИСТОРИЯ

- Ю.Ванин.* Мемуары Ким Ир Сена как источник по новейшей истории Кореи81
- С.Врадий.* Профессор китаеведения А.В.Рудаков (К 100-летию образования Восточного института во Владивостоке).....93
- В.Глунин.* Первая миссия Гоминьдана в Москве98

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- Б.Пак.* Новые материалы об устном соглашении Ладыженского-Ли Хунчжана 1886 г.116

ФИЛОСОФИЯ

- А.Ломанов.* Хэ Линь и современное конфуцианство125

КУЛЬТУРА

- С.Торопцев.* "Новое кино" в КНР: прыжок от несвободы к свободе.....137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н.Кобозев.* Десятая научная российско-корейская конференция145

РЕЦЕНЗИИ

- А.Шитов.* Политика в Китае. Эпоха выбора новой системы.....147
- А.Желоговцев.* Чжан Жэнь. Литература нового периода как явление151
- Г.Сухарчук.* Синецкая Э.С. Автопортрет китайского горожанина155

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Якову Михайловичу Бергеру 70 лет157
- 70 лет Виктору Николаевичу Барышникову159

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН, 1999 г.

Статьи этого номера

В.Самойленко. АТР: станет ли Великий океан мелководным озером?

В статье анализируются процессы, развивающиеся в азиатско-тихоокеанском регионе, где сейчас возникает опасность сложившейся атмосфере доверия между странами АТР. Основные угрозы, считает В.Самойленко, кроются в углублении экономической нестабильности в связи с нынешним финансовым кризисом, а также внедрением новой стратегии НАТО, призванной сделать США верховной силой в мире и обеспечить процветание лишь группе "избранных" стран, в которой России и многим другим государствам АТР скорее всего не найдется места.

И.Шевель. Реформа банковской системы Китая

Автор рассматривает важнейшие направления реформы банковской системы Китая, значение проводимых мероприятий для развития банковского дела и в целом экономики в плане продвижения от централизованного планирования к рыночным отношениям, роль государства в этом процессе и возникающие проблемы.

И.Азовский, Ю.Щербанин. Транспортные проблемы в российско-китайских экономических отношениях

Основное внимание авторы сосредоточили на проблемах, тормозящих развитие транспортных перевозок между РФ и Китаем. Они указывают на большие резервы, которые следует использовать с выгодой для обеих стран.

И.Ахметшин. Борьба с экономической преступностью в КНР: законодательство и практика

В статье на базе официальных китайских данных и соответствующих статей Уголовного кодекса КНР рассматриваются проблемы борьбы в Китае с контрабандой, уклонением от налогов и коррупции.

В.Андрианов. Финансово-экономический кризис в Республике Корея и меры правительства по его преодолению

В статье речь идет о причинах и последствиях кризиса в экономике РК. Рассматриваются меры правительства страны по выходу из него.

В.Хлынов. Новый комплексный план общенационального развития Японии на начало XXI века.

Статья посвящена анализу очередной долгосрочной комплексной правительственной программы, нацеленной на решение возникающих и в мире, и в стране новых актуальных проблем.

А.Мацегора. РФ и КНДР: итоги и перспективы сотрудничества в топливно-энергетической отрасли

На большом материале автор освещает роль бывшего СССР в развитии топливно-энергетического комплекса КНДР, касается нынешнего его состояния. Указаны возможные перспективы сотрудничества России с КНДР в этой сфере.

А.Бурый, А.Бутуханов. О деятельности Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье"

В статье анализируется громадный урон, нанесенный либерализацией внешнеэкономической деятельности России в 1991 г., и процесс постепенного формирования механизма согласования действий регионов Востока России в экономических структурах АТР в последующие годы.

Ю.Ванин. Мемуары Ким Ир Сена как источник по новейшей истории Кореи

В статье показаны некоторые любопытные моменты из шеститомника мемуаров покойного лидера КНДР Ким Ир Сена. Данные мемуары отражают точку зрения историков и политиков Северной Кореи на корейское национально-освободительное движение в первой половине XX столетия.

В.Глуниц. Первая миссия Гоминьдана в Москве

В статье на основе опубликованных документов и новых архивных материалов анализируются состав делегации Гоминьдана, участвовавшей в работе I съезда революционных организаций Дальнего Востока (Москва, 1922 г.), выступления ее членов, различия в подходах представителей Гоминьдана и Коминтерна к решению ряда проблем национально-революционного движения в Китае.

Б.Пак. Новые материалы об устном соглашении Ладыженского-Ли Хунчжана 1886 г.

Автор на основании новых архивных материалов оспаривает утвердившееся в советской историографии мнение о заключении российским поверенным в делах в Китае Н.Ф.Ладыженским и императорским наместником столичной провинции Китая Ли Хунчжаном устного соглашения 1886 г. о сохранении статуса-кво в Корее и взаимном уважении ее неприкосновенности.

А.Ломанов. Хэ Линь и современное конфуцианство

В статье рассматриваются взгляды одного из крупнейших китайских философов XX в. Хэ Линя на проблему синтеза культур Китая и Запада.

С.Торопцев. "Новое кино" в КНР: прыжок от несвободы к свободе

"Новое кино", возникшее в Китае в 80-е годы, преобразило киноискусство, чему способствовало освобождение личности в гражданском обществе.

Политика

АТР: станет ли Великий океан мелководным озером?

© 1999

В.Самойленко

На изломе столетий пресса и телеэфир переполнены предсказаниями и пророчествами о том, что нас ждет в грядущем веке. Не претендуя на полноту охвата, попытаемся тем не менее и мы высказать некоторые соображения и прогнозы относительно того, куда может пойти развитие основных процессов в Азиатско-тихоокеанском регионе - зоне мира, имеющей для будущего России исключительно важное значение.

Вторую половину заканчивающегося столетия человечество жило главным образом по законам и правилам, заложенным в процессе послевоенного мироустройства. В основе его лежит система ООН и международного права, обеспечивавшие на протяжении более чем пятидесяти лет относительное военно-стратегическое равновесие в мире. И даже противостояние двух социальных систем, в которое в той или иной мере были вовлечены практически все государства, не только не нарушало, но, напротив, придавало миру большую степень устойчивости, хотя и происходило это за счет «баланса устаревания».

Новые государства, появлявшиеся в послевоенный период, главным образом в результате распада колониальных империй, искали свое место в мире - часть из них становилась на одну из сторон, но основная их масса предпочитала занимать позицию неприсоединения. Такая политика давала молодым странам ощутимые политические, военно-стратегические и экономические выгоды, которые большинство из них благоразумно использовали в интересах собственного национального развития и хозяйственного подъема.

Тонко балансируя между двумя системами и получая от каждой из них максимальные выгоды, эти государства строили свою экономику, шли по пути социально-политического развития, решали проблемы упрочения национально-культурной самобытности. Именно в этот период начиналось создание «азиатского чуда», благодаря которому недавние колонии и полукolonии превратились в процветающие, динамично развивающиеся и с оптимизмом смотрящие в будущее государства - новые индустриальные страны.

Но грянули перемены конца XX столетия. Перестройка в Советском Союзе, крушение «Берлинской стены», а затем и распад СССР положили конец разделу мира на два идеологически противостоящих друг другу лагеря. По существу, началась ломка послевоенного порядка в мире. «Холодная война» завершилась. Открылась уникальная возможность построения международных отношений принципиально нового характера, не обремененных конфронтацией и недоверием прошлого, основывающихся на максимально широком сотрудничестве и взаимодействии всех государств мира в интересах международной стабильности и всеобщего процветания.

Перед мировым сообществом встали серьезные вопросы: в каком направлении пойдет дальнейшее развитие международных отношений, как на практике будут реализованы открывшиеся возможности, какой станет новая модель мироустройства, на каких принципах сформируются взаимоотношения между различными государствами? Придет ли на смену двухполюсному миру; в котором отношения строились в первую очередь по оси противостояния Восток-Запад, подлинно демократическая, либеральная и плюралистическая модель, где будет возрастать роль каждого отдельного государства, а также их региональных и субрегиональных организаций и объединений, где воцарятся принципы уважения и невмешательства и никто не станет пытаться диктовать свою волю другим?

Либо, воспользовавшись начавшейся перестройкой международных отношений, возникшими на месте рухнувших прежних структур «пустотами», одно государство, опираясь на узкую группу политически близких партнеров, станет добиваться непомерного усиления своей роли в мировых делах, превращения в «сверхдержаву», в некоего «верховного арбитра», претендующего на истину в последней инстанции?

Став единственным суперполюсом современного мира, такая «сверхдержава», руководствуясь собственным мировосприятием, окажется перед соблазном подменить существующее международное право собственными понятиями о благе и справедливости, единолично решать, что хорошо, а что плохо, относиться ко всем остальным суверенным государствам как к «неразумным детям», которых надо учить и воспитывать, дескать, ради их же собственного блага.

Важная роль в поиске ответов на все эти коренные вопросы современности принадлежала государствам АТР, многие из которых имеют древние историю и культуру, уникальные традиции построения взаимоотношений друг с другом, опыт улаживания сложных конфликтных ситуаций. При этом в последние десятилетия роль и значение стран этого региона в международных делах и в мирохозяйственных связях в целом неизменно возрастали. Об АТР заговорили как о «локомотиве» экономического развития современного мира, а все предстоящее столетие загодя начали называть «тихоокеанским веком». Оснований для этого, как представляется, было более, чем достаточно как с экономической, так и с геополитической точек зрения.

В АТР расположены самые могущественные и влиятельные государства мира. Три из них - постоянные члены Совета Безопасности ООН, а две страны претендуют на то, чтобы в будущем пополнить состав этой эксклюзивной международной структуры. В регионе также находятся три ядерные державы, а ряд стран или уже доказал свою способность создать ядерное оружие, или ведет работу в этом направлении. Экономика стран этого региона, до самого последнего времени развивалась самыми высокими в мире темпами.

Несмотря на серьезные потрясения, вызванные финансово-экономическим кризисом 1997-1998 годов, обрушившимся в первую очередь

на Восточную Азию, и в целом более глубокий характер этих потрясений, чем прогнозировалось поначалу, страны региона в целом сумели сохранить основные объективные предпосылки для своего восстановления и ускоренного хозяйственного развития. В условиях устойчивой военно-политической стабильности в регионе у них имеются все основания рассчитывать на то, что им относительно быстро удастся преодолеть последствия кризиса и возобновить высокие темпы экономического роста.

В этом смысле определенные надежды вселяют прогнозы на 1999 год, подготовленные экспертами ЭСКАТО. Согласно последнему обзору этой организации, посвященному экономической и социальной ситуации в АТР, в целом по региону в 1997-1998 годах произошло резкое замедление усредненных темпов роста ВВП с 5,8% до 0,2%, а в ряде стран отмечалось абсолютное снижение ВВП. И тем не менее эксперты ЭСКАТО указывают, что уже в нынешнем году в экономической ситуации в регионе обозначились признаки близкого оздоровления и стабилизации. По оценкам экспертов, можно ожидать, что в текущем году в целом по району будет иметь место увеличение ВВП до уровня 3,6%.

Потенциал Азиатско-тихоокеанского региона проявляется и в том, что, как это ни парадоксально может звучать с чисто географической точки зрения, АТР имеет перспективы для своего дальнейшего расширения, а, следовательно, дополнительного наращивания политического и экономического веса в современном мире. Речь идет о тенденции к вовлечению в дела региона все новых государств, прежде всего из Латинской Америки, а также тяготеющих к АТР азиатских стран, не имеющих прямого выхода к Тихому океану.

О роли государств АТР в мирохозяйственных отношениях можно судить хотя бы по следующим данным. На них, в частности, приходится около 60% мирового ВВП и половина общего объема внешней торговли. При этом еще до недавнего времени увеличение темпов роста по этим показателям у большинства стран региона заметно превышало общемировые. Государства этого района располагают богатейшими природными ресурсами, являясь бесспорными мировыми лидерами по запасам медной и железной руд, олова, урана, никеля, деловой древесины, угля и природного газа. Им принадлежит важнейшая роль в производстве целого ряда ценных продуктов сельского хозяйства - натурального каучука, пальмового масла, копры, риса.

Заметно расширилась промышленная база стран АТР, осуществляется производство самой современной наукоемкой и высокотехнологичной продукции - электронного оборудования, компьютеров и их компонентов, автомобилей, морских судов, современной оптики, высокоточного навигационного оборудования и т.п. Велика доля стран региона в финансовых и банковских услугах, туризме, авиаперевозках и судоходстве. Стремительно расширяется индустрия связи и телекоммуникаций. Ускоренно развиваются трудовые ресурсы, что при относительной дешевизне рабочей силы дает дополнительные преимущества. Несмотря на заметное сокращение в последние два года притока иностранных инвестиций в регион, он по-прежнему остается весьма привлекательной зоной для выгодного вложения капиталов и, судя по докладу экспертов ЭСКАТО, уже появились признаки возобновления инвестиционной активности в АТР.

Есть все основания ожидать, что даже в условиях снижения общих темпов роста, экономика большинства стран региона имеет необходимые предпосылки для выхода в ближайшее время из кризиса и продолжения своего поступательного развития. Это позволяет прогнозировать к 2015 г. дальнейшее повышение роли АТР в мирохозяйственных отношениях. Лидирую-

щее положение в мировой экономике к этому времени, судя по всему, будут занимать США, Китай, Япония и Индия. За ними, наряду с некоторыми европейскими странами, окажутся Республика Корея и Мексика. Хорошие перспективы до недавнего времени были у Бразилии и Индонезии, но кризис существенно ослабил их шансы, особенно последней, на скорое возобновление быстрого роста.

По некоторым расчетам, ожидается, что среди лидеров мировой экономики произойдет перераспределение сил. В частности, хотя США и сохраняют за собой роль бесспорного мирового экономического лидера, их доля в совокупном ВВП к 2015 г. должна будет сократиться с 20,8% в 1995 г. до 17,6%. Предполагается, что на второе место, оттеснив Японию, выйдет Китай, и его доля в мировом ВВП возрастет за указанный период с 6,8% до 9,8%.

Положительные сдвиги в общей международной обстановке, имевшие место в 90-х годах, открыли странам АТР хорошие перспективы для налаживания более тесного сотрудничества. Конфронтация и враждебность уступили место заинтересованности в более широком взаимодействии в целях стратегической стабильности и экономического развития. И хотя, естественно, каждая из представленных в регионе ведущих мировых держав продолжала преследовать прежде всего свои собственные цели, но именно в этот период проявилось совпадение их основных интересов. Это обстоятельство открыло путь для перехода к конструктивному взаимодействию в деле расширения двусторонних отношений, развития многостороннего сотрудничества в самых различных областях, укрепления общей стабильности в АТР.

Осознание того, что, несмотря на различия, у них имеются серьезные общие интересы - экономическое процветание, мир и безопасность в регионе - побудило государства АТР к налаживанию между собой интенсивного многостороннего взаимодействия. Многие говорили за то, что государства региона уже сделали выбор в пользу совместных усилий по строительству общего мирного будущего на основе взаимного учета и уважения интересов друг друга, построения многополюсного мира.

В результате этого центристские тенденции, и, как следствие их, интеграционные процессы стали в данном регионе в 90-х гг. доминирующими. Это нашло свое конкретное проявление в образовании в 1993 году странами АТР межправительственного форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) и в 1994 году - Асеановского регионального форума (АРФ) по проблемам безопасности в АТР. Первое из этих объединений занимается решением вопросов торгово-экономического сотрудничества в регионе, их либерализацией и упорядочением, а второе - проблемами обеспечения мира и стабильности.

В отличие от многих организаций и структур сотрудничества в АТР, функционировавших и ранее, эти два форума носят официальный, по существу межправительственный характер (в АТЭС, правда, из-за участия в этом форуме Тайваня и Гонконга принято говорить о сотрудничестве не государств, а экономик). При этом АТЭС создается на уровне «глав экономик», то есть фактически президентов и премьер-министров, а АРФ - на уровне министров иностранных дел.

Хотя состав участников двух форумов несколько различается, тем не менее все заметнее стремление рассматривать обе эти структуры сотрудничества как две стороны одной медали: взаимодействие в рамках АРФ призвано содействовать обеспечению благоприятных международно-политических и военно-стратегических условий для успешного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества в интересах хозяйственного развития и процве-

тания стран АТЭС. При этом, несмотря на имеющиеся трения, противоречия, а, порой, и откат назад в региональном сотрудничестве, в целом тенденция к усилению интеграционных процессов в АТР, даже в нынешних трудных условиях, не утратила своего серьезного потенциала.

Трудно в одной статье достаточно глубоко охватить все многообразие интеграционных процессов в АТР, поэтому ограничимся их политико-стратегическими аспектами.

С окончанием «холодной войны» странам АТР стало ясно, что угроза их безопасности переместилась из области идеологического и военно-стратегического противостояния в сферу возникновения локальных конфликтов. Речь идет об опасности обострения застарелых территориальных споров, религиозных и межэтнических трений, сепаратистских движений, вопросов пользования природными ресурсами и т.п. Но появились и так называемые новые угрозы безопасности, носящие невоенный характер.

Среди них - нарастание торгово-экономических противоречий, угрожающее обострением борьбы за рынки сбыта и источники сырья, ростом протекционизма и возникновением «торговых войн»; углубление разбалансированности валютно-финансовой системы, в 1997-1998 гг. уже приведшее к потере рядом азиатских стран, по разным оценкам, от 200 до 300 миллиардов долларов; истощение минеральных и топливно-энергетических ресурсов, чреватое подрывом энергетической безопасности; дальнейшая деградация окружающей среды, ведущая к серьезным климатическим изменениям, ухудшению среды обитания человека и эпидемиологической ситуации; продолжающийся бесконтрольный рост населения в ряде стран и связанное с ним обострение социально-экономических проблем, безработицы, неконтролируемой миграции; достижение рядом густонаселенных стран региона физического предела возможностей производства продуктов питания и сопутствующее этому нарастание угрозы продовольственных кризисов.

По существу, речь идет о проблемах, общих для большинства государств, но часто именно в АТР они имеют особо острый характер из-за обширности и редкой пестроты этого региона. Ко всем этим непростым проблемам добавляются, может быть, не столь масштабные, но крайне опасные проблемы незаконного производства и оборота наркотиков, роста наркомании и распространения СПИДа, организованной преступности, пиратства, отмывания незаконно полученных доходов, распространения «беловоротничковой преступности», использования современных информационных технологий в преступных целях.

Объемность стоящих перед АТР угроз, осознание того факта, что эти угрозы в основном носят общий для всех расположенных там стран характер, привели в начале 90-х годов государства региона к пониманию общности своих интересов и необходимости сотрудничать в противодействии всему комплексу указанных угроз безопасности. Лидирующую роль в объединении усилий по борьбе с этими угрозами взяли на себя страны-члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Благодаря их усилиям, поддержанным большинством стран АТР, в 1994 г. и был сформирован АРФ, в котором ныне сотрудничают более двадцати участников.

Выступив в роли «ядра» АРФ, вокруг которого произошло объединение других стран Форума, АСЕАН привнесла в его деятельность свой уникальный стиль общения и решения проблем, воспринятый ныне и другими, в том числе западными, участниками АРФ. Речь идет об особом, «созерцательном» подходе к возникающим проблемам, при котором обсуждение даже самых острых вопросов происходит в неконфронтационном духе.

Этот оригинальный стиль, складывавшийся в Ассоциации на протяжении более чем тридцати лет ее существования и неизменно помогавший входящим в АСЕАН странам избегать серьезных конфликтов между собой, получил название «асеановский метод». Он основывается на традиционной для национальной психологии азиатских народов терпимости в подходах, стремлении уклониться от открытого конфликта и прямого противостояния, обойти «острые углы» и, по возможности, найти компромиссное разрешение возникающих трений.

Страны АСЕАН рассматривают себя как единую «большую семью», в которой, конечно же, проблемы могут возникать, но решаться они должны исключительно полюбовно путем консультаций и примирения позиций. Такой подход получил в АСЕАН название «*mushawarah*» - совет, согласование в целях достижение взаимопонимания. Если в силу каких-то причин найти консенсусное решение возникшей проблемы не представляется возможным, то страны АСЕАН, избегая споров и попыток навязать друг другу свою позицию, откладывают проблему на будущее, до возникновения подходящих условий для ее разрешения. Такой принцип получил название «*mufakat*» - единство мнений.

Понятно, что применение указанных дипломатических приемов дает наилучший результат в условиях «тихой дипломатии», при которой существующие разногласия не выносятся на всеобщее обозрение и не становятся предметом спекуляций и психологического давления со стороны прессы и политических аналитиков. Государство, не сумевшее добиться своей цели, в таком случае «не теряет лица», а проблема, оставшаяся неразрешенной, не приводит к ухудшению отношений между сторонами и не перерастает в серьезный раздражитель.

Благодаря этому, любая из сторон через какое-то время, если ситуация позволит, может вновь вернуться к своему предложению и инициировать продолжение обсуждения проблемы, не опасаясь при этом, что за период «карантина» у другой стороны накопился дополнительный негатив. Именно на этих принципах принятия решений АСЕАН успешно функционирует уже более трех десятилетий, проявляя удивительную жизнестойкость и «коллективную мудрость».

Такой неторопливый и гибкий стиль асеановской дипломатии в сочетании с чрезвычайно важной ролью установления персональных контактов и культивирования личного доверия между высшими руководителями, политическими деятелями и дипломатами стал ценным вкладом государств Ассоциации в сокровищницу мирового дипломатического искусства. Он прочно вошел также в практику деятельности АРФ, причем западные участники Форума, приняв правила игры, установленные АСЕАН, вынуждены были приспособиться к такой манере ведения дел.

Справедливости ради следует отметить, что западным партнерам не всегда удается в полной мере соблюдать «восточную неторопливость», что порой они пытаются форсировать сотрудничество в АРФ, однако до сих пор любые попытки такого рода наталкиваются на мягкое, хотя от этого не менее решительное противодействие со стороны асеановцев.

В настоящее время в состав АРФ входят двадцать два участника. Это десять стран-членов АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины), а также Россия, Китай, Япония, США, Индия, Республика Корея, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Монголия, Папуа-Новая Гвинея и, в качестве коллективного члена, - Европейский Союз, который, согласно имеющейся практике, представляет «тройка» ЕС. Великобритания и Франция неоднократно ставили вопрос о сво-

ем непосредственного участия в АРФ, однако из-за возникновения в таком случае проблемы их двойного членства (прямого и в составе ЕС), вопрос остается нерешенным.

В 1994 году о своей заинтересованности принять участие в деятельности Форума заявляла КНДР, но, встретив в тот период возражения со стороны Республики Корея, которую поддержали Япония и США, заняла в отношении АРФ негативную позицию. В 1998 г., после того как Сеул, где сменилось правительство, снял свои возражения против членства Пхеньяна в АРФ, страны Форума официально пригласили КНДР присоединиться к этой структуре, но встретили отказ Пхеньяна, мотивированный тем, что, дескать, у Северной Кореи пока не со всеми участниками АРФ имеются дипломатические отношения. Складывается впечатление, что скорее всего Пхеньян, переживающий серьезные экономические и внутривластные трудности и предпочитающий сосредоточиться на решении проблем взаимоотношений с США, пока просто не готов участвовать в Форуме. Среди участников АРФ существует понимание, что, когда Пхеньян созреет и официально заявит о своем желании вступить в Форум, то этот вопрос станет предметом объективного и беспристрастного рассмотрения.

Основной целью АРФ провозглашено содействие миру и безопасности, стабильности и процветанию в АТР. Намечено, что к этой цели страны АРФ будут продвигаться в три этапа: на первом - путем установления мер доверия во взаимоотношениях друг с другом, на втором - развивая практику превентивной дипломатии и на третьем - налаживая механизмы урегулирования конфликтов в регионе. С самого начала было решено, что движение к этим целям должно быть постепенным, комфортным для всех участников Форума. С учетом того, что основополагающим принципом деятельности АРФ является консенсус, понятно, что скорость общего прогресса в сотрудничестве зависит от наиболее осторожного участника Форума. Именно в этом видится гарантия того, что ничьи интересы не окажутся ущемленными и никому в АРФ не будут навязываться неприемлемые решения.

Высшим органом АРФ являются ежегодные сессии на уровне министров иностранных дел стран-участниц. Они проводятся накануне традиционных так называемых постминистерских конференций между министрами стран АСЕАН и их партнерами по диалогу, посвященных главным образом наиболее актуальным глобальным проблемам. Сессии АРФ, составляя с постминистерскими конференциями смежные и взаимодополняющие структуры сотрудничества, дают возможность главам внешнеполитических ведомств обсудить самый широкий спектр проблем, затрагивающих безопасность АТР. Каждый из министров волен поднять любую глобальную, региональную, субрегиональную или двустороннюю проблему.

Помимо официальных пленарных заседаний, неизменным элементом сессий АРФ являются сугубо неформальные конфиденциальные встречи министров иностранных дел в так называемом "уединении", проводимые без помощников и ведения каких-либо протоколов. Такие встречи дают возможность в "семейной", расслабленной атмосфере обсуждать в "асановском стиле" наиболее острые проблемы, снимать возникающие трения еще до официальных заседаний, чтобы не доводить дело до ситуации, когда кто-либо из участников АРФ окажется перед опасностью "потерять лицо". Кроме того, министерские сессии создают прекрасную возможность провести серии двусторонних встреч министров иностранных дел для обсуждения любых назревших вопросов.

Аналогичная практика принята и в ходе ежегодных совещаний старших должностных лиц АРФ на уровне заместителей министров иностранных дел, которые проводятся за два месяца до очередной сессии Форума и призваны подготовить встречу министров. В последнее время эти совещания приобрели и серьезное самостоятельное политическое значение, так как превратились в важный консультационный орган усилий стран-участниц по обеспечению безопасности в АТР.

Основная рабочая нагрузка в деятельности АРФ ложится на двухуровневую структуру взаимодействия, так называемые первую и вторую "дорожки". В рамках первой из них встречаются официальные представители МИДов, оборонных и других непосредственно заинтересованных правительственных ведомств. В рамках второй происходит концептуальное обсуждение проблем безопасности и сотрудничества на неофициальном уровне - с участием ученых и аналитиков из ведущих исследовательских центров, занимающихся проблематикой АТР, и сотрудников правительственных учреждений, но исключительно в их личном качестве. Такая формула взаимодействия позволяет обеспечить симбиоз науки и практики, осуществлять свободный обмен идеями и информацией, сближать теоретиков и практических работников, избегать возможной неловкости, связанной с чересчур откровенными высказываниями отдельных официальных лиц.

По первой "дорожке" функционируют "межсессионные группы поддержки", занимающиеся конкретными сферами взаимодействия - мерами доверия, вопросами оказания помощи при стихийных бедствиях, сотрудничеству на море. Ранее действовала также группа по поиску и спасению, в рамках которой дипломатам удалось наладить прямые рабочие контакты между спасательными службами стран АРФ. Выполнив свое главное назначение, то есть обеспечив доверие и взаимопонимание между профессиональными службами спасателей, эта "межсессионная группа поддержки" завершила в 1997 г. свою работу, и дипломаты передали дальнейшее взаимодействие на этом направлении в руки экспертов. Таким образом, именно в данном формате осуществляется основная практическая работа АРФ, которая затем подлежит одобрению со стороны старших должностных лиц и министров иностранных дел государств Форума.

За пять лет своей деятельности АРФ уже сумел добиться известных результатов. Определен круг мер доверия, которые страны-участницы договорились постепенно внедрять во взаимоотношения между собой. Среди них уже реализуются такие меры доверия, как добровольное представление партнерам своих военных доктрин и оборонных концепций; публикация "Белых книг" по оборонной проблематике и военному строительству; обмен курсантами военных учебных заведений; встречи руководителей высших военных учебных заведений; обмен в рамках АРФ данными, передаваемыми в Регистр ООН по обычным вооружениям; приглашения на военные учения; установление личных отношений между представителями оборонных ведомств, занимающихся проблемами безопасности в АТР; взаимное предоставление контактных данных и списков ответственных лиц для экстренной связи; обмен опытом в области военной медицины и пр.

На очереди - введение в практику взаимоотношений стран, участвующих в АРФ, ряда дополнительных мер доверия, которые активно обсуждаются, но пока не получили консенсусного одобрения. Среди них уведомление о крупных военных учениях, маневрах и перебросках сухопутных и военноморских сил; создание "горячих линий" связи между странами Форума; ограничение масштабов, продолжительности и географического охвата учений;

образование Центра по предотвращению конфликтов в АТР; создание системы кризисного регулирования с целью недопущения роста военной напряженности, а также другие идеи, направленные на укрепление безопасности в регионе.

Особое место в деятельности АРФ занимают сейчас вопросы перехода ко второму этапу деятельности Форума - превентивной дипломатии. На данном этапе ведется обсуждение проблем, которые могут стать предметом усилий в данной области. Ряд стран, прежде всего западных, выступают за скорейший переход ко второму этапу сотрудничества в рамках Форума. Эти предложения, однако, наталкиваются на сдержанное отношение, в первую очередь, со стороны Китая, опасющегося, что под прикрытием тезиса о превентивной дипломатии могут быть предприняты попытки со стороны некоторых стран осуществить вмешательство во внутренние дела КНР.

В частности, в Пекине, не возражая в принципе против использования превентивной дипломатии в рамках АРФ, весьма болезненно реагировали на предпринимавшиеся попытки сделать предметом обсуждения на Форуме такие проблемы, как будущее Тайваня, ситуация в Тибете, принадлежность островов Южно-Китайского моря. В настоящее время достигнуто понимание, что страны АРФ будут продвигаться в направлении превентивной дипломатии постепенно, с учетом принципа консенсуса, уделяя на первом этапе внимание тем проблемам, которые находятся на стыке мер доверия и превентивной дипломатии, подпадают одновременно под оба эти понятия.

Многие из уже реализуемых и обсуждаемых в рамках АРФ предложений по укреплению доверия между странами Форума были выдвинуты Россией. На одном из этих предложений хотелось бы остановиться особо. Еще в середине 90-х гг. наша страна выступила с идеей разработки "Кодекса поведения" для стран АТР - некоего свода правил и принципов, которыми бы они могли руководствоваться в своих действиях, политике и взаимоотношениях.

Проект такого Кодекса был предложен на обсуждение участников семинара по линии второй "дорожки" АРФ, проведенного в Москве в апреле 1996 г. Российская инициатива послужила началом кропотливой работы в этом направлении. В том же году страны АСЕАН подготовили свой проект аналогичного документа, в большей мере учитывающий специфику подходов государств Юго-Восточной Азии к вопросам безопасности. Работа по согласованию подходов была продолжена. Результатом ее стал новый документ, подготовленный российской стороной на базе двух имевшихся проектов и инкорпорировавший идеи и предложения, высказывавшиеся другими странами АРФ. Он получил название "Тихоокеанское согласие" - декларация принципов поведения стран АТР.

Этот проект был вынесен на обсуждение участников международной конференции по безопасности и сотрудничеству в АТР, проведенной в рамках второй "дорожки" АРФ во Владивостоке 26-27 апреля 1999 г. И хотя участникам конференции не удалось окончательно согласовать текст такой декларации, они, тем не менее, сумели значительно сблизить свои позиции. Более того, сам процесс обсуждения принципов, предложенных в проекте декларации, стал важной мерой доверия между государствами АРФ, поскольку позволил им лучше понять подходы и возможные опасения друг друга. Кстати, на мудром Востоке нередко говорят: "Процесс может быть даже важнее, чем конечный результат".

Россия также проявила высокую активность в деятельности "межсессионной группы поддержки" АРФ по ликвидации последствий стихийных бедствий. Инициаторами сотрудничества на этом направлении высту-

пили в 1996 г. Новая Зеландия и Таиланд, но именно Россия, опираясь на свой богатый практический опыт, смогла предложить многие новые идеи и подходы в этой области.

В апреле 1999 г. в рамках первой "дорожки" в Москве состоялось третье заседание этой "межсессионной группы поддержки", которое показало хорошие перспективы сотрудничества дипломатов и представителей спасательных служб стран Форума в деле налаживания эффективного механизма практического взаимодействия по предотвращению и ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф. Это заседание позволило не только наладить рабочий контакт между профессионалами, продемонстрировать отличные технические возможности МЧС России, отладить схемы оповещения и взаимодействия в случае стихийных бедствий, но и стало важной мерой укрепления доверия между странами АРФ, открыло дополнительные возможности для взаимовыгодного сотрудничества.

Выступая на Четвертой сессии АРФ в Куала-Лумпуре (июль 1997 г.) в качестве министра иностранных дел России, Е.М. Примаков отметил, что этот Форум превратился в общерегиональный межправительственный механизм многостороннего политического взаимодействия в АТР. В его рамках идет конструктивное обсуждение всего комплекса проблем, связанных с безопасностью в регионе. "Сотрудничество в АРФ дает, с одной стороны, возможность гармонизации интересов всех его участников и, с другой, выработки согласованных рекомендаций. Считаю, что АРФ находится на правильном пути", - подчеркнул российский министр.

"Реализация мер доверия на практике - важный индикатор психологической степени доверия, достигнутой между участниками Форума. При этом участие в АРФ способствует установлению мер доверия не только на многосторонней, но и на двусторонней основе". Существенным дополнением усилий АРФ в формате второй "дорожки" служит также сложившаяся в регионе разветвленная структура неофициальных региональных и субрегиональных форумов, семинаров, конференций, симпозиумов, рабочих групп, "круглых столов", в деятельности которых активно участвуют представители России.

Кстати говоря, именно Россия стала одной из тех стран АТР, которая не только выдвигает предложения, но и твердо идет по пути реализации на практике мер доверия в отношениях с соседями. За последние годы наша страна заметно улучшила двусторонние связи практически со всеми государствами АТР. Наиболее ярким примером в этом смысле могут служить взаимоотношения с Китаем. Подписанные лидерами двух стран совместные документы направлены на создание многополярного мира и формирование нового и справедливого международного порядка. В них российско-китайские отношения определяются как "равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI веке".

Окончательно урегулирована весьма сложная пограничная проблема с КНР. Подписанные Россией и Китаем совместно с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном соглашения по мерам доверия в районе общей границы и о сокращении вооруженных сил в стокилометровой зоне вдоль общих границ стали беспрецедентной мерой доверия в АТР, которую многие страны АРФ стремятся использовать в качестве "модели" для урегулирования своих двусторонних проблем.

Последние годы также стали свидетелем значительного улучшения отношений России с Японией, развития стратегического сотрудничества в региональных делах с Соединенными Штатами, Республикой Корея, Индией,

Канадой, Австралией, восстановления уровня связей с КНДР, превращения нашей страны в полномасштабного диалогового партнера АСЕАН и активизации нашего двустороннего взаимодействия с государствами этой влиятельной организации. Есть все основания говорить о том, что ни сейчас, ни в обозримой перспективе у России нет военных противников в АТР. А это означает, что наша страна имеет все возможности решать проблемы обеспечения безопасности своих дальневосточных рубежей прежде всего за счет дипломатических средств.

Таким образом, в последние годы в АТР обозначился серьезный прогресс в сторону объединения усилий стран региона в деле налаживания всестороннего сотрудничества, направленного на обеспечение безопасности, стабильности и процветания за счет кооперативных усилий всех расположенных там стран. По существу, в АТР удалось создать фундамент многоуровневой структуры региональных и субрегиональных форумов, двусторонних и многосторонних механизмов, представляющих из себя некую многоярусную страховочную "сетку безопасности". Можно, таким образом, говорить о том, что в регионе закладываются основы механизма обеспечения безопасности совместными усилиями всех заинтересованных государств.

Однако, к сожалению, события последних месяцев вызывают серьезную тревогу. Агрессия НАТО против Югославии отдается гулким эхом по всему миру и значительно омрачает надежды на мирное будущее Азиатско-тихоокеанского региона. Действия этого альянса на Балканах не только нанесли серьезный удар по послевоенному устройству в Европе, но и причинили труднопоправимый ущерб всей системе международных отношений, в том числе таким основообразующим институтам как ООН, ее Совет Безопасности, ОБСЕ.

Государства АТР, в значительной мере ориентировавшиеся на использование международного и особенно европейского опыта построения безопасности совместными усилиями, не могут теперь не испытывать разочарования по поводу "европейской модели". Возникла серьезная опасность для всех многолетних усилий стран Азиатско-тихоокеанского сообщества по многостороннему сотрудничеству в сфере укрепления своей безопасности. Удары НАТО по Югославии, - а большинство членов этого военного блока участвуют в деятельности АРФ либо непосредственно, либо через единую делегацию Европейского Союза, - подрывают в АТР доверие к искренности намерений неазиатских участников Форума и создают крайне опасный прецедент, способный привести к дестабилизации ситуации и в этом регионе.

Важно помнить, что в Азии накоплено гораздо больше "горючего материала", чем в Европе. Речь идет о десятках доставшихся в наследство от колониального и полуколониального прошлого застарелых территориальных споров, сепаратистских движений, религиозных и межэтнических конфликтов, об имеющих глубокие исторические корни взаимной подозрительности и недоверии и об острых торгово-экономических противоречиях последних лет. Благодаря терпеливым усилиям стран региона, им удалось разрешить, заметно приглушить или "закапсулировать" большинство из этих проблем. Но в странах АТР понимают, что порой достаточно незначительной искры, чтобы многие из этих проблем вновь начали тлеть, а то и вспыхнули ярким пламенем.

Если же в практике международных отношений укоренятся логика и образ действий, примененные НАТО в отношении Югославии, то любая из этих проблем может легко стать поводом для нападения сильного на слабого, для навязывания непокорным или неудобным чужого диктата. Но самое главное, по долго и терпеливо культивировавшемуся в АТР взаимному доверию

был нанесен сильнейший удар. Попробуем, экстраполируя ситуацию на АТР, поразмышлять к каким последствиям для Азии могут привести натовские действия на Балканах.

Вашингтон и его военно-политические союзники настойчиво утверждают, что система двусторонних договоров по безопасности, заключенных Соединенными Штатами с рядом государств АТР, размещение на их территории американских военных баз и воинских контингентов - это основной фактор мира и стабильности в регионе. Действительно, после прекращения идеологического противостояния двух мировых систем и повышения опасности дестабилизации обстановки в регионе из-за возникшей там неопределенности, можно было говорить об известной временной стабилизирующей роли американского военного присутствия в АТР в качестве некоего "честного брокера".

Но показал ли себя Вашингтон таковым? Готовы ли будут страны региона вверить свою безопасность и судьбу в его руки? Думается, что события на Балканах, линия поведения США в произошедшем там кризисе, подтверждающая явный выбор Америки в пользу создания однополярной системы мироустройства, ставят много серьезных вопросов. Стоит задуматься, чем это может обернуться для АТР.

Бомбардировки НАТО дают аргумент тем силам в АТР, которые выступают за несоблюдение режима нераспространения ядерного оружия, за создание собственного ракетно-ядерного потенциала. Не случайно в последние месяцы мир уже стал свидетелем возросших усилий со стороны некоторых стран в данной области. По логике таких сил, коль скоро международная система не в состоянии предотвратить агрессию сильного против слабого, то только обладание ракетно-ядерным оружием становится реальным фактором сдерживания потенциального агрессора.

По той же логике, менее развитые страны могут задуматься над созданием "атомной бомбы бедных" - химического и бактериологического оружия. Это чрезвычайно опасная логика, ведущая к подрыву всей кропотливо создававшейся мировым сообществом на протяжении десятилетий системы режимов контроля над вооружениями, но, в свете событий на Балканах, переубеждать ее сторонников становится все труднее.

Несмотря на высокую степень доверия, уже достигнутую в рамках АРФ, в атмосфере взаимоотношений его участников теперь появляются новые неприятные моменты. Поэтому нельзя исключать, что в деятельности Форума может произойти откат назад. Так, в последнее время уже обозначилось нежелание ряда стран АРФ продолжить сложившуюся ранее позитивную практику в области мер доверия - ежегодный обмен данными о своих поставках и закупках за рубежом обычных вооружений и военной техники. Такая тенденция на сокращение прозрачности может усилиться по мере того, как некоторые государства региона будут, опасаясь возможной агрессии со стороны более сильных стран, увеличивать свои закупки военной техники и вооружений, в том числе в объемах, выходящих за пределы обычных потребностей своей обороны. Результатом может стать неконтролируемая региональная гонка вооружений, чреватая обострением общей ситуации в АТР в целом или в отдельных его частях.

Непростая ситуация складывается с возможностью перехода АРФ к практической реализации методов превентивной дипломатии. К сожалению, опыт деятельности "контактной группы" по Югославии, встречи в рамках международных конференций в Рамбуйе и в Париже по урегулированию ситуации вокруг Косово, которые рассматриваются многими в качестве попыток осуществить на практике превентивную дипломатию, говорят о том, что по-

ложительный эффект от таких усилий далеко не всегда гарантирован. Опасно то, что может произойти дискредитация самого понятия превентивной дипломатии. В результате затормозится ее внедрение в практику взаимоотношений стран АТР, а то и вовсе этот, безусловно, перспективный метод разрешения назревающих кризисов может оказаться утерян из арсенала современной дипломатии.

Настороженность ряда стран АТР, прежде всего Китая, в отношении новой трактовки американо-японского договора безопасности хорошо известна. В ситуации, когда США и Япония ведут дело к созданию на Дальнем Востоке тактической системы противоракетной обороны (ПРО), могут лишь усилиться подозрения относительно истинных целей военного союза этих двух стран.

Помимо того, что создание региональной противоракетной системы войдет в противоречие с действующим российско-американским договором по ПРО, есть все основания считать, что оно может преследовать цель создать некий щит, обеспечивающий технологически более развитым государствам возможность безнаказанно диктовать свои условия остальным. В случае возникновения военного конфликта, ситуация будет напоминать развлечение в зале игровых автоматов, когда можно расстреливать "противника" без всякого риска на справедливое возмездие. Таким образом, в АТР будут не только посеяны новые семена недоверия, но, с учетом характера действий НАТО против Югославии, большинство стран региона окажется заложником политики тех, кто такую систему решит создать.

Понятно, что развертывание тактической системы ПРО на Дальнем Востоке подтолкнет многие государства АТР к естественным ответным шагам, что будет стимулировать начало региональной гонки вооружений, неизбежно накладывающей на их экономики бремя новых расходов. В такой ситуации преодоление последствий валютно-финансового кризиса в странах АТР и возобновление их экономического роста окажется под вопросом.

Как представляется, особенно негативно это отразится на Китае, где не скрывают опасений, что региональная система ПРО направлена в первую очередь против него. Высказываются мысли, что одной из подлинных целей авторов идеи региональной ПРО, собственно, и является навязать Пекину непосильную для него технологическую гонку, и, подобно в прошлом Советскому Союзу, истощить его материальные ресурсы. Смысл такой гонки - устранить Китай из числа реальных торгово-экономических и военно-стратегических соперников, могущих бросить вызов однополярной системе мироустройства.

Но такая гонка будет иметь свою цену для всех без исключения стран. С учетом непростой истории взаимоотношений Китая со многими соседними странами очевидно, что вступление Пекина в такую гонку и наращивание им своих военных возможностей неизбежно спровоцирует и другие государства на принятие ответных шагов. Взвинчивание напряженности в АТР станет неизбежным.

Большинство государств АТР продолжает испытывать тяжелые последствия валютно-финансового кризиса. Хотя в начале статьи мы приводили осторожные оптимистические прогнозы экспертов ЭСКАТО о первых признаках преодоления его последствий, очевидно, что такая тенденция еще далеко не укрепилась, что ряд стран региона все еще находится в самой низкой точке кризиса. Любые новые потрясения мировой финансовой системы могут отбросить их надежды на восстановление на многие годы назад. Между тем надо понимать, что если тактическая система ПРО все же будет развернута и Китай окажется втянутым в гонку вооружений, то ему не избежать девальвации своей национальной валюты - юаня. Для стран региона, да и для всего

мира, такой шаг обернется новыми тяжелейшими потрясениями, поскольку кризис всей современной валютно-финансовой системы станет неотвратимым.

Таковы реалии современного мира, вступившего в эпоху глобализации, когда эхо важных событий в одном регионе не может не докатиться до других частей планеты, практически до каждой, даже самой отдаленной страны. В конце апреля 1999 г. в Вашингтоне прошла юбилейная сессия НАТО на высшем уровне. На ней была одобрена новая стратегическая концепция альянса, с которой этот блок будет вступать в следующее столетие. Суть ее в том, что в современном мире НАТО присваивает себе право становиться единственной верховной силой, вершащей судьбу всего человечества. Остальным ста пятидесяти суверенным государствам, в которых проживает подавляющая часть населения планеты, по сути отводится роль статистов. Надежды на построение многополярного мира, на создание справедливого и подлинно демократического международного порядка, основанного на примате права, главенстве системы ООН, учете национальных интересов всех стран, оказались под угрозой.

Сейчас в АТР возникла реальная опасность: все то позитивное, что было наработано в регионе в 90-х гг. благодаря упорному и кропотливому труду политиков, дипломатов, военных, ученых, бизнесменов из всех заинтересованных стран, окажется неэффективным и даже ненужным. С таким трудом давшееся взаимное доверие окажется жестоко обманутым. Уникальный опыт уважительных и неконфронтационных взаимоотношений, могущий составить сокровищницу приемов и методов мирового дипломатического искусства, поведения в международных делах и применимый в других районах мира, окажется невостребованным.

Под бременем возродившейся взаимной подозрительности "страховочная сетка" в АТР может не выдержать и лопнуть, а бассейн Тихого океана вновь окажется зоной напряженности, ареной острой конфронтации и конфликтов. Разделительные линии тогда пролягут и через этот регион. Там появятся те, кто "достоин" принадлежать к так называемому "золотому миллиарду" человечества, и все "прочие", удел которых - быть "ведомьми", обеспечивать процветание "ведущих". Скорее всего, России, как, впрочем, и многим десяткам других государств, в этом "золотом миллиарде" места не найдется.

Сейчас решается вопрос о том, будет ли Азиатско-тихоокеанский регион действительно иметь шансы на превращение в "локомотив" развития человечества в следующем столетии или мир станет свидетелем того, как в ХХI веке произойдет превращение Великого Тихого океана в мелководное "Американское озеро". В систему, когда каждая страна, словно по воле могущественного "дирижера", окажется поставлена на свое, строго отведенное ей место, а судьбы всего человечества вместо коллективной воли равноправных, независимых и суверенных государств-партнеров по многополярному миру будут вершиться одним всемогущим полюсом силы.

К 50-летию образования КНР

Реформа банковской системы Китая

© 1999

И.Шевель

В последние годы в Китае проведена целая серия мер организационного и законодательного характера, направленных на постепенный перевод ранее сложившейся банковской системы на рыночные рельсы. Одновременно эти меры, перенося центр тяжести на экономические инструменты макрорегулирования, призваны стимулировать реформы в других сферах и обеспечить экономическую стабилизацию страны в целом.

В настоящее время банковскую систему Китая образуют: Народный банк Китая (НБК — центральный банк страны); 4 государственных специализированных банка — Промторгбанк, Стройбанк, Сельхозбанк, Банк Китая (названная "большая четверка" представляет собой стержень банковской системы страны); 3 "политических" банка — Государственный банк развития, Экспортно-импортный кредитный банк, Банк развития сельского хозяйства; к числу общекитайских также относятся акционерные Банк путей сообщения (в числе акционеров — государство и госпредприятия) и Миньшэн-банк (большинство акций принадлежит частным предприятиям); а также несколько десятков местных банков провинциального и городского уровня.

Одним из важнейших направлений реформы стало создание в 1994 г. трех вышеупомянутых политически ориентированных банков, призванных проводить в банковской сфере политический курс государства. Задача Государственного банка развития — обеспечение беспрепятственного притока капитала к ключевым объектам государственного строительства и одновременно — выполнение роли орудия в руках центрального правительства по сдерживанию чрезмерных капиталовложений. Банк находится в ведении Госплана, за которым сохраняется право выбора объектов для кредитования, а мнение банка учитывается при определении времени кредитования после проведения обследования объекта. Финансирование основного капитала осуществляется главным образом из государственного казначейства, а оборотный капитал формируется за счет облигаций, реализуемых среди банков согласно указаниям НБК.

Экспортно-импортный кредитный банк находится в непосредственном подчинении правительства. Источником средств являются поступления из государственного казначейства, а также выпуск облигаций как в стране, так и за гра-

ницей. Основное назначение банка — обеспечение денежных ресурсов для ведения внешнеторговых операций.

Банк развития сельского хозяйства создан путем разделения существовавшего Сельхозбанка на два банка, с целью разделения потоков “политического” и коммерческого кредитования. Этот новый банк, как и сохранившийся прежний Сельхозбанк, функционируют под руководством НБК. Задача нового банка — предоставление крестьянам дотационных кредитов, кредитование сельхозобъектов, нуждающихся в крупных суммах на медленно окупающиеся расходы, которые коммерческими банками рассматриваются как кредиты высокого риска. На банк возложено также финансовое обеспечение госзакупок зерна, хлопка и масличных культур; а также оказание помощи экономически слаборазвитым, бедным районам страны.

Другой весьма важный аспект реформы — реорганизация банковской “большой четверки” в коммерческие банки, что предполагает приближение этих банков к мировой практике в организационном и функциональном отношении. Они должны быть освобождены от “политического” кредитования, самостоятельно принимать решения и отвечать за собственные прибыли и убытки, сами принимать на себя кредитные риски. Эти банки остаются государственными, но контроль правительства за управлением ими должен осуществляться не непосредственно, а косвенно (например, через советы наблюдателей), и правительство не должно вмешиваться в их текущую деятельность.

Крупным событием реформы стало принятие в 1995 г. двух законов: о Народном банке Китая и о коммерческих банках. Первый из них существенно усилил позиции центрального банка в экономике страны и ее макрорегулировании. Закон зафиксировал, что НБК представляет собой самостоятельную структуру, находящуюся в ведении правительства, в работу которой не могут вмешиваться какие-либо государственные ведомства, местные правительства или частные лица. В течение многих лет на него оказывалось давление со стороны центральных ведомств и местных правительств в вопросах денежной эмиссии. В то время как министерства стремились придать монетарной политике инфляционный характер, местные правительства стремились к принятию только тех установок, которые выгодны им.

Утверждение правительства теперь необходимо только в случае изменений годового объема денежной эмиссии, базовых (учетных) процентных ставок и обменного курса юаня. Что же касается различных инструментов политики, то вопрос об их применении и способе применения находится в ведении самого банка. К числу таких инструментов относятся: официально установленная норма средств коммерческих банков в депозитном резервном фонде центрального банка; определение базовых (учетных) кредитных ставок центрального банка; обеспечение переучета векселей банковских структур, открывших счета в центральном банке; предоставление кредитов коммерческим банкам; ведение на открытом рынке операций с государственными ценными бумагами и валютой, а также другие инструменты, определяемые правительством. Согласно принятому закону, банкам не разрешается осуществлять руководство инвестиционными компаниями, трастами и инвестировать средства непосредственно в предприятия¹.

Закон о коммерческих банках знаменовал серьезный шаг в проведении ориентированной на рынок реформы банковской системы. Прежде всего он призван оказать содействие банкам “большой четверки” в продвижении их к статусу реальных коммерческих банков путем определения их прав и обязанностей в соответствии с международными нормами. Согласно закону, коммерческие банки должны осуществлять систему самостоятельного ведения операций и управления,

взятия на себя рисков за ведение хозяйственной деятельности и ответственности за прибыли и убытки.

Для коммерческих банков был введен ряд обязательных показателей, призванных обеспечивать их нормальную кредитную деятельность через соотношение между активами и пассивами. К числу таких показателей относятся коэффициент достаточности капитала (отношение собственных средств к сумме активов, взвешенной по коэффициентам риска), который не должен быть ниже 8%; отношение остатка выданных кредитов к остатку депозитов (не выше 75%); отношение остатка ликвидных активов к остатку ликвидных пассивов (не ниже 25%); отношение остатка кредитов, выданных какому-либо одному заемщику, ко всему остатку капитала банка (не более 10%).

В течение продолжительного времени, уже в ходе реформы коммерческие банки до определенной степени функционировали как государственные расчетные органы, что являлось пережитком той роли, которую они играли при централизованной плановой экономике. Центральному банку не хватало эффективных методов для проведения контрольного надзора за их деятельностью, и они жаловались на административное вмешательство в их бизнес. Принятый закон важен для стандартизации деятельности китайских коммерческих банков, одновременно обеспечивая для них законные гарантии в отношении вкладчиков и заемщиков.

Коммерческие банки, как и ранее, остаются под строгим контролем центрального банка. Определен минимальный размер уставного капитала, необходимый для учреждения коммерческого банка, равный 1 млрд. ю.; для городского кооперативного коммерческого банка он составляет 100 млн. ю.; для сельского кооперативного коммерческого банка — 50 млн. ю. Для создания коммерческим банком филиалов в стране или за границей необходимо утверждение центрального банка².

Согласно принятой в Китае концепции, национальная система коммерческих банков должна включать в качестве своего ядра несколько коммерческих банков общекитайского масштаба, целиком принадлежащих государству; кроме того, в нее должно входить "достаточное" количество акционерных и тысячи городских и сельских кооперативных банков.

Неординарным событием стало создание в 1996 г. Миньшэн-банка, финансовой структуры, обслуживающей акционеров частных предприятий. В течение продолжительного периода частный сектор находился в затруднительном положении, хотя он и стал важным фактором экономики, поскольку на него приходилась значительная часть валовой продукции страны, а также прибыли и налогов. Однако госбанки отказывались предоставлять сколь угодно значимые кредиты частным предприятиям. Это вынуждало их привлекать средства населения, заимствовать их между собой или получать банковские кредиты через госпредприятия. Поэтому по уполномочию государства Всекитайская федерация промышленности и торговли провела подготовительную работу по созданию банковской корпорации Миньшэн, которая и была создана в 1996 г. Основная часть акций — 85% поступила от частных предприятий, что, естественно, означает привязку банка к этим предприятиям. За 1996—1998 гг. банк предоставил кредиты на общую сумму 22,2 млрд. ю., из которых более 60% негосударственным предприятиям³.

Одним из направлений банковской реформы является создание городских кооперативных банков на базе объединения городских кредитных кооперативов. К началу 1995 г., когда начался эксперимент с преобразованием городских кредитных кооперативов в банки, количество таких кооперативов в стране превышало 5 тыс., и они стали важным фактором финансово-кредитной системы страны. Но ограниченные финансовые возможности отдельных кооперативов не могут удов-

летворять потребности растущего городского хозяйства и их объединение в кооперативные банки может лучше способствовать развитию местной экономики. Они призваны обслуживать главным образом средние и мелкие предприятия, частные промышленные и торговые фирмы и промышленные предприятия местного подчинения. Сфера их операций ограничена соответствующим городом. Такие банки создаются на акционерной основе. Держателями акций становятся население, индивидуально управляемые структуры и предприятия с капиталом менее 1 млн. ю., а также государство в лице административных органов местного уровня. По данным на 1998 г., количество городов, уже имеющих или создающих городские коммерческие банки, составило 150.

Проведен также ряд других, весьма существенных шагов по реформированию банковской сферы. Так, за последние 2—3 года начали осуществляться операции на открытом рынке, возникли рынок по учету векселей и единый (общекитайский) рынок краткосрочного кредитования. В начале 1998 г. центральный банк отменил для коммерческих банков кредитные лимиты (квоты кредитования), в результате эти банки получили самостоятельность в проведении своих операций. В то же время НБК, не отказываясь от умеренно жесткой монетарной политики, которую он проводит с середины 1993 г., нацеливает ее на усиление внутренней дисциплины коммерческих банков и повышение качества кредитования. Он осуществляет контрольный надзор за соотношением активов и пассивов коммерческих банков.

В марте 1998 г. НБК снизил с 13 до 8% норму резервного депонирования в центральном банке. Эта мера сопровождалась снижением годовой процентной ставки как по депозитам финансовых структур в центральном банке (с 7,35 до 5,22%), так и по кредитам центрального банка финансовым структурам, т.е. базовой (учетной) ставки для коммерческих банков (с 9,19% до 7,43%). Но уже с июля было произведено дальнейшее снижение процентных ставок. Годовые ставки по депозитам снижены в среднем на 0,4 проц. пункта, по кредитам — на 1,12, по резервным фондам — на 1,71, по рефинансированию — на 1,82 проц. пункта. Это было пятое снижение с мая 1996 г., и оно улучшило финансовый климат для расширения инвестиций; структура процентных ставок стала более благоприятной для вложений в промышленность, особенно в долгосрочные проекты (снижение по долгосрочным кредитам произведено в большей степени, чем по краткосрочным сбережениям⁴).

Весьма важным компонентом реформы банковской системы является предоставление иностранным коммерческим банкам возможности вести свой бизнес на территории Китая. Это рассматривается как одно из проявлений открытости экономики страны внешнему миру. Иностранные банки привлечены потенциальными размерами китайского рынка, который, согласно прогнозам китайских аналитиков, в XXI веке станет крупнейшим финансовым рынком мира. В 1979 г. было разрешено создавать в Китае представительства иностранных банков, в 1983 г. — отделения иностранных финансовых учреждений в особых экономических зонах. В 1990 г. в связи с решениями о развитии зоны Пудун в Шанхае и о превращении Шанхая в международный финансовый центр были приняты специальные правила регулирования деятельности иностранных финансовых учреждений. В частности, для открытия отделения банк-заявитель должен в течение срока не менее 2 лет иметь на территории Китая свое представительство, а его суммарные активы на конец года, предшествующего подаче заявления, должны быть не менее 10 млрд. долл.

Был определен круг операций для ведения иностранными банками, свидетельствующий об ограниченной открытости для них внутреннего финансового рынка. Однако, наиболее существенным ограничением являлся запрет на ведение

операций в местной валюте — юанях. В этом проявилась протекционистская политика Китая в отношении отечественных банков, которые не располагают многими техническими преимуществами и высоким уровнем оперативности в управлении, свойственными иностранным банкам.

Лишь в конце 1996 — начале 1997 г. были выданы лицензии на ведение на экспериментальной основе операций в юанях в единственном пункте Китая — районе Пудун (г. Шанхай) для отделений 9 иностранных банков. В августе 1998 г. НБК расширил этот опыт, разрешив большему количеству отделений иностранных банков вести бизнес в юанях в Пудуне, и распространив его на Шэньчжэнь. К концу 1998 г. отделения 17 иностранных банков получили лицензии на ведение операций в юанях в Пудуне. В это время иностранные банки имели в Китае 266 отделений и 173 организации, занимающиеся бизнесом, с общим объемом активов 34,2 млрд. долл. Они стали важной частью финансовой системы Китая.

В начале 1999 г. НБК объявил о намерении упразднить географические ограничения на функционирование иностранных финансовых структур, а именно распространить сферу создания отделений иностранных банков с 23 городов и провинции Хайнань на все крупные города страны, а также повысить уровень управления их отделениями, ведущими на экспериментальной основе бизнес в юанях⁵. Этот шаг означает расширение открытости банковской сферы внешнему миру с целью дополнительного привлечения в страну иностранных инвестиций.

Нынешние проблемы банковской системы Китая могут быть обозначены следующим образом.

Во-первых, так называемые “плохие” или невозвратные кредиты. Большое количество таких кредитов было предоставлено убыточным государственным предприятиям и спекулятивным застройщикам недвижимости с малой надеждой на их возвращение. По данным директора НБК Дай Сянлуна, такие кредиты составляют 6—7% всех активов государственных банков. В 1998 г. бремя госбанков в виде непогашенных долгов в сумме составляло 2 трлн ю. Показателем чрезмерной зависимости предприятий от банковских кредитов служит отношение их задолженности к банковским активам. Согласно международной практике, такой нормой является 50%, в то время, как для китайских предприятий этот показатель обычно превышает 70%, достигая 90%⁶.

Очевидно, что крупнейшая проблема в преобразовании государственных спецбанков в реальные коммерческие банки заключается в предоставлении ими непогашаемых в срок кредитов. Именно в целях ускорения коммерциализации этих банков в 1994 г. были созданы государственные “политические” банки. Однако, такие факторы, как недостаток денежных ресурсов, громоздкая организация, директивный характер кредитования, недостаток инициативы при ведении операций продолжают препятствовать переходу этих банков в реальные коммерческие банки, хотя со времени создания “политических” банков уже прошло более 4 лет.

Задолженность предприятий — главное препятствие в реформе банковской системы, запаздывание с проведением которой стало узким местом реформы всей финансовой системы. Преобразование спецбанков в реальные коммерческие банки блокируется медленным ходом реформы госпредприятий, из которых убыточными являются 49% от их общего количества 79 тыс. и 10% от наиболее крупных 500 предприятий⁷.

Далее, плохие показатели достаточности капитала, т.е. соотношения между собственными средствами и суммами активов. Из-за высокой доли “плохих” кредитов госбанки испытывают финансовые затруднения, поскольку их сводный показатель достаточности капитала ниже предостерегающего международного уровня, равного 8%. Согласно официальным данным на 1997 г.,

этот показатель по "большой четверке" составлял 5,86%, а по данным печати фактически равнялся 3,5%. Поэтому банкам нужна быстрая рекапитализация, чтобы избежать банкротства.

Следующая проблема — раздутые штаты, переукомплектованность персоналом. Ныне банковская система Китая насчитывает 150 тыс. отделений, в которых занято примерно 1,7 млн. сотрудников. Один только НБК имеет около 2500 отделений с 190 тыс. работников. Избыток занятого персонала дает себя знать не только низкой эффективностью, но и высокими издержками функционирования и снижением конкурентоспособности.

Далее, недостаточное развитие современных видов банковского бизнеса, получивших в мире широкое распространение. Они включают операции по Интернету и по телефону, операции с уплатой наличными, программы пенсионного обеспечения, услуги менеджмента по контролю и регулированию денежных операций и руководство фондами.

Наконец, устаревшие стили менеджмента. Например, большое количество банковских администраторов весьма мало знают о самостоятельном управлении риском, что является решающим для всех финансовых структур, особенно банковских. Менеджеры часто принимают неправильные решения по вопросам кредитования в результате отсутствия у них нужной информации, а также из-за их личной амбициозности.

Правительство намерено решать проблемы банковской системы путем ут-лублиения реформы и проведения таких мер, как:

- предоставление банкам большей самостоятельности в ведении ими бизнеса путем снижения административного вмешательства на различных уровнях;

- совершенствование механизма управления банками путем улучшения системы совета директоров и создания по западному образцу административного органа по управлению рисками с тщательной проверкой рисков;

- усиление контрольного надзора за банками и регулирования их деятельности со стороны НБК при одновременном превращении их местных отделений в структуры, независимые от местных правительств и партийных лидеров;

- диверсификация форм собственности на банки, что означает отход от единообразной государственной формы собственности к созданию нескольких форм, таких как общественная, коллективная и частная;

- ускорение реформы госпредприятий, поскольку одна из главных причин слабости банковской системы Китая заключается в большой задолженности этих предприятий банкам.

Как уже было отмечено, особенностью банковской системы КНР является то, что в качестве ее стержня выступает "большая четверка", т.е. 4 самых крупных государственных банка. Эти банки знают, что правительство сделает все от него зависящее, чтобы выручить их, когда они окажутся в затруднительном положении. Так и произошло, когда выяснилось, что их капитал ниже международных стандартов. На сессии ВСНП в марте 1998 г. было принято решение о выпуске Министерством финансов специальных обязательств государственного казначейства на 270 млрд.ю. для размещения только среди названных банков с целью их рекапитализации. Банки приобрели выпущенные обязательства за счет депозитов, которые они привлекли. Период погашения этих обязательств, как правило, составляет 30 лет.

Имелось в виду повысить кредитоспособность банков, усилить их конкурентоспособность на международном финансовом рынке, повысить доверие к ним населения, способствовать избежанию финансовых рисков. Практически это означало списание "плохих" долгов, накопленных "большой четверкой" к концу 1997 г.

Еще один вопрос, вставший перед банковской системой Китая — необходимость, в соответствии с законодательством, выделения в самостоятельную сферу инвестиционной деятельности и операций с ценными бумагами, которые осуществлялись создававшимися при коммерческих банках траст-инвестиционными компаниями и другими небанковскими структурами. Согласно уведомлению НБК, все структурные подразделения по ценным бумагам прежних траст-инвестиционных компаний, являвшихся филиалами банков, прекращали свою деятельность или отделялись от банков. Подразделения, не являвшиеся рентабельными или нарушавшие правила бизнеса, подлежали закрытию. В осуществление этого уведомления 186 траст-инвестиционных компаний, входивших в систему 4-х банков, были отделены от своих родительских банков и превращены в обычные банковские филиалы или переданы другим фирмам. Это ознаменовало завершение важного шага в мероприятиях финансовых органов по разделению таких видов бизнеса, как банковское дело и траст-инвестиционная деятельность. Эта мера направлена также на предотвращение притока средств банков в инвестиции высокого риска, включая акции, что привносит беспокойство в отношении как банковских операций, так и фондового рынка. Разделение названных видов бизнеса в основном было завершено к концу 1997 г.

В сложившейся ситуации с 1998 г. новым видом деятельности коммерческих банков стал инвестиционный банковский бизнес, который включает предоставление консалтинговых услуг по оценке задолженности и имущества предприятий, оказание предприятиям содействия в размещении ценных бумаг на рынке капитала, а также эмиссию или трансферты облигаций и акций. Для снижения рисков коммерческие банки пошли по пути усиления своего внутреннего механизма контрольного надзора.

Одновременно осуществлялась перестройка структуры банковской системы, при которой сфера деятельности отделений банков строилась на основе административного деления страны (в стране имеются 22 провинции и 5 автономных районов); такая ситуация создавала узкие места для свободного перелива капитала и кредитных средств. Новая структура носит транспроvincialный характер, когда количество отделений сокращено, а масштабы деятельности оставшихся отделений в территориальном отношении расширились; теперь их деятельность заключается в координации, контрольном надзоре и наблюдении за бизнесом в отдаленных районах. В ноябре 1998 г. было объявлено о плане упразднения провинциальных отделений и создания 9 региональных отделений НБК, а к концу года перестройка структуры НБК была завершена, в результате чего созданы следующие региональные отделения: Тяньцзиньское (включает г. Тяньцзинь, провинции Хэбэй и Шаньси, а также АР Внутренняя Монголия), Шэньянское (пров. Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян), Шанхайское (г. Шанхай, пров. Чжэцзян и Фуцзянь), Нанкинское (пров. Цзянсу и Аньхой), Цзинаньское (пров. Шаньдун и Хэнань), Уханьское (пров. Цзянси, Хубэй и Хунань), Гуандунское (пров. Гуандун и Хайнань, а также Гуанси-Чжуанский АР), Чэндуское (пров. Сычуань, Гуйчжоу и Юньнань, а также АР Тибет), Сианьское (пров. Шэньси, Ганьсу и Цинхай, а также Синьцзян-Уйгурский АР). Прежние Пекинское и Чунцинское отделения упразднены, а их хозяйственная деятельность поставлена под непосредственный контроль Управления хозяйственностью НБК⁸. В новых условиях главы региональных отделений наделены большими полномочиями, чем руководители провинциальных отделений.

Следует подчеркнуть, что невозвратные кредиты представляют собой угрозу финансовой стабильности Китая и требуют весьма серьезного к себе отношения. Поэтому в 1998 г. в отношении банковской “большой четверки” проводился курс на:

- предоставление этим банкам возможности самим определять стоимость инвестиционных проектов и самостоятельно расширять кредитование;
- осуществление контрольного надзора за ними путем концентрации внимания на соотношении активов и пассивов вместо установления потолка кредитования;
- повышение соотношения между собственным капиталом банка и активами до 8% (т.е. до уровня коэффициента достаточности собственного капитала банка);
- переклассификацию кредитов, чтобы обеспечить лучшую оценку и управление непогашаемыми кредитами;
- принятие новых мер по бухгалтерскому учету⁹.

В ряду перечисленных направлений особое внимание следует обратить на такое весьма существенное изменение как переход к новой системе оценки качества банковских кредитов. Прежняя система оценки центральным банком активов коммерческих банков была признана неудовлетворительной. Это объясняется следующими обстоятельствами. В 1996 г. центральный банк ужесточил свой контрольный надзор, потребовав от коммерческих банков ежегодно снижать уровень своих "плохих" активов на 2—3%. Этот курс в определенной степени привел к положительному результату, оказав давление на коммерческие банки в достижении названной цели.

Создание "политических" банков способствовало облегчению нагрузки, связанной с финансированием крупных государственных проектов, на специализированные банки и замедлению накопления "плохих" активов у этих банков. В то же время нельзя переоценивать значение "политических" банков, поскольку отделение кредитов, носящих политический характер, привело к перемещению "плохих" активов от спецбанков к "политическим" банкам, оставляя нетронутыми причины их возникновения. Кроме того, высокие издержки, связанные с функционированием этих банков, вынуждают поднимать ставки по кредитам выше ставок спецбанков, что не соответствует политическим установкам. Наиболее вероятно, что "политические" кредиты станут невозвратными, в отличие от кредитов спецбанков; в этом заключается тенденция развития.

Вышеперечисленные факторы обусловили переход Китая от прежней практики к разделению всех кредитов на 5 категорий: стандартные, требующие внимания, нестандартные, сомнительные и утраченные. Новая практика должна точнее отражать уровень хозяйственной деятельности предприятий и реальную стоимость банковских кредитов. От банков же требуется проведение принципа анализа хозяйственной деятельности заемщиков с учетом возможных рисков вместо подсчета убытков после того, как они уже возникли.

Подытоживая, можно сказать, что начиная с 1998 г. в Китае осуществляется трехлетний план реформирования банковской системы с целью выведения ее на современный уровень. Этот план включает изменения по следующим направлениям.

1. Перегруппировка существующих банковских структур, которая заключается в слиянии банковских отделений в рамках своих банков или с другими банками. Банки должны повысить уровень функционирования путем снижения количества занятого персонала и введения новых технологий, расширяя в то же время услуги, на которые предьявляется спрос. Новые банковские структуры, в особенности местные коммерческие банки делают упор на создание новых отделений. А "большая четверка" переносит центр внимания с отечественного рынка на создание отделений за границей.

2. Более последовательное проведение курса на отделение банковских структур от правительства. Коммерческие банки, особенно "большая четверка"

ускоряют реформу, чтобы повысить свою конкурентоспособность. Менеджмент наделяется большими полномочиями по принятию решений, а "политические" банки повышают свою роль в строительстве ключевых проектов.

3. Китай не отказывается от проведения умеренно жесткой монетарной политики, к которой он приступил в середине 1993 г., но средства проведения этой политики становятся более гибкими и разнообразными. Макрорегулирование осуществляется путем косвенных средств, включая рефинансирование, переучет векселей (т.е. их учет центральным банком после того, как они уже были учтены коммерческими банками), операции на открытом рынке и изменение процентных ставок.

4. В соответствии с требованиями центрального банка "большая четверка" устанавливает механизм регулирования через соотношение между активами и задолженностью. В результате возрастает уровень конкуренции как между банками, так и между регионами, а также между устойчивой банковской клиентурой за источники притока капитала.

В 1999 г. банкам предстоит новая аттестация, а к концу 2000 г. будет произведена реструктуризация коммерческих банков; это означает закрытие излишних отделений и освобождение излишнего персонала, что снизит издержки банков на 20%.

И все же важнейшим фактором, тормозящим ход реформы банковской системы в Китае, остается задолженность госпредприятий банкам. Все еще имеет место административное вмешательство в работу банков, хотя и в замаскированной форме, несмотря на принятые решения, защищающие их от такого вмешательства. Оно усугубляет неблагоприятную ситуацию с задолженностью предприятий, ведет к увеличению издержек и рисков в процессе функционирования банков. Многие предприятия, объявляя о своем банкротстве, находят в этом оправдание для уклонения от погашения долгов или для аннулирования их, тем самым увеличивая безнадежные долги перед банками. Таким образом, судьбы дальнейшего углубления преобразований в банковской сфере Китая самым тесным образом связаны с перспективами реформирования государственных предприятий.

Китайские банки ощутили влияние финансового кризиса в соседних странах. В целом этот кризис вызывает необходимость ускорить перестройку банковской системы Китая, чтобы освободить государственные банки от больших по размерам незадействованных активов и сохранить финансовую стабильность.

-
1. Жэньминь жибао. 1995. 22 марта.
 2. Там же. 12 мая.
 3. China Daily. 1999. January 13.
 4. Ibid. 1998. March 26; July 1.
 5. Ibid. 1999. January 30.
 6. Ibid. 1998. February 17; August 9—15.
 7. Beijing Review. 1998. № 14. P. 39.
 8. China Daily. 1998. February 17; November 17.
 9. Ibid. March 814.

Транспортные проблемы в российско-китайских экономических отношениях

© 1999

И. Азовский, Ю. Щербанин

Географическое положение России и Китая, расположенных на одном побережье Тихого океана, казалось бы, диктует необходимость активного использования открывающихся возможностей морского судоходства. Однако морские перевозки занимают сегодня лишь небольшое место в российско-китайской торговле. Так, за десять месяцев 1998 г. морским транспортом было перевезено грузов взаимной торговли всего около 400 тыс. т, т.е. менее 10% от объема грузов, перевезенных по железной дороге. Анализ причин слабого использования возможностей этого вида транспорта свидетельствует о следующем.

Во-первых, складывается ситуация, складывающаяся в морском транспорте обеих стран. Морской транспорт играет очень важную роль в экономике КНР. Начиная с середины 60-х годов от 80 до 90% внешнеторговых грузов в Китае перевозится морским путем. Кроме того, десятки миллионов тонн различных народохозяйственных грузов перевозит китайский каботажный флот. Несмотря на то, что в последние годы Китай много внимания уделяет строительству новых, а главное - расширению и модернизации имеющихся морских портов, пропускная способность портов является узким местом экономики страны, особенно после того, как Пекин встал на путь внешнеэкономической открытости страны (в 1997 г. КНР вышла на 10-е место в мире по объему внешней торговли, а общая сумма экспорта и импорта за год составила 325 млрд. долл.). Хотя в 1997 г. грузооборот основных морских портов составил 878,46 млн. т в том числе грузооборот внешнеторговых грузов составил 359,15 млн. т.¹, торговые партнеры отмечают факты недостаточного технического уровня организации разгрузочно-погрузочных работ в китайских портах, что приводит к увеличению сроков обработки судов, наблюдаются сверхнормативные стоянки в китайских портах.

Иная картина складывается в морском судоходстве России. Распад Советского Союза сильно подорвал мощь России как мировой морской державы. Экономические процессы, начавшиеся в РФ, привели к дальнейшему сокращению морского флота и объему морских перевозок в стране в целом, и объему перевозок между Россией и Китаем в частности. Сокращение объема транспортных перевозок в России, в том числе в порты Дальнего Востока, рост транспортных тарифов, морского фрахта, портовых и таможенных сборов и другие подобные факторы не могли не сказаться на работе наших

Азовский Игорь Павлович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН.

Щербанин Юрий Алексеевич, доктор экономических наук, руководитель департамента внешнеэкономических связей и международного сотрудничества правительства РФ.

дальневосточных портов, а значит и на объемах российско-китайских перевозок. Достаточно сказать, что в общей сложности за период 1991-96 гг. тарифы на железнодорожном транспорте в Приморском крае выросли почти в 45000 раз². Кроме того, акционирование Дальневосточного морского пароходства далеко не во всем привело к улучшению организации работы портов, а нехватка капиталов отрицательно сказывается на техническом их перевооружении, поэтому наши порты Дальнего Востока сегодня отстают в техническом оснащении. Низкий уровень обслуживания клиентов, периодическое отключение портов от энергоснабжения, что приводит к приостановке погрузо-разгрузочных работ, высокие тарифы, сложная система оформления грузов – все это отпугивает грузоотправителей, и они ищут другие пути доставки. По оценке дальневосточных экономистов, порты региона в 1997 г. имели резервы в пропускной способности в среднем около 50%³.

Во-вторых, сдерживающую роль в расширении морские перевозки между Россией и Китаем играет географический фактор. С конца 80-х гг. начался рост товарообмена между приграничными с Китаем регионами России и тремя северо-восточными провинциями КНР. В настоящее время он составляет примерно 40% общего объема российско-китайской торговли⁴. Однако доставка грузов морем именно между этими регионами не всегда удобна, так как приходится огибать Корейский полуостров, что значительно удлиняет путь в китайские порты Северо-Восточного и Центрального Китая. Так, расстояние между Владивостоком и Тяньцзинем составляет 2000 км, между Владивостоком и Далянем (Дальний) – 2300 км, в то время как до Шанхая всего 1800 км. В этих условиях грузоотправители отдают предпочтение железнодорожным и автомобильным перевозкам.

Следует отметить, что завершение строительства железнодорожной ветки Краскино-Ханьчунь, которая соединит кратчайшим путем Северо-Восточный Китай с морем, и реконструкция Хасанского торгового порта (пос. Зарубино) приведут к росту перевозок транзитных грузов из КНР и расширению сотрудничества между двумя странами в области морского судоходства.

И, наконец, на развитии морского судоходства между Россией и Китаем отрицательно сказывается нерешенность некоторых договорно-правовых вопросов в области морского судоходства. Например, не решен вопрос о допуске российских перевозчиков к перевозкам китайских грузов из третьих стран, а также о создании на территории КНР совместных предприятий, что необходимо для создания агентских компаний по обслуживанию российских судов в портах Китая.

Незначительную роль в транспортных перевозках между Россией и Китаем занимают и речные перевозки. Например, в 1997 г., по китайским официальным данным, китайским речным транспортом было перевезено 247 тыс. тонн грузов, российским – 116 тыс. тонн; с января по июль 1998 г. эти показатели составляли 69 и 65 тыс. тонн соответственно. Кроме того, за этот период речным китайским транспортом было перевезено 171 и 95 тыс. пассажиров, а российской стороной – 248 и 69 тыс. пассажиров. Как видно из вышеприведенных данных, доля речных перевозок в российско-китайских транспортных отношениях также относительно небольшая. И это в то время, когда большая часть государственной границы между странами в настоящее время проходит по рекам. Главная причина сложившегося положения заключается в отсутствии договорно-правовой основы, обеспечивающей речное судоходство по приграничным рекам.

Даже краткий экскурс в историю российско-китайских отношений свидетельствует о том, что обе стороны всегда придавали большое значение

вопросам судоходства⁵. Начиная с Айгунского мирного договора 1858 г. в ряде межгосударственных соглашений оговаривались права и правила судоходства по пограничным и внутренним приграничным рекам обеих стран. После Октябрьской революции Россия публично отказалась от всех контрибуций и концессий, в том числе и от прав беспрепятственного и почти беспопытного судоходства по некоторым внутренним рекам Китая. Лишь в 1925 г. удалось достичь соглашения о судоходстве по р.Сунгари (до Харбина), а китайские суда получили право плавать по нижнему Амуру с выходом в Татарский пролив, Охотское и Японское моря. Однако осуществлению этих договоренностей помешали пограничные столкновения. В 1928 г. были подписаны соглашения об установлении общих правил плавания судов по пограничным рекам. В 1934 г. было достигнуто соглашение, в соответствии с которым по Амуру, Сунгари и Уссури могли плавать только советские и китайские суда. В 1939 г. был подписан торговый договор между СССР и Китайской Республикой, по которому обе стороны получали право плавания и рыболовства на реках и озерах, общих для обеих стран. Однако статья X упомянутого договора объявляла закрытым внутреннее судоходство и каботаж на территории договаривающихся сторон⁶. После образования КНР 2 января 1951 г. в Харбине на уровне министров было подписано "Соглашение о порядке плавания по пограничным рекам Амур, Уссури, Аргунь, Сунгача и озеру Ханка и об установлении судоходной обстановки на этих водных путях", но его действие было прервано в результате обострения советско-китайских отношений в 60-е годы.

Лишь в 1986 г. состоялись переговоры между правительственными делегациями СССР и КНР по транспорту, где были определены объемы перевозок внешнеторговых грузов различными видами транспорта на 1986-90 гг. На переговорах была достигнута договоренность о возобновлении с мая 1986г. перевозок грузов речным транспортом⁷. Медленно решается вопрос и о плавании судов по внутренним рекам в приграничных районах. Так, только на втором заседании рабочей группы по морскому, речному и автомобильному транспорту российско-китайской подкомиссии по транспорту (1997 г., Санкт-Петербург) российская сторона дала согласие на перевозку грузов из китайских приморских портов во внутренние речные порты Китая и обратно по российской части р. Амур. Стороны договорились подготовить межведомственный протокол, определяющий порядок и условия прохода китайских судов, и подписать его в конце 1998 г. Таким образом, отсутствие договоренности, юридически оформленной обеими сторонами, является основным препятствием, сдерживающим развитие российско-китайских речных перевозок.

Почти аналогичная ситуация сегодня сложилась и в автомобильных перевозках. Эта сфера транспортной деятельности регулируется соглашением между правительством РФ и КНР о международном автомобильном сообщении от 18 декабря 1992 г. Однако до сих пор не решен ряд конкретных вопросов, предусмотренных этим соглашением. Так, китайская сторона затягивает предоставление перечня дорог на территории КНР, открытых для международного автомобильного сообщения, не согласован порядок перевозки грузов и пассажиров в приграничных районах и перевозки транзитных грузов и пассажиров на территории РФ и Китая, а также не решается проблема увеличения глубины проезда автотранспортных средств сопредельных районов обеих стран.

В результате как российским, так и китайским автотранспортом в основном осуществляются приграничные перевозки грузов и пассажиров. Это и определяет сравнительно низкие объемы автоперевозок между нашими странами. По данным китайской статистики, в 1997 г. автомобильным транспортом было перевезено 580 тыс. т, из них российской стороной 81%, а китайской -

19%, пассажиров было перевезено 549 тыс. человек. В первой половине 1998 г. грузов было перевезено 330 тыс. т (из них российской стороной 71%, а китайской - 29%). Пассажиров перевезено 443 тыс. человек. Следует отметить, что в последние годы автомобильные перевозки растут, чему во многом способствует увеличение с 3 до 23 числа контрольно-пропускных пунктов и автопереходов на российско-китайской границе⁸, а главное - расширение торгово-экономических связей между приграничными регионами. Достаточно отметить, что товарооборот провинции Хэйлуцзян с Россией вырос с 0,1 млрд. долл. в 1987 г. до 2,6 млрд. долл. в 1995 г.

На общем фоне медленного развития различных видов транспортных перевозок между Россией и Китаем выделяется воздушный транспорт, где в последние годы происходит рост количества авиалиний, рейсов и, соответственно, объема перевозимых грузов и пассажиров. Так, в 1996 г. полеты осуществлялись между 7 городами России и 6 китайскими городами, число авиалиний было доведено до 14, три российские и три китайские авиакомпании еженедельно совершали 33 регулярных рейса и еще больше чартерных (до 200 в месяц). Хотя в силу высокой стоимости авиационных перевозок в целом доля воздушного транспорта в российско-китайских перевозках оставалась незначительной.

Таким образом, на сегодняшний день на железную дорогу приходится львиная доля перевозок. А это означает, что дальнейший рост товарооборота между двумя странами вновь приведет к трудностям из-за слабой пропускной способности имеющихся железнодорожных переходов на границе. Эта проблема ждет своего решения.

Говоря о роли транспортных проблем в российско-китайских отношениях, следует остановиться еще на одном вопросе - является ли Второй евроазиатский трансконтинентальный мост конкурентом Транссибу? Об этом в последнее время все чаще и чаще пишется в прессе.

Действительно в последние годы наблюдается резкое падение объема грузоперевозок по Транссибу. При возможности перевозить 100 млн. т. в год сегодня магистраль загружена только на 1/3; еще большее падение объема наблюдается в контейнерных перевозках: в 1997 г. по Транссибу было перевезено 20 тыс. контейнеров (для сравнения: в 1981 г. - 140 тыс.). Каковы причины сложившейся ситуации на магистрали? Не явилось ли это результатом вступления в строй в 1991 г. "второго моста"?

Во-первых, это сложности переходного периода, переживаемого Россией. Падение производства и низкая платежеспособность грузоотправителей, а отсюда и снижение объема перевозок. Те же проблемы и в работе портов. Достаточно отметить, что в дальневосточных портах в последнее время частое явление - трехдневная рабочая неделя, часто отключается электроэнергия. Все это затягивает сроки погрузки и разгрузки судов, а значит и сроки доставки грузов.

Во-вторых, ошибки в организации перевозок по Транссибу, вызванные прежде всего местническими настроениями различных ведомств, связанных с перевозками (МПС, морской флот, таможня и др.). Здесь и завышенные тарифы на перевозку грузов и их обработку в российских портах, длительные сроки и усложненная процедура таможенного оформления (совсем еще недавно таможенное оформление транзитного контейнера в порту Восточный занимало до 10 суток), отсутствие обеспечения сохранности грузов и нарушение сроков их доставки по железной дороге и многое другое, что заставляло грузоотправителей искать другие пути доставки.

В-третьих, конкуренция со стороны морских перевозчиков. Например, в Японии был создан мощный контейнеровозочный флот из судов, берущих до 5 тыс. контейнеров на борт, что сразу удешевило фрахт.

В-четвертых, появление новых альтернативных сухопутных транспортных магистралей. Речь идет не только о Втором евразийском мосте, но и о других. Например, в 1997 г. 22% (а в 1998 г. планировалось свыше 30%) экспортируемого в Европу хлопка было вывезено из Узбекистана по трансквазскому коридору, минуя Россию.

Что касается новой китайской магистрали, то пока она серьезного влияния на работу Транссиба не оказывает, хотя регулярное движение через станцию Дружба на китайско-казахстанской границе начато в 1991 г. и год от года растут объемы перевезенных через границу грузов (1994 г. - 500 тыс. т, 1996 г. - 1174 тыс. т, 1996 г. - около 2 млн. т⁹).

За прошедшие годы в связи с изменившейся обстановкой пересмотрено и отношение Пекина к этой дороге. Если сначала ее рассматривали как еще один транспортный путь для расширения связей прежде всего с Советским Союзом, то теперь ее решено превратить в международную трансконтинентальную магистраль, важную артерию, соединяющую страны Азии с Европой. К решению такой задачи сегодня "второй мост" пока еще не готов, выполняя в основном внутренние перевозки и обеспечивая железнодорожную связь со странами Центральной Азии. Среди наиболее узких мест магистрали можно отметить участок дороги Урумчи-Дружба (460 км). Есть участки, которые требуют реконструкции, так как на них ложится основная нагрузка по обеспечению сообщения между Восточным и Западным Китаем, и они уже сейчас перегружены. Требуется дальнейшего расширения порт Ляньюньган и технического переоснащения железнодорожный пограничный переход на ст. Алашанькоу. Порт Ляньюньган и магистраль в целом пока еще не готовы к широкому контейнерным перевозкам. Лишь к концу 1998 г. предполагалось наладить отправку по одному составу с контейнерами в сутки с обоих концов магистрали. Это позволит ежегодно перевозить около 70 тыс. контейнеров.

Следует также учитывать, что по территории КНР проходит лишь примерно половина международной магистрали, поэтому надо принимать во внимание состояние дел в других странах и прежде всего в Центральной Азии. Так, в Казахстане в серьезной реконструкции нуждается станция Дружба и участок пути Дружба-Актогай (работы с помощью Японии начались). Во всех странах региона состояние национальных железных дорог и обслуживание грузов не удовлетворяет требованиям международных стандартов. Все это будет отрицательно сказываться на сроках доставки грузов по международной магистрали. Привлекательность "второго моста" сейчас снижается и высокими транспортными тарифами, существующими в этих странах. Так, по сообщениям местной прессы, в Казахстане в 1996 г. с целью повышения доходов железных дорог были повышены тарифы на перевозку транзитных грузов. В результате в себестоимости продукции доля расходов на транспортировку порой составляла 50%. Результатом всего этого явилось сокращение в последнее время объема транзитных перевозок и дохода от них.

Во многом похожая картина наблюдается и на железных дорогах Ирана и Турции. Поэтому после того как в 1996 г. состоялась стыковка железных дорог Туркмении и Ирана, доставка транзитных грузов из АТР в Европу через эти страны также потребует предварительных значительных усилий по реконструкции и налаживанию работы этого участка евроазиатской магистрали.

Все это хорошо понимают в Пекине и не стремятся начинать активные перевозки, а делают основной упор на ликвидацию "узких" мест магистрали. Так, начаты работы с помощью кредита Всемирного банка по прокладке второй колеи на участке Урумчи-Алашаньюкоу. Полным ходом идет расширение порта Ляньюньган. Вступила в эксплуатацию в 1997 г. железная дорога Пекин-Гонконг, которая пересекается со "вторым мостом", а это значит, что грузы из Гонконга теперь напрямую могут отправляться в Европу по железной дороге. Нельзя забывать, что Гонконг - один из крупнейших в мире центров по обработке контейнеров, в 1995 г. его контейнерооборот превысил 12,5 млн. единиц (в 20-футовом исчислении), а по объему обработанных грузов в 1995 г. он занял первое место в мире. Готовятся кадры (как в стране, так и за рубежом) специалистов-транспортников по работе с международными грузами. Активно ведутся переговоры с международными фирмами о сотрудничестве в перевозке грузов по магистрали. Разрабатывается и программа активного использования магистрали в интересах экономического развития районов, по которым она проходит. По этой теме в Китае уже проведено две представительных международных конференции. Предпринимаются необходимые меры и в странах Центральной Азии. Например, на станции Дружба в начале 1998 г. смонтированы новые подъемные устройства по замене колесных тележек, что в три раза увеличило возможности узла. Осуществление этих масштабных планов, по мнению Пекина, позволит магистрали в будущем успешно конкурировать с Транссибом.

Обстановка, сложившаяся на Транссибе, вызывает беспокойство в России. Поэтому в мае 1997 г. по указанию правительства РФ была разработана Концепция государственной политики поддержки транзитных перевозок по Транссибирской магистрали, в июне 1997 г. она была одобрена. В соответствии с этой концепцией были намечены конкретные шаги по ее реализации. Среди них можно отметить такие, как снижение ставок тарифов на перевозку и переработку транзитных грузов; упрощение и ускорение контрольно-оформительских процедур; привлечение для перевозок транзитных грузов преимущественно российских судоходных компаний; гарантии сохранности грузов (за последний год не было ни одной жалобы); ускорение продвижения транзитных грузов в портах, на станциях и по железной дороге. Кроме того, предусмотрена модернизация объектов магистрали. Среди приоритетных проектов, которые должны быть завершены до 2000 г.: мост через реку Амур у Хабаровска, оснащение тоннелей в Амурской области; создание волоконно-оптической магистральной связи на всем протяжении Транссиба.

Отличительной чертой новой программы по выводу Транссиба из кризисного состояния (ранее такие попытки также предпринимались) является ее комплексность. К решению проблемы привлечены многие министерства и ведомства, а не только МПС, как это было раньше. Это позволяет легче преодолевать ведомственные преграды.

Уже с октября 1997 г. в рамках реализации программы были снижены железнодорожные тарифы на Транссибе для грузов международной торговли, перевозимых с участием морского транспорта на 10%, а в контейнерах - на 1/3. Одновременно снижены наполовину портовые сборы для судов, перевозящих грузы для этой магистрали. Снижены тарифы на доставку контейнеров из порта Пусан в Восточный. В апреле 1998 г. был организован рейс контейнерного поезда по маршруту Находка-Брест, который продемонстрировал, что Транссиб может доставлять грузы всего за 9 суток. Предполагается, что такие поезда по маршруту Находка-Брест-Находка будут курсировать по жесткому расписанию один раз в десять дней. По мере увеличения количества

грузов, которые будут поступать в порты, в будущем будет увеличиваться и количество курсирующих поездов.

В апреле 1999 г. в Министерстве путей сообщения была проведена встреча представителей крупнейших японских и южнокорейских корпораций - потенциальных клиентов Транссиба. На встречу также были приглашены сотрудники экспедиторских компаний, а также представители немецких, чешских и финских железных дорог. Заместитель министра путей сообщения РФ А.Касьянов сообщил собравшимся, что с начала этого года Транссиб "увеличил" свою протяженность: достигнута договоренность о согласованных ("сквозных") тарифах с польскими и немецкими железнодорожниками.

На встрече было подчеркнуто, что главное преимущество российского маршрута - скорость. Как было заявлено, МПС гарантирует грузоотправителям, что из Находки в Густовскую (станция на границе с Финляндией) товар будет доставляться на 11 суток, а из Находки в Берлин - за 14,5 суток. Было сообщено, что достигнута договоренность между МПС и Дальневосточным морским пароходством о тесном взаимодействии и согласовании действия по доставке грузов из Японии и Южной Кореи. Сроки доставки грузов из этих стран в центральные города Западной Европы не будут превышать 18 суток.

Присутствовавшие были проинформированы об утверждении новых тарифов. В результате стоимость доставки 20-футового контейнера из Азии в Европу через российскую территорию будет обходиться на несколько сот долларов дешевле, чем его доставка морским путем¹⁰.

По мнению разработчиков программы, принимаемые меры должны вернуть привлекательность Транссибу в глазах грузоотправителей. Однако их практическое осуществление - далеко не простое дело, но от результатов будет зависеть, насколько успешно в будущем сможет Транссиб конкурировать с новой евроазиатской железнодорожной магистралью.

Что касается механизма реализации сотрудничества между Россией и Китаем в области транспорта, то в настоящее время основная работа осуществляется в рамках Подкомиссии по транспорту Российско-Китайской Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая.

Подкомиссия по транспорту, в свою очередь, состоит из четырех рабочих групп - по морскому, речному, автомобильному транспорту и автомобильным дорогам, по воздушному транспорту, по пунктам пропуска и по железнодорожному транспорту. В конце 1998 г. состоялось третье заседание Подкомиссии. По результатам заседания следует выделить следующее.

Впервые подписана программа сотрудничества между Россией и Китаем в области транспорта на краткосрочный (до 2001 г.) и долгосрочный (до 2010 г.) периоды. Таким образом, определены задачи, выполнение которых будет способствовать развитию интеграционной тенденции в двусторонних экономических контактах.

Стороны оформили межведомственные договоренности, направленные на расширение транспортных связей с Китаем. Подписаны протокол о перевозках грузов китайскими судами из морских портов КНР до внутренних речных китайских портов и обратно по российской части реки Амур; Порядок выполнения автомобильных пассажирских и грузовых перевозок между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой; протокол по организации перевозок внешнеторговых грузов российскими и китайскими судами по рекам Амур и Сунгари; соглашение о внесении изменений и дополнений в пограничное железнодорожное Советско-Китайское Соглашение.

В ходе работы заседания российская делегация настойчиво ставила вопрос об увеличении китайского транзита через российские порты Примо-

рья, о приоритетном использовании имеющихся транспортных коридоров Европа-Азия, а также западное побережье США-Россия-Китай. В переговорах активное участие принимали представители Приморского края. Китайская сторона, комментируя переговоры по данному вопросу, указывала, что на этом этапе имеется намерение обслуживать потребности экономики и внешней торговли своей страны в основном собственными силами.

По мнению экспертов, анализирующих товаропотоки, китайская сторона перенаправляет грузы на свои порты, хотя, исходя из тарифных расчетов, выгоднее направлять часть грузов на российские порты.

В области воздушного транспорта стороны намерены продолжить разработку нового межправительственного соглашения о воздушном сообщении. Нет прогресса и в вопросе о продвижении нашей гражданской авиатехники - речь идет о российских Ту-204 и ИЛ-96.

Достигнута договоренность об организации движения прямых контейнерных поездов Москва-Пекин.

Определены совместные подходы к дальнейшему обустройству и функционированию пунктов пропуска на границе. Выделены приоритетные переходы, согласованы действия по повышению эффективности их работы.

1. Материалы 1-ой сессии ВСНП 9-го созыва. Итоги экономического и социального развития КНР в 1997 г. и планы на 1998 г. // ИДВ, экспресс-информация. № 3. 1998. С. 20, 52.
2. Сергеев А.С. Влияние транспортных затрат на конъюнктуру товарного рынка Приморского края // Вестник ДВО РАН, 1997. № 5. С. 53.
3. Сергеев А.С. Современное состояние транспортного комплекса Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН, 1998. № 6. С. 62.
4. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. М., 1998. С. 96.
5. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Амур: граница между государствами или объект сотрудничества // Вестник Дальневосточной академии экономики и управления. Владивосток, 1997. № 1 (3). С. 44-48.
6. Сладковский М.М. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974 гг.). М., 1977. С. 338.
7. 40 лет КНР. М., 1989. С. 368.
8. КНР в 1995-1996 гг. Политика, экономика, культура. М., 1997. С. 226.
9. Казахстанская правда. 1996. 13 мая.
10. Финансовые известия. 1999. 8 апреля.

Борьба с экономической преступностью в КНР: законодательство и практика

© 1999

Н.Ахметшин

На фоне валютно-финансовых потрясений, экономических неурядиц у стран-соседей динамично развивающийся Китай сталкивается с немалыми трудностями, но уверенно продвигается по пути реформ. Реформируется не только экономика, но и политические институты, законодательство. Широкий резонанс в стране вызвало принятие 14 марта 1997 г. на пятой сессии Всекитайского собрания народных представителей /ВСНП/ восьмого созыва нового варианта Уголовного кодекса /УК/ КНР¹, который вступил в силу 1 октября 1997 г. Кардинально обновленный УК стал логическим итогом развития уголовного законодательства в 80-90-е гг. и обобщил конкретные факты совершаемых уголовных преступлений.

Завершающие годы столетия в КНР проходят под аккомпанемент яростной и бескомпромиссной борьбы с экономической преступностью. По признанию китайских руководителей и средств массовой информации, ее главная цель — обеспечение стабильности в обществе. Не случайно агентство Синьхуа, определяя 10 ключевых внутривнутриполитических событий 1998 года, отдельно выделило борьбу с контрабандой, а также с коррупцией и взяточничеством². Председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь в свою очередь подчеркнул, что в 1999 году 50-летия образования КНР и возвращения в "лоно родины" Аомэня /Макао/, будет наведен экономический порядок и активизирована борьба с преступностью, в том числе с контрабандой, финансовым мошенничеством, коррупцией, взяточничеством и др.³

Преступления, связанные с контрабандой, выделены в УК в специальный параграф главы 3 "Преступления против социалистического рыночного экономического порядка" Особенной части /ст.151-157/, в статье 347 рассматривается также контрабанда наркотиков.

Кодекс устанавливает, что контрабанда оружия, боеприпасов, радиоактивных материалов или фальшивых денег наказывается лишением свободы на срок семь и более лет; при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок от трех до семи лет. Контрабанда запрещенных государством для вывоза культурных ценностей, золота, серебра и других драгоценных металлов или запрещенных государством для вывоза и ввоза ценных животных и продукции из них наказывается лишением свободы на срок пять и более лет; при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок до пяти лет. В качестве дополнительного наказания применяется штраф, в отдельных случаях — конфискация имущества.

Ахметшин Наиль Хасанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИПГ РАН

Следует подчеркнуть, что перечисленные преступления, совершенные при особо отягчающих обстоятельствах, наказываются пожизненным лишением свободы либо смертной казнью, в качестве дополнительного наказания применяется конфискация имущества.

Контрабанда запрещенных государством для ввоза и вывоза редких растений и продукции из них наказывается лишением свободы на срок до пяти лет, в качестве дополнительного или самостоятельного наказания применяется штраф; при отягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок пять и более лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф /ст.151/.

В первом в истории КНР Уголовном кодексе 1979 г. /вступил в силу 1 января 1980 г./⁴ вопросы контрабанды регулировались положениями трех статей /ст-116, 118-119/. Максимальное наказание предусматривала статья 118: контрабанда, спекуляция в виде промысла или в крупных размерах, руководители контрабандных и спекулятивных групп наказывались лишением свободы на срок от трех до десяти лет, в качестве дополнительного наказания могла применяться конфискация имущества. В указанных пределах более строгому наказанию подвергались работники государственных органов, использовавшие служебное положение для контрабанды и спекуляции /ст,119/.

Однако уже в марте 1982 г. принятое на 22-м заседании Постоянного комитета /ПК/ ВСНП пятого созыва Постановление об усилении наказаний в отношении лиц, совершивших серьезные хозяйственные преступления⁵, вносило изменения в том числе и в статью 118 УК. При особо отягчающих обстоятельствах деяния, предусмотренные в ней, наказывались отныне лишением свободы на срок десять и более лет, пожизненным лишением свободы либо смертной казнью. 21 января 1988 г. на 24-м заседании ПК ВСНП шестого созыва были приняты Дополнительные установления о наказании за контрабанду⁶, послужившие своеобразным прообразом нынешнего раздела в УК и действовавшие до октября 1997 г.

Несомненный интерес в новом законодательстве представляют положения о контрабанде товаров и предметов при уклонении от уплаты налогов. Такая контрабанда с уклонением от уплаты налога на сумму 500 тысяч юаней /около 60 тысяч долларов США/ и более наказывается лишением свободы на срок десять и более лет либо пожизненным лишением свободы; при особо отягчающих обстоятельствах допускается применение смертной казни. Контрабанда с уклонением от уплаты налога на сумму 150 тысяч юаней /около 18 тысяч долларов/ и более, но менее 500 тысяч юаней наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет; при отягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок десять и более лет либо пожизненным лишением свободы. Во всех перечисленных случаях в качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от одной до пятикратной суммы неуплаченного налога. Как правило, в качестве альтернативы может применяться конфискация имущества.

Контрабанда товаров, предметов с уклонением от уплаты налога на сумму 50 тысяч юаней /около 6 тысяч долларов/ и более, но менее 150 тысяч юаней наказывается лишением свободы на срок до трех лет либо арестом, в качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от одной до пятикратной суммы неуплаченного налога. Неучтенная многократная контрабанда наказывается в соответствии с общей суммой неуплаченного налога за все контрабандные товары, предметы /ст. 153/.

Характерно, что Дополнительные установления о наказании за контрабанду 1988 г. в отличие от ныне действующего законодательства не определя-

ли размеры штрафа. Кроме того, в них были установлены более суровые наказания за контрабанду с уклонением от уплаты налога на суммы, определенные УК, фиксировался более низкий предел суммы, облагаемой налогом. Последний, например, равнялся 20 тысячам юаней /около 2,4 тысячи долларов/. Контрабанда товаров, предметов с уклонением от уплаты налога на сумму от 20 тысяч юаней и более, но менее 50 тысяч юаней наказывалась лишением свободы на срок до трех лет либо арестом. Контрабанда с уклонением от уплаты налога на сумму от 50 тысяч юаней и более, но менее 150 тысяч юаней наказывалась лишением свободы на срок от трех до десяти лет и т.д.

Китайские реалии свидетельствуют о нередком применении смертной казни за контрабанду, которая, кстати, предусмотрена, практически, в каждой второй статье соответствующего параграфа УК. В октябре 1998 г. в южной провинции Гуандун к смертной казни за контрабанду в особо крупных размерах были приговорены два бизнесмена - Цзоу Вэйцюань и Чэнь Баоцюань. В ходе следствия было доказано, что контрабандисты в общей сложности нелегально переправили через таможенную границу товаров, включая автомобили и бытовую технику, на 38 миллионов юаней /более 4,5 миллиона долларов/. Им удалось уклониться от налогов на сумму в 16 миллионов юаней /около 2 миллионов долларов/. По словам заместителя председателя Верховного народного суда Лю Цзячэня, столь суровое наказание "свидетельствует о серьезном отношении к борьбе с контрабандой в Китае"⁷.

Решительную борьбу китайские правоохранительные органы ведут с контрабандой порнографических кинофильмов, видео- и аудиозаписей, изображений, печатных изданий или других предметов порнографического характера. Подобная контрабанда с целью извлечения выгоды или распространения наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет; при отягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок десять и более лет либо пожизненным лишением свободы; при смягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок до трех лет, арестом либо пребыванием под надзором. В качестве дополнительного наказания применяется штраф /ст. 152/.

На завершившемся в конце декабря 1998 г. всекитайском секторном совещании по борьбе с порнографией и нелегальной издательской деятельностью было принято решение развернуть в течение первой половины 1999 г. в масштабах всей страны очередную кампанию по пресечению подобного рода преступлений. Особое внимание уделялось проведению строгой ревизии рынка, пресечению контрабанды и торговли нелегальной видео- и аудио продукцией. По данным статистики, с 1994 г. в КНР было изъято более 30 миллионов экземпляров незаконных изданий, десятки миллионов лазерных дисков, в том числе 2,7 миллиона порнографического и эротического содержания⁸.

Кодекс предусматривает уголовную ответственность за контрабанду, совершенную юридическими лицами. Организации, виновные в совершении такого рода преступлений, наказываются штрафом; лица, непосредственно ответственные за руководство и другие непосредственно ответственные лица наказываются в соответствии с положениями конкретных статей УК. В этом контексте заслуживает внимание то обстоятельство, что весьма распространенная в нынешнем кодексе уголовная ответственность юридических лиц впервые в истории китайского законодательства была закреплена в Таможенном кодексе КНР 1987 г./ст.47/ именно за контрабандные деяния предприятий, хозяйственных единиц, государственных учреждений и общественных организаций⁹.

Статья 347 УК устанавливает помимо прочего уголовную ответственность за контрабанду наркотиков. Контрабанда 1000 граммов и более опиума,

50 граммов и более героина либо метиламфетамина /наркотик "лед"/ или других наркотиков в большом количестве наказывается лишением свободы на срок до пятнадцати лет, пожизненным лишением свободы либо смертной казнью, в качестве дополнительного наказания применяется конфискация имущества. Контрабанда 200 граммов и более, но менее 1000 граммов опиума, 10 граммов и более, но менее 50 граммов героина либо метиламфетамина или других наркотиков в значительном количестве наказывается лишением свободы на срок семь и более лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф.

Контрабанда менее 200 граммов опиума, менее 10 граммов героина либо метиламфетамина или других наркотиков в малом количестве наказывается лишением свободы на срок до трех лет, арестом либо пребыванием под надзором; при отягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок от трех до семи лет. В обоих случаях в качестве дополнительного наказания применяется штраф. Кодекс в данном случае, естественно, предусматривает и уголовную ответственность юридического лица.

К числу наркотиков в УК отнесены опиум, героин, метиламфетамин, морфий, гашиш, кокаин и другие наркотические средства и психотропные вещества, квалифицируемые таковыми в соответствующих государственных установлениях /ст. 357/. В последнее время борьба с наркотиками в КНР объявлена одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов.

В 1979 г. сотрудники вооруженной полиции юго-западной провинции Юньнань задержали наркокурьера, пересекавшего государственную границу. Это был первый случай ареста международного наркокурьера в КНР. 16 августа 1986 г. сотрудники вооруженной полиции при содействии органов общественной безопасности той же провинции разгромили преступную группировку во главе с Вэнь Юаньхэ, Дай Вэньсюанем и Юй Сикунанем, было изъято более 22 килограммов героина. Это дело стало первым в истории нового Китая свидетельством существования организованной преступности, связанной с наркобизнесом. В 1996 г. органы общественной безопасности провинций Гуандун и Юньнань, тесно взаимодействуя с полицией Сянгана /Гонконга/, раскрыли самую крупную в стране ко времени образования КНР /на тот период/ международную банду наркодельцов, арестовав более 40 человек. Было изъято 598 килограммов героина, 3,27 миллиона юаней /около 400 тысяч долларов/ и 310 тысяч долларов, а также 17 транспортных средств¹⁰. Вряд ли возникнет вопрос, какие наказания понесли главные преступники.

Как известно, китайское законодательство допускает приведение смертного приговора не только через расстрел, но и путем введения инъекции, а также другими способами. Так, в двух из трех случаев применения инъекций со смертельными дозами яда в 1997-1998 гг. были казнены наркодельцы в уже упоминавшейся пограничной провинции Юньнань.

Несмотря на энергичные меры руководства страны проблема контрабанды остается чрезвычайно актуальной. Сложная ситуация сохраняется на юге и юго-западе страны, на восточном побережье, в крупных городах и портах. Особую опасность представляет сращивание контрабандистов с властными структурами в центре и на местах. Так, член Госсовета У И обвинила ряд руководящих работников уездного и волостного уровня, отвечающих за пограничную торговлю, в пособничестве и участии в контрабанде. По ее словам, "их действия серьезно порочат имидж властей и чиновников", кое-где облеченные властью чиновники "рассматривают контрабандную деятельность как благо для развития местной экономики", руководящая номенклатура в

некоторых районах лишь на словах борется с контрабандой, а на деле действует по принципу "верхи проводят свою политику, а у нас — собственная игра"¹¹. Тем не менее решимость китайских лидеров искоренить указанное явление вызывает уважение.

По итогам 1998 г., сотрудники органов общественной безопасности и пограничной службы КНР раскрыли 850 дел, связанных с контрабандой, на сумму 900 миллионов юаней /около 110 миллионов долларов/. В свою очередь таможенники за аналогичный период выявили более 8300 таких дел, а стоимость нелегально провозимых и, соответственно, изъятых товаров превысила 15 миллиардов юаней /более 1,8 миллиарда долларов/. Последние два показателя соответственно на 15,4 и 128,7 процента выше уровня 1997 г.¹²

В январе 1999 г. было объявлено о создании таможенной полиции для борьбы с контрабандой. Согласно сообщению главного таможенного управления КНР, в последние годы деятельность контрабандистов стала особенно опасной для политической, экономической и общественной жизни страны. Вместе с тем таможенные службы часто оказывались несостоятельными в борьбе с ними, не обладая достаточными полномочиями. Решение о создании таможенной полиции было принято на всекитайском совещании в июле 1998 г., а действовать она будет под контролем таможни и министерства общественной безопасности. В штат нового подразделения войдут 10 тысяч специально подготовленных сотрудников правоохранительных органов¹³. Уже начали работу следственный отдел при главном таможенном управлении в Пекине и его региональные отделения, в частности в провинции Гуандун, Шанхае и др.

Борьба с коррупцией и взяточничеством в 1998 г. была отмечена шумевшими делами высокопоставленных руководителей, включая бывшего мэра Пекина Чэнь Ситуна, бывшего заместителя ПК собрания народных представителей провинции Хэбэй Цзян Дянью, бывшего заместителя председателя народного правительства Гуанси-Чжуанского автономного района Сюй Бинсуна и многих других. Фактически, тема коррупции и взяточничества не сходилась и не сходит со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров. Руководители всех уровней регулярно затрагивают ее в своих выступлениях и интервью.

Глава 8 "Коррупция и взяточничество" Особенной части УК объединяет 15 статей, содержит четкие определения составов преступлений и предусматривает конкретные наказания за их совершение.

Статья 382 устанавливает: коррупцией является присвоение, хищение, получение обманным путем или незаконное овладение другими способами общественными ценностями работниками государственных органов с использованием служебного положения. Как коррупция рассматривается и присвоение, хищение, получение обманным путем или незаконное овладение государственными ценностями работниками, которые распоряжаются, ведают государственной собственностью по поручению государственных учреждений, компаний, предприятий, хозяйственных единиц, народных организаций.

Виновные в коррупции на сумму 100 тысяч юаней /около 12 тысяч долларов США/ и более наказываются лишением свободы на срок десять и более лет либо пожизненным лишением свободы; при особо отягчающих обстоятельствах — смертной казнью. Виновные в коррупции на сумму 50 тысяч юаней /около 6 тысяч долларов/ и более наказываются лишением свободы на срок пять и более лет; при особо отягчающих обстоятельствах — пожизненным лишением свободы. В перечисленных случаях в качестве дополнительного наказания может применяться или применяется конфискация имущества.

Виновные в коррупции на сумму 5 тысяч юаней /около 600 долларов/ и более наказываются лишением свободы на срок от одного года до семи лет; при отягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок от семи до десяти лет. Виновные в коррупции на сумму менее 5 тысяч юаней при отягчающих обстоятельствах наказываются лишением свободы на срок до двух лет либо арестом. В некоторых случаях виновным в коррупции можно назначить наказание ниже низшего предела, освободить их от наказания, наложить административное взыскание /ст.383/.

Следует признать, что новое законодательство в определении наказаний за конкретные суммы взяток и подкупа оказалось по сравнению с прежним более либеральным. Согласно Дополнительным установлениям о наказании за коррупцию и взяточничество¹⁴, принятым на 24-м заседании ПК ВСНП шестого созыва 21 января 1988 г. и действовавшим до октября 1997 г., идентичные наказания назначались за более скромные суммы: 50 тысяч юаней и более, 10 тысяч юаней и более, 2 тысячи юаней /около 240 долларов/ и более, менее 2 тысяч юаней.

Взяточничество в КНР — собирательный термин, охватывающий три состава преступления — получение взятки, дача взятки и посредничество во взяточничестве. Требование и получение ценностей от других лиц или незаконное получение ценностей от других лиц для извлечения ими выгоды работниками государственных органов с использованием служебного положения трактуется как получение взятки. В нарушение государственных установлений получение под различными предложениями вознаграждений, платы за оформление в личную собственность работниками государственных органов рассматривается как получение взятки /ст.385/. Получение взятки наказывается в соответствии с положениями статьи 383 о коррупции на основании общей суммы и обстоятельств получения взятки.

Самым громким и беспрецедентным процессом в связи с коррупцией и взяточничеством в 1998 г. стало “дело Чэнь Ситун” — бывшего члена политбюро ЦК КПК и секретаря пекинского горкома партии. Сам факт привлечения к уголовной ответственности руководителя такого уровня вызвал небывалый интерес в обществе. Так, жители Пекина практически “на корню” скупали газеты и журналы, публиковавшие подробности “дела”. Согласно постановлению столичного народного суда высшей ступени, Чэнь Ситун вел “коррумпируемый, упаднический образ жизни”. Он дал указание вице-мэру столицы Ван Баосэню /покончил жизнь самоубийством в 1995 г./ построить для себя в окрестностях Пекина две фешенебельные виллы за казенный счет. На их сооружение и оборудование было израсходовано 35,21 миллиона юаней /более 4 миллионов долларов/. С июля 1991 по ноябрь 1994 г. бывший мэр получил 22 дорогостоящих подарка на общую сумму в 555 тысяч юаней /около 67 тысяч долларов/, в том числе изделия из золота и серебра, ценные ручные часы, фотоаппараты и видеокамеру, которые были им присвоены, а не переданы, как предусматривается, государству. Кстати, статья 394 нынешнего УК достаточно подробно регламентирует действия работников государственных органов в подобных ситуациях. В конечном итоге Чэнь Ситун был приговорен к 16 годам лишения свободы¹⁵. Ранее к 12 годам лишения свободы был приговорен его сын — Чэнь Сяотун.

Дачей взятки является передача ценностей работникам государственных органов для извлечения неправомерной выгоды. В то же время передача ценностей вследствие вымогательства без извлечения неправомерной выгоды не является дачей взятки /ст.389/. По китайскому законодательству, дача взятки расценивается как менее общественно опасное деяние, чем ее получе-

ние. Поэтому согласно статье 390 УК, дача взятки наказывается лишением свободы на срок до пяти лет либо арестом; дача взятки для извлечения неправомерной выгоды при отягчающих обстоятельствах или при значительном ущербе интересам государства наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет; при особо отягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять и более лет либо пожизненным лишением свободы, в качестве дополнительного наказания может применяться конфискация имущества.

Лицу, давшему взятку и добровольно признавшемуся в этом до уголовного преследования, можно назначить наказание ниже низшего предела либо освободить его от наказания.

Посредничество во взяточничестве работников государственных органов при отягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок до трех лет либо арестом. Посреднику во взяточничестве, добровольно признавшемуся в совершении преступления до уголовного преследования, можно назначить наказание ниже низшего предела либо освободить его от наказания /ст.392/.

Глава "Коррупция и взяточничество" содержит и много других интересных положений. Отражением современных китайских реалий стало появление в уголовном законодательстве новой статьи, создающей немалые трудности при переводе. По статье 388, для извлечения третьими лицами неправомерной выгоды, требование и получение ценностей от третьих лиц или получение ценностей от третьих лиц работниками государственных органов, использующих служебное положение или занимаемые должности, а также через служебные действия /бездействие/ других работников государственных органов рассматривается как получение взятки. В связи с распространением указанной практики в стране законодатель был вынужден специально уточнить одно из проявлений "использования служебного положения".

Привлекает внимание статья 395 — требование объяснения источников имеющейся собственности или расходов от работников государственных органов при очевидном их превышении законных поступлений. Работник государственного органа, не сумевший объяснить законное происхождение своих доходов, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет либо арестом, разница в суммах рассматривается как незаконный доход; часть собственности, превышающая законную, подлежит изъятию.

Китайские правоохранительные органы уделяют последнему обстоятельству серьезное внимание. По сообщению агентства Синьхуа от 22 декабря 1998 г., городской суд средней ступени в Наньчане /административный центр провинции Цзянси/ приговорил местного чиновника Гу Саньфа к пожизненному лишению свободы. С начала 1993 по 1996 гг., используя служебное положение, он получил взяток на сумму 370 тысяч юаней /около 45 тысяч долларов/. Кроме того, у него были обнаружены средства в размере 780 тысяч юаней /около 94 тысяч долларов/, происхождение которых он не сумел объяснить.

УК КНР обязует работников государственных органов, имеющих вклады за границей, заявлять об их наличии в соответствии с государственными установлениями. Соккрытие информации о наличии значительных сумм наказывается лишением свободы на срок до двух лет либо арестом; при смягчающих обстоятельствах налагается административное взыскание /ст.395, ч.2/.

Впервые в истории уголовного законодательства Китая введено понятие "коллективный самовольный раздел государственного имущества". Статья 396 предусматривает, что за подобный "раздел" имущества от имени органи-

зации на значительную сумму государственными учреждениями, компаниями, предприятиями, хозяйственными единицами, народными организациями лица, непосредственно ответственные за руководство, и другие непосредственно ответственные лица наказываются лишением свободы на срок до трех лет либо арестом, в качестве дополнительного или самостоятельного наказания применяется штраф; при крупном размере суммы наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф. Аналогичным образом наказываются и коллективный самовольный раздел от имени организации ценностей (штрафов, конфискованного имущества), которые должны быть сданы в государственную казну, юридическими и административно-исполнительными учреждениями.

По мнению китайских юристов, включение в УК указанного положения вызвано "очевидностью явления "весьма серьезным уроном государственному имуществу и национальной экономике", "решительным недовольством широкой общественности"¹⁶.

9 января 1999 г. народный суд высшей ступени провинции Юньнань вынес приговор по делу директора-распорядителя с 1979 по 1996 гг. ведущего в Азии табачного объединения "Хунда" Чу Шицзяня и двух его соучастников: главного бухгалтера Ло Ицзюня и вице-председателя правления Цяо Факэ. В числе прочего всем троим инкриминировался самовольный раздел между собой казенных средств на сумму 3,55 миллиона долларов США. Помимо фактов крупных хищений, Чу Шицзянь не сумел объяснить происхождение финансовых и материальных ценностей на сумму 4,03 миллиона юаней /более 485 тысяч долларов/ и 620 тысяч сянганских /гонконгских/ долларов /около 80 тысяч долларов США/, очевидно превышающих его законные доходы. С учетом явки с повинной, дачей важных показаний по другим преступлениям по собственной инициативе, конфискацией в ходе следствия всех его незаконных доходов и передач их в казну, суд приговорил Чу Шицзяня к "более мягкому наказанию" — пожизненному лишению свободы¹⁷.

В 1998 г, всего в Китае органы прокуратуры приняли к рассмотрению более 108 тысяч дел, связанных с коррупцией, взяточничеством и должностными преступлениями. Начаты расследования 35 тысяч из них. По словам генерального прокурора Верховной народной прокуратуры КНР Хань Чжубиня, в истекшем году раскрыт ряд известных дел, рассмотрены более 9 тысяч дел по коррупции и взяточничеству, а также использованию не по назначению общественных средств, каждое соответственно на суммы 50 тысяч и 100 тысяч юаней и более¹⁸.

1999 г. подтверждает тенденцию крупномасштабной атаки на коррупционеров и взяточников в деле очищения рядов КПК от "враждебных сил" и создания неподкупного государственного аппарата. Китайские суды продолжают выносить суровые приговоры. 27 января народный суд средней ступени города Юйлинь /Гуанси-Чжуанский автономный район/ приговорил к смертной казни бывшего вице-мэра и секретаря парткома города Ли Чэнлуна. С 1991 по 1996 гг., используя служебное положение, он получил взятки на сумму 3,74 миллиона юаней /около 450 тысяч долларов/, 25 тысяч долларов США и 10 тысяч сянганских долларов /1,3 тысячи долларов США/. Кроме того, у него были обнаружены финансовые средства в размере 6,5 миллионов юаней /более 780 тысяч долларов/, происхождение которых Ли Чэнлун не смог объяснить¹⁹. В конце января 1999 г. премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи потребовал от правительственных ведомств и учреждений активизировать борьбу с "разложением" с помощью создания "эффективного механизма" по формированию "более честных органов управления". По его словам, чиновни-

ки "должны следить за поведением своих жен, детей и секретарей". Вместе с тем необходимо улучшение работы правительственных контрольных ведомств по разоблачению незаконной деятельности чиновников²⁰.

Складывается впечатление, что борьба с коррупцией и взяточничеством носит не конъюнктурный характер, а направлена на создание системы постоянного контроля за чиновниками различных уровней. Китайские лидеры отчетливо понимают, что атмосфера вседозволенности и мздоимства пагубна для будущего реформ и всей страны.

1. Уголовный кодекс КНР. Пекин, 1997. С. 1-96 /на кит.яз./
2. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1998. 26 декабря.
3. Жэньминь жибао. 1998. 24 декабря.
4. КНР. Конституция и законодательные акты. М., 1984. С. 331-366
5. Там же. С.372-374
6. Энциклопедия уголовного права. Шанхай, 1997. С. 905-907 /на кит. яз./
7. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1998. 09 декабря.
8. Там же. 1998. 28 декабря.
9. КНР, Законодательные акты. М., 1989. С. 178-179
10. Китай: борьба с наркотиками. Пекин, 1998. С. 7-8, 27
11. Ляован. Пекин, 1998. № 39. С.16
12. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1999.26-27 января. Жэньминь жибао. 1999. 26 января.
13. Жэньминь жибао. 1999. 06 января.
14. Энциклопедия уголовного права. С. 907-908
15. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1998. 01 августа.
16. Разработка нового Уголовного кодекса. Пекин. 1997. С. 496 /на кит.яз./
17. Вэйцзин ваньбао. 1999. 11 января.
18. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1999. 14 января.
19. Там же. 1999. 28 января.
20. Жэньминь жибао. 1999. 27 января.

Проблема безработицы в КНР в 1999 г.

© 1999

С. Алексанина
(Письмо из Китая)

За 49 лет существования КНР население страны увеличилось на 706,4 млн. человек (в 1998 г. оно насчитывало 1248,1 млн.), в том числе за 20 лет реформ - на 285,5 млн.¹. Трудовые ресурсы только за годы реформы возросли на 359 млн., достигнув в 1998 г. 843,7 млн. человек, а численность занятых увеличилась на 298 млн. (699,6 млн. в 1998 г.)².

Колоссальный прирост населения, а следовательно, и трудовых ресурсов был и стимулом и одним из главных источников экономического роста страны. Неоспоримым достижением КНР является то, что за годы ее существования, особенно в годы последней реформы, удалось вовлечь в хозяйственную деятельность более 80% (в 1998 г. - 82,9%) трудовых ресурсов страны. Широкие возможности для приложения труда открыла развивающаяся высокими темпами индустриализация страны. Главным вознаграждением за труднейшую работу по обеспечению "всеобщей" занятости трудоспособного населения стало то, что китайскому обществу в тяжелейших условиях перенаселенности удалось избежать глубоких социально-экономических и политических потрясений. Вместе с тем включение сотен миллионов тружеников в различные сферы деятельности происходило в основном на очень низкой, простейшей технологической основе и, по существу, придавало производству преимущественно экстенсивный характер. В результате штаты работников предприятий, учреждений, организаций в городах переполнены и наблюдается массовое недоиспользование трудовых ресурсов. Чтобы сократить объем пустой траты рабочего времени, с мая 1995 г. на государственных предприятиях была введена 5-дневная рабочая неделя.

По официальным данным, уровень городской безработицы (зарегистрированные безработные в больших и малых городах) в первое десятилетие реформы снизился в 2 раза (с 5,3% в 1978 г. до 2,6% в 1989 г.)³. В 90-е годы в связи с начавшейся реформой госпредприятий, одним из следствий которой является значительное сокращение рабочих мест, вновь наметилась тенденция роста безработицы, которая обострилась в последние два года в результате отрицательного влияния на китайскую экономику азиатского финансового кризиса. В 1998 г., по официальным данным, уровень безработицы составил 3,1%⁴. До конца 1999 г. по плану уровень зарегистрированных безработных ожидается в пределах 3,5-4%⁵.

Эти оценки, как уже указывалось, касаются зарегистрированных безработных. Вместе с тем, по подсчетам китайских экономистов, учитывающих и незарегистрированных безработных, уровень безработицы в городах и по-

селках городского типа значительно выше. Так, в 1998 г. он составлял 7-8%, а в 1999 г. - не менее 8-9%. В 1999 г. количество безработных может составить от 16 млн. человек (при темпе прироста валового национального продукта 8%) до 18 млн. человек (в случае, если прирост валового национального продукта составит, как планируется, 7%)⁶.

Эти расчеты вполне коррелируются с недавно опубликованными данными китайской прессы о безработице в китайских городах и сельской местности, согласно которым в 1999 г. в городах и поселках городского типа предстоит вновь трудоустроить 23,7 млн. человек, в том числе 6 млн. рабочих, уволенных в прошлом году, 6 млн. зарегистрированных безработных, 3 млн. вновь уволенных рабочих, 3 млн. служащих, освобождающихся в результате реформы государственных учреждений, общественных организаций и учреждений науки, образования и медицины, 3 млн. сельских жителей, покидающих деревню, 2,7 млн. городских жителей, вступивших в трудовой возраст. По сравнению с 1998 г. давление безработицы в городах и поселках страны увеличится на 20%, а в абсолютных данных - на 4,4 млн. человек⁷. В деревнях избыток рабочей силы при нынешнем уровне техники составляет по меньшей мере 130 млн. человек⁸.

В сложной экономической ситуации перед лицом новых социальных вызовов китайское руководство приступило к созданию новой системы социального обеспечения⁹. Как представляется, солидный опыт КНР почерпнула из своеобразной практики таких стран, как Южная Корея, Таиланд, Индонезия, Япония, которые в условиях серьезных финансовых потрясений накопили богатый положительный опыт по разрешению проблемы безработицы и эффективной социальной помощи бедным семьям. По примеру этих стран в КНР разработана новая система социального обеспечения, которая включает в себя три ключевых звена: страхование от безработицы, систему минимальных зарплат и новую структуру пенсионных фондов. В конце 1998 г. были приняты важнейшие документы, законодательно обеспечивающие начало реформы социального страхования в КНР: "Положение о страховании по безработице" и "Временное положение о сборе социальных страховых взносов".

1. Жэньминь жибао. 1999. 27 февраля.
2. Чжунго тунцаи няньцзянь. Пекин, 1991. С. 97; Жэньминь жибао. 1999. 27 февраля.
3. Чжунго тунцаи няньцзянь. Пекин, 1996. С. 87-88.
4. Жэньминь жибао. 1999. 27 февраля.
5. Жэньминь жибао. 1999. 19 марта; 21 марта.
6. Гайгэ. 1998. № 6. С. 27-28; Жэньминь жибао. 1999. 26 января.
7. Синьси юй шичанбао. 1999. 5 апреля.
8. Там же.
9. Жэньминь жибао. 1999. 11 января; 1999. 29 января; 1999. 12 апреля.

Экономика

Финансово-экономический кризис в Республике Корея и меры правительства по его преодолению

© 1999

В. Андрианов

После долгих лет непрерывного экономического роста Южная Корея в конце 90-х годов вступила в полосу экономического кризиса.

В середине ноября 1997 г. стало очевидно, что Южной Корее не удалось избежать валютно-финансового кризиса, охватившего ряд азиатских стран (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Япония).

Потрясения на финансовых рынках стран Юго-Восточной Азии обострили экономические проблемы страны, повлекли за собой резкое падение обменного курса южнокорейской воны (почти в три раза), массовый обвал котировок на рынке корпоративных ценных бумаг южнокорейских корпораций. На критически низком уровне оказались золотовалютные резервы страны (около 5 млрд. долл.).

Финансовый кризис во многом был спровоцирован нерациональной кредитной политикой южнокорейских банков, финансовых учреждений и финансово-промышленных групп. В результате бесконтрольного предоставления несвязанных краткосрочных займов просроченные взаимные долговые обязательства южнокорейских компаний в 20 раз превысили сумму их ликвидности и составили около 110 млрд. долл.

Кризис с ликвидностью вызвал цепную реакцию банкротств южнокорейских фирм. В частности, банкротами были признаны: корпорация "Халла" (12 -е место среди крупнейших южнокорейских фирм), крупная финансовая компания "Коре секьюритиз", один из основных производителей грузового автотранспорта - компания "Санъен" (поглощена корпорацией "Дэу"). Среди промышленных компаний в особо сложном положении оказалась финансово-промышленная группа "Киа".

Пытаясь остановить падение курса воны и стабилизировать ситуацию на финансовом рынке, южнокорейское правительство объявило об экстренных мерах по преодолению экономического кризиса.

В частности, были расширены с 2,25 до 10 % допустимые ежедневные колебания курса воны на валютных торгах, выделены 7,5 млрд. долл. на создание двух страховых корпораций, призванных ускорить процесс объединения и поглощения неплатежеспособных банков.

Предпринятые меры, однако, не привели к ожидаемым результатам, и 21 ноября 1997 г. Республика Корея обратилась к Международному валютному фонду (МВФ) с просьбой о предоставлении срочного кредита для преодоления финансового кризиса.

Республика Корея и МВФ подписали 3 декабря 1997 г. протокол о намерениях и техническое приложение к нему, определившие условия крупнейшей в истории программы международной помощи Южной Корее (около 57 млрд. долл.).

Несмотря на упорное сопротивление в ходе переговоров, правительство Южной Кореи было вынуждено уступить жестким требованиям фонда. В обмен на финансовую помощь, сформированную за счет средств МВФ (21 млрд. долл.), Мирового банка (10 млрд. долл.), Азиатского банка развития (4 млрд. долл.), а также взносов США (10 млрд. долл.), Японии (5 млрд. долл.), Германии, Канады, Великобритании и Австрии, Республика Корея *согласилась ускорить финансовую реформу, предполагающую серьезную перестройку банковской системы, проведение жесткой фискальной политики, максимальное открытие финансового рынка для иностранных инвесторов.*

Правительство Республики Корея обязалось принять меры по сокращению в 1998 г. темпов роста экономики до 3% (с возможным незначительным увеличением лишь в 1999 г.), удержанию инфляции в пределах 5% в год, сокращению дефицита платежного баланса по текущим операциям до уровня 1% ВВП на протяжении 1998-1999 гг.

Предусматривалось также открытие рынка краткосрочных облигаций, снятие ограничений на приобретение акций, увеличение допустимого уровня иностранного участия в южнокорейских компаниях с нынешних 26% до 55% к концу 1998 г.

Несмотря на получение первого транша от МВФ (5,2 млрд. долл.), в декабре 1997 г. финансово-экономическая ситуация в Республики Корея продолжала ухудшаться. Внешний долг с учетом долговых обязательств южнокорейских компаний и их зарубежных филиалов составил около 150 млрд. долл. Резко повысилась стоимость кредита (до 30%), продолжались банкротства, падение курса воны и совокупного индекса стоимости акций на сеульской фондовой бирже.

Еще более осложнило положение понижение кредитного рейтинга Республики Корея международными финансовыми компаниями "Moody's" и "Standard and Poor's".

В сложившейся ситуации правительство страны вынуждено было пойти на новые уступки в обмен на досрочное предоставление займов по линии МВФ. Крупнейшие промышленно развитые страны и МВФ 24 декабря 1997 г. объявили о том, что предоставят Республике Корея экстренный заем в 10 млрд. долл.: 2 млрд. - по линии МВФ до 30 декабря 1997 г. и 8 млрд. - до конца января 1998 г. странами "семерки".

В ответ правительство взяло на себя обязательства на три, а в некоторых случаях и на шесть месяцев раньше согласованных с МВФ сроков "открыть" финансовый рынок, отменить "систему дифференциации импорта" (ограничивающую японский экспорт в Южную Корею), закрыть неблагополучные банки и финансовые компании, ввести систему свободно плавающих процентных ставок, разрешить свободный наем иностранной рабочей силы.

Достигнутые договоренности предполагали также немедленное увеличение предела иностранного участия в южнокорейских компаниях до 55%, снятие до конца 1997 г. ограничений на операции иностранных инвесторов на местном рынке облигаций и разрешение зарубежным брокерским фирмам открывать (с марта 1998 г.) свои отделения в Республике Корея.

Эти договоренности были восприняты в корейском обществе в целом негативно. Многие местные эксперты высказывали мнение, что предоставление займов не сможет улучшить экономическую ситуацию в стране и в лучшем случае лишь “заморозит” ее. Требования МВФ и иностранных кредиторов, как считают корейцы, чрезмерно жестки и направлены на снижение степени защищенности внутреннего рынка Республики Корея.

По нашему мнению, США, Япония и другие развитые страны решили воспользоваться экономическими трудностями в Южной Корее и с помощью МВФ несколько ослабить конкурентные возможности страны.

Представители политических и экономических кругов едины в том, что нынешний кризис во многом подорвал основы экономической безопасности Республики Корея.

До полной стабилизации положения в экономике Южной Кореи должно пройти как минимум несколько лет, которые будут сопровождаться массовыми банкротствами, высоким уровнем безработицы, падением реального уровня жизни, нулевыми и, возможно отрицательными показателями темпов роста и, как следствие, обострением социальной напряженности.

Меры правительства по оздоровлению экономики

В начале 1999 г. Министерство финансов и экономики Республики Корея анонсировало новый пакет мер, направленных на преодоление кризисных явлений и стимулирование экономического развития страны путем поощрения потребления и инвестиций, стимулирования развития экспорта и др.

Достижение указанных целей планируется с помощью:

— целенаправленного дополнительного инвестирования в “проблемные” секторы экономики, объем которых к концу 1999 г. должен составить более 25,6 трлн. вон;

— предоставления новых кредитов промышленности и сектору услуг; это планируется осуществлять наряду с совершенствованием процедуры предоставления гарантий по кредитам, что поможет национальным финансовым институтам избежать рисков, связанных с их кредитными операциями;

— последовательного снижения банковских процентных ставок и использования резервных средств на финансирование реального сектора.

Важнейшими текущими задачами правительство Республики Корея считает создание благоприятных условий для иностранных инвестиций. Льготный режим кредитования будет предоставлен, в основном, средним и малым компаниям. Действующие правила и законы, препятствующие развитию экономической активности таких предприятий, будут отменены.

Для оказания помощи в создании новых рабочих мест правительство намерено упростить процедуру регистрации предприятий в таких секторах экономики как транспорт, строительство, финансовый сектор и др.

Одной из основных мер правительства по выходу из кризиса является стимулирование внутреннего спроса. Для реализации этой цели планируется предоставление кредитов на общую сумму до 7,2 трлн. вон на финансирование сделок по приобретению недвижимости, товаров длительного пользования, а также обязательств финансовых институтов (облигаций и т.п.).¹

Методом льготной налоговой и финансовой политики планируется стимулировать внутренние инвестиции в автоматизацию, информатизацию и связь, туризм, культуру и "рисковый" бизнес. Всего на поддержку и развитие наукоемких отраслей запланировано направить 1 трлн. вон кредитных средств.

Что касается долговременной финансовой кредитной поддержки и инвестиций в производства, то в этих целях будут использоваться заемные средства Банка для экономического развития Кореи ("KDB"), привлекаемые в форме связанных кредитов на закупку машин и оборудования у «Эксимбанка» США, «Эксимбанка» Японии, германского банка, осуществляющего аналогичные функции.

Кроме того, в 1999 г. планируется создать взаимные фонды инвестиций в объекты инфраструктуры, куда будут допущены как местные внутренние, так и зарубежные инвесторы. Первоначальный размер этих фондов может достигать 500 млрд. вон.

Стимулирование национального экспорта.

Мероприятия по поддержке экспорта и иностранных инвестиций включают следующие пункты.

В первую очередь - устранение бюрократических и других преград, сдерживающих деятельность экспортного сектора. Корейская корпорация по содействию торговле и инвестициям ("KOTRA") и другие правительственные агентства и структуры, призванные помочь развитию национального экспорта, будут активно поддерживать продвижение 100 экспортных товаров в выявленных "нишах" на мировом рынке.

С ноября 1998 г. начали действовать взаимные экспортные гарантии по кредитам с другими странами, включая Малайзию и Таиланд. Денежные средства, направляемые «KDB» на льготное финансирование торговых операций будут увеличены с 1 до 2 трлн. вон.

Начиная с октября 1998г., на поддержание экспортно-импортного финансирования южнокорейских компаний направлялись иностранные займы общей суммой 2,9млрд. долл.

Поддержка иностранных инвестиций.

Для стимулирования притока иностранных капиталовложений правительство Республики Корея приняло в сентябре 1998 г. «Закон о стимулировании прямых иностранных инвестиций», который вступил в силу 17 ноября 1998 г.

Несмотря на меры, принимаемые правительством Республики Корея по привлечению прямых иностранных инвестиций, их приток в Южную Корею в 1998 г. (по состоянию на октябрь) составил 4,7 млрд. долл., то есть сократился почти наполовину от уровня 1997 г. (10 млрд. долл.).

Среди зарубежных стран на первом месте по объему инвестиций в экономику Южной Кореи в 1998 г. были страны Европейского Союза (1,8 млрд. долл., что на 3,3% выше уровня 1997 года), затем следовали - США (1,65 млрд. долл., снижение на 30,4%) и Япония (438 млн. долл., прирост на 89,6%). В последние годы японцы предпочитают вкладывать средства в мелкий и средний бизнес, выкупая контрольные пакеты акций или более 51% их участия в совместных предприятиях с южнокорейскими партнерами.²

По мнению сотрудников Корейского института международной экономической политики («КИЕР»), снижение прямых иностранных инвестиций в

корейскую экономику не должно объясняться одними только "внешними" факторами.

Так, озабоченность иностранных инвесторов вызывает возможность повторения ситуации, приведшей к долгосрочной забастовке на заводах компании "Hyundai Motor Co" после введения нового трудового законодательства в стране.

Продолжался процесс либерализации доступа иностранного капитала в ранее закрытые отрасли южнокорейской экономики. Начиная с ноября 1998 г., для прямых иностранных инвестиций сняты ограничения на вложение капитала в книгопечатание и издательскую деятельность, в том числе в издание периодической литературы.

С 1 января 1999 г. правительство РК разрешило иностранным предпринимателям свободно публиковать в Южной Корее книги и периодические издания. Им также разрешено иметь 33%-ное участие в капитале южнокорейских газет (ранее - максимум 25%). С 1999 г. доля иностранного капитала в секторе книгопечатания и средств массовой информации может достигать 100% (ранее планировалось 50%).

По завершении недавнего визита президента Республики Корея Ким Дэ Чжуна в Японию и согласно достигнутой в его ходе договоренности, в Республике Корея разрешены публикация, прокат и продажа японских "комиксов" и фильмов.

По ранее намеченным графикам продолжается либерализация доступа иностранного капитала в 16 "частично открытых" отраслей экономики.

Так, с января 1999 г. открыты для иностранного капитала индустрия по производству алкогольной продукции, морские грузовые перевозки.

С ноября 1998 г. разрешено участие иностранных предпринимателей до (25% капитала) в предприятиях по производству табачных изделий. По другим отраслям промышленности правительство Республики Корея составило планы либерализации, однако требуется уточнить ее временной график. К таким сферам экономики относятся внутреннее паромное сообщение и воздушный транспорт, трастовый бизнес, кабельная телетрансляция, телефонный сервис и отправление телеграмм, беспроводный телефонный сервис и выработка электроэнергии, причем для местного паромного и регулярного авиационного сообщения будут установлены ограничения по участию иностранного капитала до 50%.

Среди 13 полностью "закрытых" для иностранного участия отраслей Министерство финансов и экономики Республики Корея (МФЭ) планирует, начиная с марта 1999 г., частично "открыть" организацию работы казино, с 1 января 2000 г. - оптовую продажу мяса.

Пока останутся полностью закрытыми для иностранцев 9 отраслей бизнеса, включая прибрежное рыболовство, контроль за воздушным сообщением, медицинское страхование, радио- и телевизионное вещание, а также азартные игры (за исключением казино), которые являются важными в плане соблюдения национальной безопасности или могут иметь неблагоприятный обратный эффект на местную промышленность.

Согласно "Закону о стимулировании иностранных инвестиций", налоговые льготы будут предоставляться предпринимателям, занятым в сфере туризма (включая гостиничный бизнес, предоставление офисов для проведения международных конференций и т.п.), а также в сфере досуга, на что будет направлено около 30 млн. долл. государственных инвестиций.

Для эффективной работы центра по оказанию консультативной и регистрационной помощи при осуществлении прямых зарубежных инвестиций в

экономику Южной Кореи к Центру иностранных инвестиций (непосредственно подчиняется "KOTRA") прикомандированы официальные представители правительственных структур.

В области стимулирования сделок с недвижимостью и по ипотеке планируется ввести новые ценные бумаги, обеспеченные закладными. Создаются брокерские дома по покупке-продаже закладных.

С целью оказания помощи южнокорейской Корпорации по управлению собственностью (Korea Asset Management Corp., или "КАМСО"), различные государственные и коммерческие банки будут выделять кредиты, используемые в сделках с недвижимостью и проводимые при участии "КАМСО" как сокредитора.

Позднее будут опубликованы льготные тарифы, направленные на облегчение покупок недвижимости (зданий, сооружений, земли т.п.), причем проект соответствующего закона уже передан правительством на рассмотрение в Национальное собрание Республики Корея. В дополнение к 3 трлн. вон, направленных на закупку основных средств (зданий и сооружений), Корейская земельная ассоциация с октября 1998 г., начала выкупать недвижимость на сумму 500 млрд. вон.

Структурная перестройка крупнейших южнокорейских корпораций

Как показывает мировой опыт, ведущие ТНК сформировались на базе *финансово-промышленных групп* (ФПГ). Наиболее интенсивно эти процессы протекали в новых индустриальных странах и прежде всего в Южной Корее. Республика Корея является типичным примером транснационализации внешнеэкономических связей путем активной внешней экспансии финансово-промышленных групп.

В Южной Корее ФПГ называют «чэболь» (в переводе с корейского — финансовая олигархия). Создание и развитие «чэболь» в Корее явилось результатом успешного сочетания рыночных начал с государственной поддержкой наиболее успешно развивающихся ФПГ.

Современный глубокий финансовый кризис в Южной Корее показал неоднозначное влияние ФПГ на экономику страны. В свое время правительство поощряло и всячески поддерживало рост национальных ФПГ путем слияния, укрепления и расширения их производственной и финансовой базы, способствовало продвижению ФПГ на мировые рынки.

Возникновение первых «чэболь» относится еще к периоду японского колониального господства в Корее. Структурное оформление ФПГ произошло в конце 50-х годов после окончания войны, когда Южная Корея получила финансовую помощь от США.

Наиболее активно этот процесс проходил в 80-х годах. Если в 1953 г. в Южной Корее было только 5 «чэболь», в 1965 г. — 10, в 1975 г. — 20, то в 1985 г. их число возросло до 70, а в 1990 г. увеличилось до 100. При этом число фирм, входящих в финансово-промышленные группы, только в 80-х годах возросло с 400 до 850.³

Из общего числа «чэболь» можно выделить наиболее крупные примерно 43 финансово-промышленные группы, активы каждой из которых превышают 400 млрд. вон (около 500 млн. долл.). Элиту южнокорейского бизнеса составляют 30 «чэболь», совокупная стоимость активов которых к концу 90-х

годов превышала 300 млрд. долл, а совокупный оборот свыше 340 млрд. долл. Эти корпорации имели 623 дочерние компании.

По совокупному показателю концентрации производства и капитала южнокорейские «чэболь» значительно опережают японские монополии. В середине 90-х годов совокупный объем продаж 10 крупнейших «чэболь» составил 175 млрд. долл., что соответствовало примерно 50% от ВВП Южной Кореи. На долю этих ФПГ приходилось более 35% от общего объема промышленного производства и около 25% экспортно-импортных операций страны.

Крупнейшие южнокорейские корпорации имеют предприятия в 9 ключевых отраслях, в то время как аналогичные финансово-промышленные группы Японии – в одной, двух или трех отраслях.

Характерными чертами южнокорейских ФПГ является высокий уровень отраслевой диверсификации, централизованное планирование, значительные размеры текущей задолженности, авторитарный стиль руководства.

Особо следует сказать о таком феномене как значительные размеры текущей задолженности, которые явились одной из причин сначала *финансового, а затем и общеэкономического кризиса южнокорейской экономики.*

Первые сигналы о неблагоприятной ситуации в экономике Южной Кореи появились уже в середине 90 - х годов. В результате бесконтрольного предоставления несвязанных краткосрочных займов просроченные взаимные долговые обязательства южнокорейских компаний в 20 раз превысили сумму их ликвидности и составили около 110 млрд. долл.

Кризис с ликвидностью вызвал цепную реакцию банкротств южнокорейских фирм в том числе и 12 - ой по величине «чэболь» - «Халла», крупной фондовой компании «Коре секьюритиз», одного из основных производителей грузового автотранспорта - компании «Санъен», ведущего производителя спиртных напитков - корпорации «Джинро» и др. В критическом положении оказалась одна из ведущих автомобилестроительных компаний «Киа».

По своей организационной структуре южнокорейские «чэболь» напоминают японские «дзайбацу» и имеют семейно-клановый характер. Каждую ФПГ контролирует семейный клан. Члены семьи основателя и его родственники являются основными держателями акций компаний, входящих в состав группы. По оценкам правительства Республики Корея, примерно 60% акций ФПГ принадлежат членам таких кланов.

Особую роль сыграли южнокорейские монополии в процессе развития внешнеэкономических связей и интеграции экономики страны в мировое хозяйство. Динамичный рост «чэболь» и ориентация на внешний рынок постепенно способствовали их превращению в современные транснациональные корпорации.

Из общего числа крупных южнокорейских фирм к разряду транснациональных корпораций можно отнести около 20 монополий и, прежде всего «Хендэ», «Самсунг», «Дэу», «Лакки Голдстар», «Санкенг», «Санъен», «Кореа эксплусивз», «Ханчжин», «Киа», «Хесон», «Дусан», «Колон», «Ханва», «Лотте», «Ханиль», «Кымхо», «Дэлим», «Тон-А-Констракшен».

Одиннадцать ведущих южнокорейских «чэболь» входят в список пятисот крупнейших промышленных компаний мира, в том числе четыре в первую сотню.

Именно эти фирмы явились основными проводниками политики экспортной ориентации. Благодаря высокой конкурентоспособности южнокорейских товаров и агрессивной торговой политике транснациональных компаний,

Южной Корее удалось занять достаточно твердые позиции на многих мировых товарных рынках.

Всесторонняя поддержка государством крупных иерархически организованных конгломератов, целенаправленно ориентированных на расширение своего участия в реальном секторе экономики и на внешнюю экспансию, придала мощный импульс экономическому развитию страны и до сих пор остается важным фактором устойчивого развития южнокорейской экономики.

Опыт «чэболь» свидетельствует, что на пороге XXI века первоочередное значение приобретает технологический уровень производства, способность концентрировать интеллектуальные, финансовые и материальные ресурсы на стратегически важных направлениях, развивать в рамках ФПГ собственную базу НИОКР.

Сыграв решающую роль в процессе индустриализации и интеграции Южной Кореи в мировую экономику, «чэболь» в последние годы стали оказывать сдерживающее влияние на динамизм развития внутренней экономики. Доминирующее положение на многих товарных рынках отрицательно сказывается на внутренней конкурентной среде, сдерживает развитие малого и среднего бизнеса, ограничивает свободу предпринимательства.

Пытаясь изменить сложившуюся ситуацию, правительство постепенно начало проводить политику, направленную на разукрупнение «чэболь» и придание им более узкой специализации. Министерство торговли и промышленности Южной Кореи обязало 10 ведущих «чэболь» (в том числе «Хендэ», «Самсунг», «Лакки Голдстар» и «Дэу») определить для себя три ключевые отрасли специализации, а 20 следующих по величине финансово-промышленных групп – две отрасли.

Вместе с тем, со своей стороны государство снимает с них ряд ограничений на банковские и иностранные займы, обеспечивает поддержку в сфере НИОКР.

Финансовый кризис в Южной Корее показал, что необходима демонополизация экономики. Необходима также кардинальная реформа в структуре экономики, в том числе и реформа «чэболь».

В перспективе «чэболь», при определенном изменении их экономического статуса, должны остаться самостоятельными экономическими подсистемами. По законам системного анализа наличие в системе адекватных подсистем увеличивает общий ресурс системы и тем самым повышает ее устойчивость.

По требованию Президента Республики Корея Ким Дэ Чжуна, пять крупнейших конгломератов страны – «Hyundai», «Samsung», «Daewoo», «LG» и «SK» должны быть разукрупнены. Правительство настаивает на полном отделении от них филиалов, сосредоточении оставшихся структур на наиболее профильных видах деятельности, сохранении лишь нескольких продуцентов в таких ключевых отраслях, как полупроводниковая, автомобилестроительная и химическая промышленность.

Все эти преобразования будут осуществляться через продажу части собственности, отделение предприятий, обмен видами деятельности.

Совокупность таких мероприятий получила название «большая сделка» («Big Deal»). Подписанные до сих пор в ее рамках соглашения предусматривают слияние нефтехимических подразделений «Hyundai» и «Samsung», полупроводниковых производств «LG» и «Hyundai», а также обмен, в результате которого в ведение «Samsung» переходит электронный завод «Daewoo», а в состав последней корпорации – автомобильные предприятия «Samsung».

Ниже приводятся данные по 5 вышеназванным конгломератам с указанием ключевых сфер бизнеса (I), числа компаний в их составе в 1998 г. (II) и по окончании преобразований в 2002 г. (III), а также соотношения между задолженностью и акционерным капиталом на декабрь 1998 г. (IV, %):

	I	II	III	IV
Hyundai	Автомобилестроение Строительство Электронная промышленность Тяжелое машиностроение Химическая промышленность Финансы	63	32	342
Samsung	Электронная промышленность Финансы Торговля	66	40	256
Daewoo	Автомобилестроение Тяжелое машиностроение Торговля Строительство Финансы	41	10	343
LG	Химическая промышленность Электронная промышленность Связь Услуги Финансы	53	32	364
SK	Химическая промышленность Строительство Обработка информации Связь Сбытовая деятельность Финансы	42	22	377

Реализация "Большой сделки" наталкивается на острое противодействие. ФПГ выступают за самостоятельность при проведении предусмотренных преобразований. Экономисты скептически оценивают перспективы сделки и настаивают на том, чтобы ФПГ представили конкретные планы сокращения задолженности и избыточных мощностей.

Существуют сомнения в том, что конгломераты действительно выставят на продажу многие предприятия, относящиеся к ключевым сферам их бизнеса, поскольку ФПГ заинтересованы в сохранении собственной силы, а иностранные покупатели вряд ли проявят интерес к малоприбыльным производствам в условиях общей неустойчивости южнокорейской экономики.

При неблагоприятном варианте развития возможно еще одно резкое ухудшение ее состояния с сопутствующим оттоком капитала из страны, наподобие того, который уже наблюдался после начала кризиса в ноябре 1997 г.

Пессимистические прогнозы подтверждаются на практике. Уже имели место действия, направленные против передачи "Daewoo Electronics" корпорации "Samsung". Их инициаторы заявили, что правительство не должно вмешиваться в управление электронной промышленностью и что отрасль в отличие от других не имеет избыточных мощностей.

В середине декабря 1998 г. "Samsung" и "Daewoo" не смогли достичь соглашения о будущем пусанского завода "Samsung Motors", выпускающего легковой автомобиль марки седан "SM5".

Первая из названных корпораций настаивала на продолжении его производства, подчеркивая при этом необходимость сохранения рабочих мест. В свое время "Samsung" для создания собственной автомобилестроительной базы использовала технологию фирмы "Nissan Motors".

Согласно подписанному с ней контракту, не разрешался экспорт этих марок автомобилей за рубеж. "Daewoo" обеспокоена низким уровнем продаж этой продукции на внутреннем рынке и намерена свернуть ее выпуск, что соответствует решению правительства сохранить в стране крупномасштабное производство автомобилей только на двух фирмах - "Hyundai" (она должна поглотить "Kia") и "Daewoo".

Руководство "LG" считает производство полупроводников одним из приоритетных направлений развития корпорации и намерено самостоятельно реорганизовать его. К концу 1999 г. она планирует снизить соотношение между долговыми обязательствами своих предприятий, выпускающих полупроводники, и акционерным капиталом до 200% и ниже.

Намечается привлечь иностранные инвестиции, осуществить продажу недвижимости, выпустить и разместить новые акции. Правительство потребовало от "LG" и "Hyundai" завершить переговоры о слиянии полупроводниковых производств до 25 декабря 1998 г. Однако этот процесс к середине 1999 г. не был завершен.

Против неподчиняющихся ФПГ центральные власти используют финансовые рычаги, связанные с кредитованием как текущих, так и долговых обязательств.

На протяжении нескольких десятилетий южнокорейские конгломераты пользовались большой поддержкой со стороны государства, что помогало им сохранить высокую степень централизации и оставаться по существу семейными предприятиями. Правительство, ежегодно публикуя список 30 ведущих (по стоимости активов) ФПГ, фактически поощряло их расширение.

Упор делался на расширение объема продаж этих конгломератов, а не на повышение уровня прибыльности бизнеса. В 1997 г. отношение акционерного капитала к совокупным активам у 30 крупнейших корпораций Южной Кореи составляло лишь 20% по сравнению с 40% у зарегистрированных на бирже японских компаний.

В частности, производственные мощности на трех ведущих корпорациях Южной Кореи, занимающихся выпуском автомобилей, составили 3,4 млн. шт., что обеспечило стране в этой области 5-е место в мире.

Однако объем продаж на внешнем и внутреннем рынках оправдывал использование лишь 80% имеющихся мощностей. Возникли серьезные проблемы с погашением задолженности автомобилестроительных предприятий. В результате в сентябре 1997 г. 4 основные компании в составе группы "Kia", включая "Kia Motors", оказались банкротами. Проблема избыточных мощностей в отрасли обострилась в 1998 г., когда "Samsung Motors" ввела в строй действующее предприятие, рассчитанное на производство 80 тыс. легковых автомобилей в год.

Серьезный удар по полупроводниковой промышленности Южной Кореи нанесло снижение мировых цен. Удешевление динамических запоминающих устройств произвольной выборки (ДЗУПВ) емкостью 16 МБайт явилось основной причиной крупных убытков компании "LG Semicin". Существенные потери понесла "Hyundai Electronics".

Суммарные годовые убытки 510 южнокорейских корпораций, акции которых котируются на Сеульской фондовой бирже, составили в 1998 г. 4,55 трлн. вон.⁴

Однако большинство южнокорейских ФПГ после наиболее сложного этапа экономического кризиса сумели сохранить свой бизнес. В их управление внесены существенные изменения.

Если раньше члены семей - основателей этих групп не могли подвергаться критике за ошибки при осуществлении руководящих функций, то с включением этих лиц в советы директоров положение коренным образом изменилось.

По требованию правительства, ФПГ перестали предоставлять гарантии по кредитам, получаемым их дочерними предприятиями. Ранее такие гарантии давали возможность осуществлять заимствования в особо крупных размерах. За один год 30 конгломератов предоставляли их на общую сумму 33,1 трлн. вон. Такое свободное финансирование позволяло дочерним предприятиям расширять производственные операции без особых ограничений.

В настоящее время еще одним сдерживающим фактором на пути к наращиванию мощностей является тактика иностранных предпринимателей. Последним принадлежит 20% акционерного капитала 80 крупных южнокорейских компаний, зарегистрированных на фондовой бирже.

В условиях повышения роли иностранных инвесторов корпорации в Республики Корея вынуждены уделять повышенное внимание прибыльности бизнеса, а не его масштабам. В то же время пока ни одна ФПГ не обнародовала планы сокращения мощностей. "Daewoo" заявила, что не намерена свертывать производство автомобилей, которое с учетом поглощения пусанского завода "Samsung" возрастет с 1,2 млн. до 1,5 млн. шт.

Продажа предприятий в рамках "большой сделки" пока осуществляется недостаточно активно. Среди проданных фирм можно отметить подразделение "Samsung" по производству дисплеев и вилочных подъемников. Эта продажа пополнила доходы указанной ФПГ на 1,1 млрд. долл.

Однако в большинстве других случаев возникают существенные проблемы, поскольку нерентабельные или низкорентабельные производства не вызывают интереса иностранных или отечественных предпринимателей, тем более, что ближайшие общеэкономические перспективы неблагоприятны.

Наблюдатели сомневаются в надежности правительственного прогноза, согласно которому прирост ВВП в 1999 г. должен составить 2%. Многие эксперты предсказывают общенациональное падение производства. В таких условиях иностранные инвесторы вряд ли направят в Республику Корея новые крупные капиталовложения.

Пять ведущих ФПГ вместе со своими банками запланировали мобилизовать до конца 2000 г. иностранный капитал на общую сумму 30 млрд. долл. Однако этот план вряд ли осуществим, поскольку в январе - октябре 1998 г. получено только 5,6 млрд. долл., или 19% указанной суммы.

С учетом всех перечисленных факторов структурная перестройка крупнейших ФПГ Южной Кореи займет, по-видимому, более длительный период, чем предполагалось первоначально.

Реорганизация банковского сектора

Одним из условий получения финансовых ресурсов от международных финансовых организаций было реформирование кредитно-банковской системы.

В 1998 г. южнокорейское правительство сообщило о своем намерении реформировать банковскую систему страны. Одним из направлений этих преобразований будет слияние финансово устойчивых банковских институтов с более слабыми и проблемными учреждениями или их поглощение. Альянсы между банками уже стали основной тенденцией в развитии банковского сектора страны.

В результате преобразований до конца столетия в Южной Корее должны сформироваться 3-4 банка мирового уровня. Предполагается, что таковыми станут "Korean Exchange", "Kookmin", "Shinhan", "Housing Bank", банк "Korean Exchange", существенно укрепил свои позиции благодаря привлечению капитала крупного германского банка "Commerzbank".

Крупнейшим 12 национальным банкам предстоит пройти проверку на соответствие критериям достаточности капитала, рекомендованным Банком международных расчетов, который размещается в Швейцарии и является крупным исследовательским центром мирового значения.

Для малых и провинциальных банков будут применяться заниженные требования, но при условии их отказа от проведения операций на внутреннем рынке. Два банка, находящихся в критическом состоянии, - "Korean First Bank" и "Seoul Bank", вероятно, будут приватизированы.

В преддверии реорганизации банк "Cho Hung" пытается мобилизовать дополнительный капитал в 100 млн. долл. путем размещения конвертируемых облигаций.

"Commercial Bank" и "Hanil Bank" стремятся привлечь зарубежные финансовые ресурсы для последующей трансформации в совместный банк.

Учитывая радикальность южнокорейских реформ, Азиатский банк развития (АзБР) принял решение увеличить на 120 млн. долл. пакет займов для содействия реорганизации банковского сектора. По требованию АзБР правительство Республики Корея направит заемные средства нескольким крупным банкам для ускорения процесса реструктуризации.

Всемирно известная корпорация "Daewoo" совместно с иностранными банковскими компаниями намерена учредить гигантский банк, который займет ведущее место в данной отрасли южнокорейской экономики.

Для реализации плана создания этого банка 4 финансово-промышленные группы - "Daewoo", "Samsung", "Hyundai", "LG" - должны выделить по 500 млн. долл. (в целях мобилизации капитала на общую сумму 2млрд. долл.) и получить такую же сумму от иностранных соучредителей (по видимому, из США, ЕС и Японии).⁵

В целом финансовая реформа становится одним из основных элементов программы по выводу южнокорейской экономики из кризиса.

-
1. Бюллетень иностранной и коммерческой информации (БИКИ). 16 января. 1999. № 4. С. 5
 2. Korean Economy. Daewoo Economic Research Institute. 1999. № 3. P. 6.
 3. The Rise of the Korean Economy. Oxford University Press. Oxford, 1992. P.115.
 4. Бюллетень иностранной и коммерческой информации (БИКИ). 1999 г., 2 марта. № 2. С.4.
 5. Korean Economy. Daewoo Economic Research Institute. № 3. 1999. P. 23.

Новый комплексный план общенационального развития Японии на начало 21 века

© 1999

В. Хлынов

Сегодняшняя Япония - вторая после США по уровню экономического развития держава мира, страна с развитой рыночной экономикой. Важнейшими факторами сравнительно успешного экономического развития Японии явились общегосударственное среднесрочное планирование экономики, несмотря на ее стихийно-рыночный характер, и осуществление долгосрочных комплексных правительственных программ, нацеленных на решение постоянно возникающих в мире и в стране новых актуальных экономических и социальных проблем.

Начиная с середины 50-х годов и до настоящего времени в Японии было разработано и осуществлено 13 среднесрочных экономических планов. Наряду с текущими планами, носящими индикативный характер, с начала 60-х годов в Японии периодически разрабатываются также долгосрочные государственные программы, известные как "комплексные планы общенационального развития страны". Они разрабатываются правительственным Агентством по вопросам национальной территории и, в частности, входящим в ее состав Бюро планирования и координации. Эти программы, в отличие от текущих среднесрочных экономических планов, утверждаются кабинетом министров на основе специального "Закона о комплексном развитии территории страны", принятом в 1950 году.

Всего к настоящему времени в Японии было разработано пять долгосрочных правительственных программ общенационального развития территории страны, в том числе в 1962, 1969, 1977, 1987 и в 1998 годах. Основная цель этих программ заключается в том, чтобы обеспечить основу сбалансированного развития государства и его комплексную безопасность.

В связи с тем, что в конце 1999 года истекает срок действия четвертого комплексного плана общенационального развития Японии, уже в марте 1998 года японское правительство утвердило очередной пятый план, который рассчитан до 2010-2015 годов и имеет название: "Проект освоения территории страны в 21 веке. Стимулирование самостоятельности регионов и создание гармоничной страны"¹.

План призван содействовать коренному изменению сознания народа и расширению его общегуманитарных и политических взглядов в условиях быстрого старения японского общества и падения рождаемости. Как видно из названия плана, он предусматривает усиление и расширение взаимодействия в его осуществлении всех без исключения регионов и всех слоев населения.

Хлынов Владимир Николаевич, ведущий научный сотрудник Центра исследований Японии, доктор экономических наук.

План нацелен на стимулирование развития самостоятельности и сохранения самобытности всех японских регионов, на активное участие в его осуществлении общенациональных и местных общественных организаций, частных предприятий и различных добровольных обществ.

О масштабах плана ярко свидетельствует тот факт, что в нем дан глубокий анализ буквально всех сторон дальнейшего развития Японии. Он содержит в себе три основные части: 1. - Основной взгляд на план развития территории страны, 2. - Основные направления политики в различных областях, 3. - Основные задачи по наведению порядка в регионах. Эти части в свою очередь подразделяются на разделы и подразделы.

В первой части плана рассматриваются основные задачи, стратегия их решения, особые задачи и пути их реализации. Остановимся на каждом из этих разделов.

Основные задачи

1. Стимулирование самостоятельности регионов страны с целью формирования собственных возможностей самостоятельного определения целей и перспектив своего развития, охраны окружающей среды и развития культуры.

Как подчеркивается в плане, для этого необходимо формирование многоплановой структуры страны, расширение возможностей выбора жизненного пути гражданами в соответствии с их интересами, обеспечение высокого уровня жизни, расширение возможностей занятости и трудоустройства, возрождение местных исторических, культурных и природных ценностей на основе самостоятельного выбора и собственной ответственности администраций и граждан регионов. Наряду с этим необходимо также разделение полномочий регионов с центром и обеспечение равенства возможностей всех регионов, с целью создания такого экономического базиса на местах, который удовлетворял бы жизненные потребности населения регионов. Все это, согласно плану, позволит возродить самобытность регионов и их национальную привлекательность².

2. Обеспечение комплексной безопасности территории страны и ее населения.

Важность этой задачи, как подчеркивается в плане, обусловлена часто происходящими в Японии стихийными бедствиями и прежде всего мощными землетрясениями. Комплексная безопасность включает в себя необходимость решения многих других проблем, в том числе связанных с прогнозируемым ускоренным старением японского общества и сокращения уровня рождаемости, глобальными изменениями климата планеты, сокращением энергетических и продовольственных ресурсов. В связи с этим, говорится в плане, необходимо принять кардинальные меры по обеспечению стабильного снабжения населения страны продовольствием, водой и энергией³.

3. Разумное использование природных ресурсов и сохранение окружающей среды.

Согласно плану, необходимо решительно бороться с количественным и качественным ухудшением природной среды, обеспечить благоустройство территории страны для сохранения многообразия флоры и фауны путем упорядочения общественно-экономической деятельности человека, нацелив ее на необходимость сохранения природы для будущих поколений⁴.

4. Формирование экономически жизнедеятельного общества.

Необходимость решения этой задачи, говорится в плане, вызвана усилением конкуренции как внутри страны, так и за ее пределами. В связи с

этим необходимы структурные социально-экономические реформы, направленные на создание такого общества, в котором были бы обеспечены достойная жизнь и стабильная занятость населения. В условиях глобализации экономики и старения японского общества необходимо, в частности, развивать производство с высокой добавленной стоимостью, т.е. новые производства, соответствующие современным достижениям в науке и технике. Это в свою очередь требует создания более благоприятных условий для свободного предпринимательства путем ослабления государственного регулирования. Наконец, необходимо повысить уровень научно-технических разработок и подготовки высококвалифицированных кадров⁵.

5. Формирование страны, открытой для всего мира.

Для этого необходимо активизировать международные связи регионов в различных областях, включая экономику, науку, технику, культуру, спорт, туризм и все другие. При этом, речь идет не только о расширении деятельности японцев и японских предприятий за рубежом, но и о создании более благоприятных условий для деятельности иностранцев и иностранных предприятий в Японии. В условиях глобализации экономики нужно так же стремиться к тому, чтобы наиболее развитые в Японии области науки, экономики и техники могли бы быть использованы в других странах мира и, прежде всего, в странах Азии и Тихого океана⁶.

Стратегия решения основных задач

Стратегия решения основных задач, согласно плану, включает в себя четыре главных направления: 1. - Создание жилых районов с охраняемой экосистемой. 2. - Обновление крупных городов. 3. - Формирование осей регионального взаимодействия. 4. - формирование широких зон международных связей.

1. Создание жилых районов с охраняемой экосистемой предусматривает формирование и развитие сельских, рыболовецких и других поселков вокруг небольших городов. При этом проживание в таких районах должно соответствовать новому образу жизни населения в 21 веке. Для этого необходимо создать в них все городские удобства и расширить сферу социальных услуг, включая медицинское обслуживание, образование, культуру и т.п. При этом, согласно плану, медицинское, общеобразовательное и культурное обслуживание населения будет предоставляться в близлежащих небольших городах, а обеспечение занятости населения - в самих этих районах. Для этого должны быть созданы комплексные производственные системы с современными средствами информации и связи, усовершенствованы все транспортно-коммуникационные службы. Это позволит районам расширить всесторонние связи с крупными городами страны, развивать международный туризм. Наконец, немаловажно и то, что в этих районах будет апробирована система переустройства всей территории страны⁷.

2. Обновление крупных городов предусматривает прежде всего необходимость обеспечения безопасной и комфортной жизни в перенаселенных мегаполисах. Для этого, согласно плану, необходимо увеличить время работы всех городских служб, ликвидировать транспортные проблемы, снести ветхие деревянные строения, создать опорные пункты по борьбе со стихийными бедствиями, рассредоточить сконцентрированные в центрах крупных городов многочисленные городские службы, вынести в нежилые зоны многие промышленные предприятия и эффективно использовать освобождаемые при этом территории.

Для удовлетворения социальных потребностей населения крупных городов в соответствии с международным разделением труда необходимо развивать как существующие технологии, так и осваивать новые направления человеческой деятельности. Наконец, говорится в плане, необходимо сформировать в стране такие зоны крупных городов, между которыми были бы разумно распределены различные функции при развитии взаимодействия⁸.

3. Формирование осей регионального взаимодействия направлено на усиление самостоятельности регионов страны при их взаимодействии вокруг таких осей с учетом особенностей развития каждого региона. При этом предполагается совместное использование регионами различных ресурсов и разумное распределение между ними их функций. По этим осям, которые выйдут за рамки границ префектур, согласно плану, будет осуществляться активный обмен людьми, товарами и информацией, а также расширяться возможности для производственной, культурной и бытовой деятельности. Наконец, региональное взаимодействие и консолидация разнообразных культурно-исторических особенностей регионов приведет к образованию жизненно-активного пространства с присущими ему новыми более высокими культурными ценностями⁹.

4. Формирование широких зон международных связей, считают разработчики плана, приведет к открытости регионов страны для всего мира, к их самостоятельной международной деятельности, независимой от Токио и других крупных японских городов. С учетом географических и социально-экономических условий развития Японии такие зоны будут выходить за рамки региональных блоков. С целью повышения доступности для этих зон всех стран и прежде всего АТР, будет усиленно развиваться транспортно-коммуникационная инфраструктура, а также улучшена подготовка специальных кадров. В результате будут расширяться международные связи таких зон в различных областях, включая экономику, науку, технику, спорт и все другие сферы деятельности человека. Наконец, формирование таких зон будет стимулировать широкую открытость Японии для всех стран мира¹⁰.

Совершенно очевидно, что осуществление этой стратегии будет способствовать созданию базы для реализации концепции развития многоосевой структуры страны. Не менее важно и то, что это приведет к широкому взаимодействию прежде всего регионов, удаленных от Тихоокеанского пояса, к формированию в Японии наряду с Тихоокеанской также Западно-японской зоны.

Особые задачи и пути их реализации

В ходе осуществления "Проекта освоения территории страны в 21 веке", наряду с вышеизложенными основными задачами, необходимо также решить особые, крайне важные проблемы, связанные с трансформированием территориальной структуры страны и определением ее места в мире, особенно в Азии и Тихоокеанском регионе. Решение этих проблем, согласно плану, должно осуществляться по двум основным направлениям. Первое из них касается столичных функций и проблем Токио. Второе связано с развитием Окинавы и проблемой военных баз.

Говоря о столичных функциях и проблемах Токио, разработчики плана прежде всего подчеркивают, что хотя в последние годы концентрация населения в Токио и сосредоточение в нем различных столичных функций несколько снизились, они по-прежнему остаются высокими. В результате этого в Токио возникают серьезные трудности не только в исполнении его столичных, но также экономических и культурных функций. Это проявляется, в частно-

сти, в обострении транспортных, экологических и других проблем. При решении этих проблем, согласно плану, необходимо рассредоточить городские функции Токио государственного уровня по всей стране, создать в Токио безопасные в экологическом отношении и комфортные условия жизни, обеспечить стабильность водоснабжения и принять другие необходимые меры. Часть столичных функций Токио необходимо, по возможности, передать другим городам и районам страны. Для этого следует отделить административные функции от экономических и культурных и осуществить конкретные меры, направленные на ликвидацию однополярного фокусирования всех этих функций в Токио.

Согласно плану, это приведет к следующим чрезвычайно важным позитивным изменениям:

- к созданию качественного нового Токио и его более тесному взаимодействию с другими крупными городами страны;

- к появлению нового столичного города как политико-административного центра, и превращению Токио в культурно-экономический центр, к более тесному взаимодействию этих центров и более четкому распределению между ними различных функций;

- к повышению уровня безопасности Токио и других городов страны в случае мощных землетрясений и прочих стихийных бедствий¹¹.

Разработчики плана считают, что перенос столичных функций из Токио в какой-либо другой город страны окажет большое позитивное влияние на состояние экономики, политики и культуры Японии 21 века.

Говоря о развитии Окинавы и проблеме военных баз, разработчики плана констатируют, что за более чем четверть века с момента возвращения Соединенными Штатами Окинавы Японии в 1972 году, благодаря целенаправленным усилиям японского правительства несколько уменьшилась разница в развитии Окинавы и основной территории страны. Однако существуют некие неблагоприятные объективные факторы, связанные, прежде всего, с удаленностью от основных островов Японского архипелага и ее островной раздробленностью. Не менее, если не более важно и то, что Окинава все еще несет основное тяжелое бремя по осуществлению японо-американского договора о безопасности. При незначительной территории префектуры Окинава, составляющей всего 0,6% японской территории, на острове сосредоточено 75% всех средств по обслуживанию американских войск в Японии. Поэтому Окинава пока еще заметно отстает в развитии от других районов Японии. В условиях усиления взаимосвязи Японии со странами АТР и другими странами мира, подчеркивается в плане, необходимо обратить особое внимание на планирование дальнейшего логичного развития Окинавы. При этом нужно учитывать ее природные и культурные особенности и стремиться к тому, чтобы Окинава, сохраняя свою самобытность, вносила больший вклад в экономику и культуру как самой Японии, так и стран АТР. Окинаву с ее потенциальными возможностями следует рассматривать как "Тихоокеанский мирный перекресток", как опорный пункт мирных международных связей, включая развитие торговли и всех других сфер общечеловеческих отношений¹².

* * *

Вышеизложенные основные моменты нового комплексного плана общенационального развития Японии позволяет сделать два основных вывода. Первый сводится к тому, что план нацелен на повышение роли и значения Японии не только в мировой экономике, но и в мировой политике. Второй, не

менее важный вывод заключается в том, что возможное осуществление этого плана окажет серьезное позитивное влияние не только на дальнейшее всестороннее развитие самой Японии, но и других стран мира.

1. Дзэнкоку сого кайхацу кэйкаку. "21 сэйки-но кокудо-но гурандо дезаин. Тиики-но дзирицу-но сокусин то уцукусий кокудо-но содзо", Хэйсэй 10 нэн 3 гацу, Кокудотё. (Комплексный план общенационального развития Японии " Проект освоения территории страны в 21 веке. Стимулирование самостоятельности регионов и создание гармоничной территории страны". Агентство по вопросам национальной территории. Март 1998 г.)
2. Там же. С. 10.
3. Там же. С. 11.
4. Там же. С. 11.
5. Там же. С. 12.
6. Там же. С. 12.
7. Там же. С. 13-14.
8. Там же. С. 14.
9. Там же. С. 14-15.
10. Там же. С. 15.
11. Там же. С. 16-17.
12. Там же. С. 17-19.

РФ и КНДР: итоги и перспективы сотрудничества в топливно-энергетической отрасли

© 1999

А. Мацегора

Корейская Народно-Демократическая Республика относится к числу стран, богатых минеральными ресурсами, причем по некоторым их видам (вольфрам, молибден, магнезит, графит, барит, золото, плавиковый шпат) обладает запасами мирового значения. Вместе с тем, Северная Корея испытывает острый дефицит собственного углеводородного сырья.

Запасы угля представлены антрацитом и бурым углем. Антрацит залегает в Пхеньянском и Северо-Пхенанском угольных бассейнах, наиболее значительные месторождения бурого угля находятся в долине р. Туманган и в Кильджу-Менчхонском бассейне¹. Однако в Корею до сих пор не обнаружено запасов коксующихся углей, в связи с чем черная металлургия страны целиком зависит от поставок этого сырья по импорту.

Одним из результатов глубокого системного кризиса северокорейской экономики, начало которого можно отнести к 1989 г., когда страна "перенапряглась" в ходе подготовки и проведения 13 Всемирного фестиваля молодежи и студентов, стало заметное падение добычи угля. Если в рекордном 1988 году советские специалисты оценивали ее в объеме примерно 37-39 млн. т, то уже к 1993 году она сократилась до 26-28 млн.т², а к концу 90-х г., по оценке автора статьи, объем добычи угля опустился существенно ниже 10 млн. тонн.

Одновременно и качество добываемых северокорейских энергетических углей в последние годы неуклонно снижалось и сейчас его можно охарактеризовать как низкое. Теплотворность углей, используемых даже на ведущих тепловых электростанциях в Пукчане, Пхеньяне, Чхонджине и Нампхо составляет немногим более 1000 кал/кг³. Именно этим обусловлено согласие КЕДО (Korean Peninsula Energy Development Organization, международная организация, созданная в целях реализации американо-северокорейского рамочного Соглашения от 21 октября 1994 г.) поставлять топочный мазут не только на Раджин-Сонбонскую тепловую электростанцию, единственную в стране использующую в качестве топлива мазут, но и на перечисленные выше угольные ТЭС и ТЭЦ. Они применяют мазут для "поджигания" низкокалорийного северокорейского энергетического угля.

Несмотря на все предпринимавшиеся попытки, ни северокорейским геологам, ни иностранным специалистам пока не удалось обнаружить запасов

Мацегора Александр Иванович - старший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

нефти или газа на территории КНДР либо на окружающем ее континентальном шельфе. В 70-е гг. содействие Пхеньяну в этом оказывали румынские и югославские геологи, в 80-е гг. на шельфе Желтого моря работали советские специалисты, вплоть до середины 90-х гг. в Пхеньянской впадине разведку нефти вела Гомельская (Белоруссия) экспедиция объединения "Западгеофизика". Однако помимо самых общих предположений о возможном наличии перспективных пластов, никаких конкретных результатов получено не было.

Указанные объективные условия определили содержание советско-северокорейского сотрудничества в топливно-энергетической отрасли.

Уже в первые годы существования КНДР Советский Союз оказал значительную помощь в восстановлении электроэнергетических объектов и угольных шахт. Вплоть до конца 1991 г. и даже в первые месяцы 1992 г., т.е. уже после развала СССР, советские, а затем российские специалисты трудились на целом ряде объектов северокорейского топливно-энергетического комплекса, в КНДР поставлялись крупные объемы сырой нефти и нефтепродуктов, кокса и коксующегося угля.

К числу основных объектов сотрудничества нашей страны с КНДР в топливно-энергетической области, реализация которого имела место в разные годы, относятся:

Электроэнергетика:

- Сунхунская ГЭС мощностью 700 тыс. кВт;
- Пхеньянская ТЭЦ мощностью 400 тыс. кВт;
- Пукчанская ТЭС мощностью 1600 тыс. кВт;
- Чхонджинская ТЭС мощностью 150 тыс. кВт;
- Восточно-Пхеньянская ТЭЦ мощностью 200 тыс. кВт;
- ТЭЦ в г. Унги (современный г. Раджин-Сонбон) мощностью 100 тыс. кВт;
- Атомная электростанция "Тонхэ" мощностью 1760 тыс. кВт.

Незавершенными объектами сотрудничества в электроэнергетике остались Восточно-Пхеньянская ТЭЦ и атомная электростанция "Тонхэ" в уезде Синпхо, провинция Южная Хамген. Уместно отметить, что все межправительственные соглашения, в соответствии с которыми они сооружались, а также контракты, подписанные во исполнение указанных соглашений, по-прежнему сохраняют свою юридическую силу, равно как и обязательства сторон по указанным документам.

Для Восточно-Пхеньянской ТЭЦ поставлено основное оборудование (до 65 процентов) для первого блока общей мощностью 100 тыс. кВт, российскими специалистами произведены основные монтажные и пуско-наладочные работы первого котла и до 30 процентов работ по второму котлу первой части первого блока мощностью 50 тыс. кВт. Недостающее оборудование первого блока, монтажные и пуско-наладочные работы произведены корейской стороной самостоятельно в период 1994-1997 гг. Формально он введен в эксплуатацию, однако обеспечить его нормальную ритмичную работу корейским энергетикам пока не удается.

Что касается атомной электростанции, то организациями Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Гомеля, Южно-Сахалинска и других городов в основном (на 90-95 процентов) завершена обширная программа работ по исследованию и выбору площадки АЭС. Приостановка работ и отзыв наших специалистов с площадки в 1992 г., при том, что, конечно, имелись и серьезные экономические проблемы, объяснялись в основном политическими мотивами. Под нажимом прежнего руководства российского МИДа, которое в свою очередь испытывало сильнейшее давление со стороны американского Госдепартамента, Всесоюзное объединение "Атомэнергоэкспорт" было вынуждено в одностороннем порядке прервать выполнение принятых обязательств.

Есть серьезные основания полагать, что подготовленные в России материалы исследований площадки, за которые между корейскими и российскими организациями расчеты до сих пор не произведены и которые официально корейской стороне не передавались, попали в распоряжение действующей под американским контролем KEDO. Для двух легководных ядерных реакторов KEDO, сооружаемых южнокорейскими компаниями по американскому проекту, без длительных и дорогостоящих предварительных изысканий выбран именно тот участок (поселок Кымхо, уезд Синпхо, провинция Южная Хамген)⁴, где базировались специалисты "Атомэнергоэкспорта". Таким образом, существует высокая степень вероятности незаконного с точки зрения международного права несанкционированного использования международной организацией в собственных коммерческих целях результатов научно-исследовательских работ российских предприятий и научных учреждений. Кроме того, сооружение в КНДР на "российской" площадке американской АЭС заведомо делает невозможным использование выбранного российскими геологами участка в интересах российско-корейского сотрудничества в области ядерной энергетики в будущем, когда для этого вновь возникнут соответствующие материальные условия (будем надеяться, что ждать этого не придется слишком долго).

По официальным каналам к российской стороне неоднократно поступали предложения принять участие в деятельности KEDO, в которую по состоянию на 31 июля 1998 г. входили США, Япония, Южная Корея, Аргентина, Австралия, Канада, Чили, Финляндия, Индонезия, Новая Зеландия, Польша и МАГАТЭ⁵. Небесспорной представляется целесообразность подключения России к работе этой действующей под руководством США организации, являющейся по сути инфраструктурой, обеспечивающей надлежащее выполнение (в американском понимании) американо-северокорейского рамочного соглашения. Однако следует в обязательном порядке выяснить вопрос с правомочности использования американской стороной площадки, выбранной российскими организациями в интересах российско-северокорейского сотрудничества в области ядерной энергетики.

В общей сложности при содействии нашей страны в КНДР сооружены электростанции с установленными мощностями 2950 тыс. кВт, что превышает 46% от общего объема установленных мощностей всей северокорейской электроэнергетики. На указанных электростанциях, по оценке специалистов, в настоящее время производится не менее 80% всей производимой в стране электроэнергии⁶.

Угольная промышленность:

- Угольный карьер Енхын мощностью 1,5 млн. т угля в год;
- Угольные шахты NoNo 1,2 и 3 в районе Анчжу мощностью 4 млн. т угля в год;

Для оснащения северокорейских угольных шахт поставлялось свыше половины необходимого бурильного, подъемного и насосного оборудования, практически все используемые в КНДР мощные карьерные самосвалы, значительная часть применяемых для проведения вскрышных работ взрывчатых веществ. Вся шахтная крепь в КНДР изготавливалась из древесины, получаемой в рамках программы использования корейской рабочей силы в лесоразработках на территории Хабаровского края и Амурской области. До 20 процентов угля в Северной Корее по-прежнему добывается на карьерах и шахтах, созданных в рамках советско-корейского экономического сотрудничества.

Нефтепереработка:

- Химический комбинат "Сынри" в г. Унги (современный г. Раджин-Сонбон, провинция Северная Хамген) мощностью 2 млн. т нефти в год;

Помимо "Сынри", в Северной Корее имеется еще только один нефтеперерабатывающий завод — Химический комбинат "Понхва", построенный при китайском техническом содействии в г. Синьиджу, провинция Северная Пхенан, расположенном на границе с КНР. Мощности двух заводов примерно равны и доля нашей страны в общем объеме созданных в КНДР мощностей по нефтепереработке составляет около 50 процентов.

В рамках ежегодных протоколов о товарообороте, а также в счет целого ряда прочих межправительственных соглашений, в КНДР ежегодно поставлялось значительное количество нефти, нефтепродуктов, кокса и коксующегося угля. Объемы поставок этих важнейших для КНДР товаров варьировались в зависимости от целого комплекса факторов, однако максимальный уровень поставок, пришедшийся на конец 80-х гг., достигал 1,1 млн. т по нефти и нефтепродуктам и 1 млн. т по коксу и коксующемуся углю⁷.

Во второй половине 80-х гг. по инициативе корейской стороны сотрудничество в топливно-энергетической отрасли распространяется и на объекты, расположенные на территории России. В Пхеньяне подписывается соглашение о сотрудничестве между министерствами угольной промышленности двух стран. В рамках указанного соглашения для работы на месторождениях коксующегося угля в Бурятии и Кемеровской области направляются северо-корейские шахтеры (в общей сложности около 600 человек). Подписываются контракты на привлечение северо-корейских строителей в регионы Сибири с частичной оплатой стоимости их работы (помимо объектов производственного назначения, сооружались также объекты инфраструктуры, жилья) поставками коксующегося угля. В этот же период на аналогичных условиях прорабатывались возможности сотрудничества в добыче нефти в Азербайджане и Тюменской области, в обустройстве месторождений, сооружении нефтепроводов и газопроводов в европейской и азиатской части страны.

После совещания с руководителями краев, областей и республик Восточной Сибири и Дальнего Востока, которое было проведено Ким Ир Сенем в Хабаровске в июле 1988 г., в практическую разработку были взяты сразу несколько проектов сотрудничества в топливно-энергетической отрасли. В частности, активизировалась проработка проекта "Восток", предусматривавшего переброску якутского газа для собственных потребителей по маршруту газопровода и в интересах иностранных покупателей в регионе Дальнего Востока, в том числе и КНДР. Именно тогда впервые был поставлен вопрос о совместной разработке месторождений коксующегося угля в Якутии в районе Нерюнгри. В соответствии с поручением правительства, принятым по итогам указанного совещания, советские организации приступили к изучению возможности соединения энергетических систем КНДР и российского Дальнего Востока с тем, чтобы наладить обмен электроэнергией между двумя странами и смягчения пиковых нагрузок. В тот период еще не стоял с такой остротой вопрос дефицита электроэнергии в КНДР.

В 1987-1988 гг. государственные плановые органы двух стран проводили консультации в рамках подготовки Долгосрочной программы экономического сотрудничества между СССР и КНДР на период до 2000 г. Корейская сторона первой представила на рассмотрение свои инициативные предложения для включения в топливно-энергетический раздел Программы.

Не вызывает сомнения, что острая нехватка у Пхеньяна платежных средств и неготовность Москвы идти на предоставление КНДР новых крупных кредитов не позволила бы принять многое из того, что содержалось в корейском проекте. Вместе с тем его содержание дает представление о том значении, которое корейское руководство придавало сотрудничеству с нашей

страной в топливно-энергетической отрасли. Корейский проект долгосрочной Программы в части сотрудничества в топливно-энергетической отрасли включал в себя следующие пункты⁶:

— Завершение в 1995 г. строительства первой северокорейской атомной электростанции "Тонхэ" мощностью 1760 Мвт;

— Сооружение к 2000 г. второй северокорейской атомной станции мощностью 4000 Мвт;

— Завершение сооружения Восточно-Пхеньянской ТЭЦ мощностью 200 Мвт и расширение ее мощности до 400 Мвт;

— Сооружение тепловой электростанции в Анчжу мощностью 1200 Мвт;

— Сооружение линии ЛЭП 500 с поставкой из СССР трансформаторов мощностью 333 тыс. кв.;

— Разведка и разработка месторождений урановых руд, сооружение уранового рудника мощностью 1 млн. т руды в год с перспективой его дальнейшего расширения;

— Нефтегазразведка и нефтедобыча на Восточном и Западном побережье КНДР;

— Расширение мощности угольных шахт в районе Анчжу к 1995 году с 5 до 10 млн. т угля в год;

— Участие корейской рабочей силы в добыче нефти на территории СССР;

— Поставка из СССР 5 млн. т коксующегося угля ежегодно, участие корейской рабочей силы в разработке месторождений коксующихся углей на Дальнем Востоке СССР;

— Поставка из СССР оборудования для производства угольного газа плазменным способом мощностью 50 тыс. куб. м в час;

— Увеличение поставок из СССР нефти до 10 млн. т в год. Оказание технического содействия в строительстве нефтеперерабатывающего завода мощностью 4 млн. т в год.

С подписанием 2 ноября 1990 г. межправительственного Соглашения о переходе во взаимной торговле на расчеты в СКВ и цены мирового рынка, с отказом от практики кредитования экономического сотрудничества с КНДР после развала СССР ни одно из перечисленных новых направлений сотрудничества в топливно-энергетической отрасли реализовано не было. Более того, оказались заморожены практически все старые программы, осуществление которых составляло основу двухстороннего экономического взаимодействия на протяжении десятков лет.

Как уже было отмечено, КНДР покинули все российские специалисты-энергетики, которые не только участвовали в сооружении новых объектов, но и осуществляли регламентные работы на энергетическом оборудовании советского производства. Были прекращены поставки запасных частей и материалов, в частности труб высокого давления, которые на северокорейских тепловых электростанциях подлежат ежегодной замене на одну четверть от их общего объема.

В связи с тем, что российской и корейской сторонам не удалось создать новый механизм платежей в условиях отказа от клиринга и нехватки валютных средств, произошел обвал во взаимной торговле. Российская нефть в последний раз поставлялась на нефтеперерабатывающий завод "Сынри" в 1993 г. (около 40 тыс. т.), нефтепродукты из РФ в КНДР поступают нерегулярно и в весьма незначительных объемах (от 3 до 10 тыс. т. ежегодно). Поставки российского кокса прекратились в 1991 году, но коксующийся уголь и после этого относительно стабильно экспортировался до 1995 г. в объемах от 150 до 300 тыс. т ежегодно. В связи с возникновением просроченной задол-

женности корейского покупателя поставки угля из РФ в 1995-1997 гг. были приостановлены и возобновлены вновь только весной 1998 г.

Корейское руководство в истекший период предпринимало усилия по возобновлению сотрудничества с Россией в топливно-энергетической отрасли. Так, в 1994-1995 гг. при проведении переговоров с США о выборе типа ядерного реактора, который должен быть построен в КНДР в соответствии с упоминавшимся выше американско-северокорейским рамочным соглашением, корейцы достаточно настойчиво (и, как представляется, обоснованно) ставили вопрос о том, что, поскольку реактор строится не безвозмездно, а на условиях кредита, Пхеньян вправе выбирать поставщика и тип реактора. В качестве такого поставщика КНДР предлагала определить российского генподрядчика. Как наиболее подходящий для корейской стороны по целому ряду параметров был выбран новейший российский легководный реактор НП-640, разработанный в Санкт-Петербурге. Детали такого варианта в предварительном порядке были согласованы в ходе визита в КНДР делегации В/О "Атомэнергоэкспорт" в декабре 1994 года. Для получения официальной российской поддержки по этому вопросу Председатель Комитета по содействию внешнеэкономическому сотрудничеству КНДР Ким Ден У дважды приезжал в Москву для встреч с российскими представителями. Крайне беспринципная позиция козыревского МИДа позволила американцам заблокировать эту инициативу.

Северокорейцы неоднократно подтверждали свою заинтересованность в участии в проекте переброски якутского газа южнокорейским потребителям через территорию КНДР. Официальные представители КНДР подчеркивали, что КНДР произвела земельное выделение для прокладки газопровода от Хасана до 38 параллели, что северокорейская сторона готова дать любые гарантии стабильной и безопасной работы газопровода в случае его прокладки через территорию КНДР⁹.

Корейская сторона в 1996-1997 гг. предпринимала усилия по реализации проекта сотрудничества с российскими организациями ("Восточная нефтяная компания", Томск, "Русско-корейский торговый дом", Москва) в восстановлении нефтепереработки на заводе "Сынри". Была отработана программа, согласованы условия, произведено обследование состояния корейского предприятия, однако российские официальные ведомства отказались обеспечить необходимую правовую базу, гарантирующую интересы российского поставщика. 14 октября 1997 г. в Москве в ходе Второго заседания межправительственной российско-северокорейской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству было подписано рамочное Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в редакции МВЭС России. Содержание этого Соглашения серьезно ухудшило условия возможного сотрудничества российских и северокорейских организаций в нефтепереработке (а также в использовании северокорейских транзитных возможностей в интересах российских экспортно-импортных потоков)¹⁰.

В июле 1998 г. по инициативе северокорейцев КНДР посетила делегация объединения "Технопромэкспорт", которая провела переговоры о возможном сотрудничестве в завершении строительства и пуске в эксплуатацию Восточно-Пхеньянской ТЭЦ. Российские специалисты подтвердили принципиальную готовность в сжатые сроки произвести допоставку недостающего оборудования, его монтаж и пуск в эксплуатацию. "Технопромэкспорт" также согласился принять предложение корейской стороны об оплате его услуг поставками корейских товаров. Тем не менее до настоящего времени этот вопрос не нашел своего окончательного решения.

Анализ опыта советско-северокорейского сотрудничества в топливно-энергетической отрасли в 1945-1991 гг., а также основных итогов российско-северокорейских связей в этой области в период после 1991 г. дает основание полагать, что существуют хорошие возможности сохранения и дальнейшего развития взаимной кооперации в электроэнергетике, нефтепереработке, поставке энергоносителей.

Электроэнергетика.

Российско-северокорейское сотрудничество в области электроэнергетики (и тепловой, и ядерной) сдерживается в настоящее время и будет сдерживаться в ближайшем будущем только нехваткой платежных средств у корейского заказчика. Иностранные инвесторы (в первую очередь южнокорейцы) вряд ли согласятся вкладывать деньги в российско-северокорейское сотрудничество в этой, да и в любой другой области.

Тем не менее представляется целесообразным ставить этот вопрос перед представителями Сеула. Главным доводом в пользу такого трехстороннего сотрудничества могут быть соображения экономии расходов как по оборудованию, так и по монтажу. К примеру, если цена реализуемого сейчас американо-южнокорейского проекта АЭС составляет 6,5 млрд. долларов, то российская АЭС с аналогичными характеристиками стоила бы, по оценке, чуть ли не вдвое дешевле. Заинтересовать Южную Корею можно было бы также, предлагая совместные технические проекты в северокорейской электроэнергетической отрасли с разделением поставок между российскими и южнокорейскими предприятиями.

В перспективе, когда КНДР сможет позволить себе самостоятельно оплачивать комплектные поставки электроэнергетического оборудования, либо получать несвязанные международные кредиты, можно с высокой степенью вероятности предположить, что Россия будет выбрана Пхеньяном в качестве одного из партнеров по сооружению объектов электроэнергетики. Учитывая темпы развития азиатских "тигров", это время может наступить достаточно быстро.

Нормализация ситуации в северокорейской электроэнергетике вновь поставит вопрос об объединении энергосистем КНДР и России. Несовпадение пиковых нагрузок в двух странах по времени станет той самой объективной экономической предпосылкой, которая обусловит целесообразность этого объединения.

Кроме того, предпосылкой этому может стать и ввод в эксплуатацию американо-южнокорейской АЭС. При проработке вопроса сооружения АЭС "Тонхэ", советские специалисты, учитывая необходимость обеспечения безопасности работы станции с точки зрения стабильной и надежной работы электрических сетей, предусматривали сооружение высоковольтной ЛЭП, которая связала бы северокорейскую АЭС с энергетической системой Дальнего Востока нашей страны. Уже тогда представители советских научных институтов предостерегали от включения ядерных реакторов в работающую очень неровно, с постоянными скачками по частоте и напряжению северокорейскую электрическую сеть. Сейчас, по прошествии 8 лет кризиса, работа электрических сетей КНДР не улучшилась. В этой связи можно уже сейчас предположить, что КЕДО будет предлагать северокорейцам замкнуть АЭС на южнокорейскую сеть, тем более, что таким образом будет гарантировано погашение кредита на сооружение АЭС продажами электроэнергии в Южную Корею. Северокорейцы вряд ли будут во главу угла ставить необходимость оплаты кредита. Северный вариант, т.е. соединение АЭС с российской энергосистемой имеет свои плюсы для КНДР, в том числе и с той точки зрения, что по пути следования к российской границе будет обеспечен электроэнергией крупнейший северокорейский промышленный район Чхонджина, а также Свободная

экономическая зона Раджин-Сонбон. Кроме того, достаточно интересные перспективы для северокорейцев могут возникнуть и в плане участия в прорабатываемом в настоящее время проекте продажи дальневосточной электроэнергии в Японию.

Нефтепереработка.

Даже при том, что в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре имеются два минимально загруженных нефтеперерабатывающих предприятия (построенных в конце 30-х - начале 40-х гг.), представляется целесообразным сохранить северокорейский НПЗ "Сынри", расположенный в 40 километрах от российской границы, в качестве объекта российско-северокорейского экономического сотрудничества. До 1992 г. нефть для этого предприятия от станции Мегет Иркутской области, где заканчивается нефтепровод, до российской пограничной станции Хасан доставлялась железнодорожными цистернами на расстояние 4300 километров. Сейчас, когда размер железнодорожного тарифа по этому маршруту даже со всеми возможными скидками не опускается ниже 40 долларов за тонну, становится вполне очевидным, что прежний вариант неприменим по причинам сугубо экономическим. Таким образом, речь скорее всего может идти о замене российской нефти, продаваемой на европейских рынках, на арабскую — по своему составу для российского оборудования, установленного на "Сынри", подходит только йеменская нефть, которую можно доставлять через морской наливной терминал, принадлежащий НПЗ. Прорабатывался и вариант переработки сахалинской нефти, однако в этом случае возникает необходимость в существенном и достаточно дорогостоящем переоснащении предприятия.

В любом случае сотрудничество по НПЗ "Сынри" вполне может заинтересовать российские нефтяные компании. При этом следует принимать во внимание, что в КНДР, при огромном внутреннем неудовлетворенном спросе на нефтепродукты, не обеспечена в достаточной степени его платежеспособность. В этой связи на первом этапе наиболее эффективным стал бы вариант, при котором нефтепродукты из КНДР будут поставляться российским потребителям Приморского края, Сахалина, Магаданской области и Камчатки (в настоящее время эти поставки в основном производятся из Южной Кореи и Китая). Программы кооперации по НПЗ "Сынри", равно как и по прочим объектам советско-северокорейского экономического сотрудничества, могли бы стать предпосылкой и важнейшим материальным условием решения одной из наиболее острых проблем — погашения задолженности КНДР перед РФ по предоставленным ранее нашей страной кредитам в размере около 4 млрд. клиринговых рублей (в ценах 1990 г.).

Поставка углеводородного сырья.

Минимальные потребности КНДР в сырой нефти для выработки на имеющихся производственных мощностях мазута, дизтоплива, бензина, керосина и прочих нефтепродуктов составляют в настоящее время около 2 млн. т, из которых Китай на НПЗ "Понхва" поставляет менее половины, 500 тыс. тонн мазута ежегодно дает КЕДО. Коксующийся уголь требуется в количестве не менее 500 тыс. т, из которых в течение, например 1998 г., КНДР получила менее 60 процентов. С таким уровнем удовлетворения своих потребностей промышленность Северной Кореи не может решать даже самые насущные экономические проблемы.

Для вывода страны из кризиса северокорейскому руководству придется начинать с энергетики, глубокий кризис в которой тянет за собой все остальное народное хозяйство. Помимо прочего, ему потребуется решить вопрос завоза как минимум 4 млн. т нефти и нефтепродуктов и 1,5 млн. тонн кок-

существующего угля в год. Объективно наиболее подходящим поставщиком нефти и угля могла бы стать Россия — кемеровский на первом и якутский на последующих этапах коксующийся уголь и сахалинская нефть — это вариант, над которым специалисты двух стран работали до 1991 г. и который вполне сохраняет свою актуальность.

Самым эффективным вариантом решения проблемы нехватки углеводородного сырья в КНДР стала бы, конечно, реализация Якутского либо Иркутского газового проекта (или их комбинации) и прокладка газопровода через территорию Северной Кореи.

Так, начальные прогнозные ресурсы Республики Саха(Якутия) составляют 9332,2 млрд. куб. м газа. Согласно Якутскому газовому проекту, максимальный годовой объем добычи предусматривается в объеме 43,66 млрд. куб. м, из которых 28,07 млрд. куб. м предназначаются для поставки в Южную Корею. Из 4383 км общей протяженности газопровода 760 км должны были бы пройти по территории КНДР с диаметром нитки 1220 мм, шестью компрессорными станциями и 24 газоперекачивающими агрегатами. Из общих капитальных вложений проекта в размере 9567, 8 млн. долл. около 840 млн. долл. пошло бы на сооружение северокорейской части газопровода¹¹.

Реализация газового проекта с прохождением газопровода по территории КНДР позволила бы Северной Корее получать в качестве платы за транзит, по оценке, до 1 млрд. куб. м газа в год. В дальнейшем, по согласованию с другими участниками проекта, это количество могло бы увеличиться по мере роста платежеспособности КНДР.

Любой экономический кризис, каким бы он ни был глубоким, не может продолжаться бесконечно. Когда Россия и КНДР, два соседних государства, приступят к реальному решению имеющихся острых проблем, им очень пригодится наработанный десятилетиями опыт сотрудничества в топливно-энергетической отрасли, базовой отрасли народного хозяйства любой страны.

1. Современная Корея. Москва. 1971г. С. 12.
2. Информация Торгпредства РФ в КНДР, Представительства МПС в Пхеньяне, 1993 г.
3. Отчеты специалистов Всесоюзного объединения "Технопромэкспорт" на строительстве Восточно-Пхеньянской ТЭЦ.
4. Korean Peninsula Energy Development Organization, Annual Report 1996-1997.
5. Korean Peninsula Energy Development Organization, Annual Report 1997-1998.
6. Материалы международной конференции по проблемам северокорейской энергетики, Гавайи, США, август 1997 года.
7. Материалы 9 Совместной конференции Ханъянского Университета, Республика Корея и Института Дальнего Востока РАН, октябрь 1998 г., Сеул, Республика Корея.
8. Протоколы переговоров делегаций Госпланов СССР и КНДР по вопросу подписания Долгосрочной программы экономического сотрудничества между СССР и КНДР на период до 2000 года.
9. Выступление Посла КНДР в РФ Сон Сен Пхира на Парламентских слушаниях в Государственной Думе 6 июня 1996 года.
10. Материалы переговоров Второго заседания Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и КНДР, октябрь 1997 года, Москва.
11. Резюме предварительного ТЭО проекта "Саха-газ", объединение "Саханефтегаз", декабрь 1995г.

Российский Дальний Восток

О деятельности Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье"

© 1999

А.Бурый, А.Бутуханов

Либерализация внешней торговли, начавшаяся с выхода указа Президента России № 213 от 15 ноября 1991 г. "О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР" (в редакции Указов Президента РФ № 629 от 14.06.1992 г.), последовавшая за ней практически полная ликвидация в России нетарифного регулирования ввоза и вывоза продукции - с одной стороны, и сохранение защитных механизмов внешней торговли в странах-контрагентах, создание таких механизмов под разными предлогами против российского экспорта - с другой, создали беспрецедентное ухудшение условий внешней торговли. Кроме того, выход на внешний рынок огромного числа дальневосточных предприятий, в большинстве своем не имевших опыта работы в этой сфере, привел их к конкуренции друг с другом и ухудшению условий экспортно-импортных сделок.

В условиях резкого сокращения централизованного финансирования экономического развития российского Дальнего Востока, а также значительного роста тарифов на перевозку и энергоносители, приведших к снижению конкурентоспособности дальневосточной продукции на внутреннем рынке страны, нарастающей проблемы неплатежей, внешняя торговля превратилась в важнейший фактор выживания экономики Дальнего Востока России, и прежде всего экспортноориентированных отраслей. За 1992-1998 гг. экспорт региона вырос с 1,6 до 3 млрд. долл. Основными статьями экспорта являются лесоматериалы, рыба и морепродукты, продукция ВПК, уголь, нефть и нефтепродукты, лом черных металлов и концентраты цветных металлов. На долю сырья и энергоресурсов приходится 86% экспорта. Наиболее крупной статьей экспорта региона являются поставки рыбы и морепродуктов. Их стоимость составляет около 1,5 млрд. долл. в год. Проблемой является незаконный лов рыбы и ее контрабандный сбыт. По оценке Института рынка Минэкономики России, скрытые поставки достигают 500 млн. долл. в год. Значительная часть экономических проблем рыбодобывающей, да и остальных ведущих отраслей

Бурый А.Г., начальник отдела ВЭС Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье".

Бутуханов А.В., аспирант Хабаровской государственной академии экономики и права.

российского Дальнего Востока во многом обусловлена низкой эффективностью государственного регулирования внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

В странах Северо-Восточной Азии на момент выхода на рынки этих стран самостоятельных участников ВЭД из дальневосточных регионов действовали экономические организации, координирующие деятельность участников ВЭД стран СВА (КОТРА в Республике Корея, ДЖЕТРО - в Японии и т.п.). Российские же участники ВЭД в начале 90-х годов в большинстве сфер экономики не были объединены в корпорации, способные выражать и отстаивать региональные интересы. Совет Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" вынужден был искать формы и методы решения выше-названных проблем. Однако практика показала, что наладить взаимодействие в сфере ВЭД оказалось труднее, чем договориться о совместных действиях на межрегиональном уровне. Главная причина заключалась в том, что на фоне уменьшения дотаций из федерального бюджета, невозможности в короткие сроки осуществить структурную перестройку экономики на региональном уровне и тем самым получить эффект от межрегионального взаимодействия экономические связи с зарубежными странами вносили заметный вклад в местные бюджеты. С другой стороны, руководители территорий вынуждены были налаживать взаимодействие, т.к., являясь представителями государства на местах, видели, какие потери несет каждая территория из-за несогласованности действий в сфере ВЭД.

Первой попыткой согласовать действия регионов Востока России в экономических структурах АТР стало создание в 1992 г. Дальневосточного регионального центра Российского национального комитета по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (ДВРЦ РНКТЭС). РНКТЭС являлся правопреемником Советского комитета по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, созданного в 1988 г., и выполнял две функции: внешнюю - участие в деятельности международных экономических организаций АТР в качестве официального представителя, и внутреннюю - содействие экономическим связям и распространение в России опыта сотрудничества с странами АТР. Лидирующая роль Дальнего Востока и Сибири в расширении и углублении экономического сотрудничества России со странами АТР нашла отражение в организационной структуре и приоритетах работы РНКТЭС. В лице ДВРЦ территории Востока России получили возможность организованного выхода в международные структуры экономического сотрудничества, сложившиеся в "Тихоокеанском кольце". Большую работу по налаживанию связей между дальневосточными регионами и экономическими организациями АТР проделали председатель Совета ассоциации В.И.Ишаев и председатель Совета народных депутатов Хабаровского края И.Н.Цветков, ставший первым председателем ДВРЦ РНКТЭС. О своем намерении вступить в ДВРЦ РНКТЭС заявили все администрации территорий и более 100 предприятий и организаций Востока России. Секретариатом регионального центра дальневосточники были объединены в 6 секций: торговля, судостроение, энергетические и минеральные ресурсы, строительство, потребительские товары, банки и инвестиции. Представители Дальнего Востока неоднократно в рамках ДВРЦ РНКТЭС в 1993-1994 гг. принимали участие в Генеральных сессиях ТЭС и СТЭС. К сожалению, совместной работы регионов Дальнего Востока в рамках ДВРЦ РНКТЭС по ряду причин не получилось. В первую очередь это произошло потому, что ТЭС и СТЭС носят преимущественно консультативный характер, поэтому попытки дальневосточников обеспечить через эти организации экономическую кооперацию со странами АТР не увенчались успехом. Во-вторых, неопределенность полномочий субъектов Российской Федерации

при контактах с международными экономическими организациями привела к тому, что регионы оказались за рамками выработки и принятия решений. Им отводилась церемониально-протокольная роль, что обостряло отношения представителей территорий с руководством ДВРЦ РНКТЭС и представителями федеральных министерств и ведомств. Своеобразным индикатором падения интереса дальневосточников к деятельности в рамках ДВРЦ РНКТЭС является их участие в сессиях ТЭС и СТЭС. Так, в сентябре 1992 г., в работе Генеральной сессии СТЭС в Сан-Франциско от дальневосточного региона приняли участие около 30 человек, в мае 1993 г. на Генеральной сессии ТЭС в Сеуле участвовало 18 человек, в марте 1994 г. на сессии СТЭС - около 10 человек, и в мае 1994 г. в работе сессии ТЭС в Куала-Лумпуре приняли участие 4 человека. Отчасти снижение интереса можно объяснить и тем, что в рамках ДВРЦ не был сформирован механизм подготовки и внесения вопросов на сессии и конференции СТЭС и ТЭС.

Совет Ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" в 1994-1995 гг. предпринял ряд мер по совершенствованию деятельности ДВРЦ РНКТЭС. В частности, предполагалось, чтобы роль представителей экономического сектора Востока России в СТЭС и ТЭС могли бы взять на себя члены Совета ассоциации. К сожалению, из-за субъективных факторов эти предложения не были поддержаны. На заседании Совета ассоциации в октябре 1995 г. была предпринята еще одна попытка активизировать работу ДВРЦ РНКТЭС, осуществлять ее во взаимодействии и под патронажем ассоциации. Но и эти предложения не были реализованы на практике. Вместе с тем интеграция территорий Востока России в АТР диктовала необходимость обеспечения координации ВЭД на межрегиональном уровне. Совет Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" продолжил поиск новых форм для решения стоящих задач. В 1993 г. Советом ассоциации было принято решение о создании в 1993 г. Координационного Совета по внешнеэкономической деятельности (далее КС по ВЭД). В состав КС по ВЭД вошли специалисты, ученые, работники внешнеэкономических ведомств администраций регионов. Совет ассоциации, опираясь на мнения специалистов, сформулировал основные задачи КС по ВЭД следующим образом:

- обеспечение координации работы организаций и служб республик, краев и областей Дальнего Востока и Забайкалья, занимающихся вопросами внешнеэкономической деятельности, по проблемам, представляющим взаимный интерес;

- содействие формированию внешнеэкономической инфраструктуры Дальнего Востока и Забайкалья;

- обеспечение подготовки вопросов и предложений по внешнеэкономической деятельности для рассмотрения на Совете ассоциации и в Правительстве РФ.

Одним из первых дел КС по ВЭД стало решение комплекса проблем, накопившихся к моменту его создания, в отношениях между территориями Востока России и Северо-Восточными провинциями Китая. Интенсивное развитие связей между территориями российского Дальнего Востока и соседними провинциями КНР сдерживалось из-за отсутствия оборудованных пунктов пропуска на границе. Проблемы эти были общими на всем ее протяжении. 23-24 июня 1993 г. в Благовещенске по инициативе Совета ассоциации и администрации Амурской области состоялось региональное совещание по проблемам развития инфраструктуры пограничных переходов на российско-китайской границе, в котором приняли участие представители шести территорий Востока России. Было отмечено, что пограничная инфраструктура не отвечает

долгосрочным интересам России, сдерживает развитие внешнеэкономических связей Сибири и Дальнего Востока. Совместная работа территорий Дальнего Востока с федеральными органами власти России по реализации принятых на совещании решений позволила частично решить проблему финансирования строительства вновь создаваемых пунктов пропуска. В марте 1993 г. подписано Распоряжение Правительства России о перечислении части таможенных пошлин, взимаемых за экспорт товаров и услуг, в фонды территориальных органов власти. Несколько раньше распоряжением Правительства РФ разрешено Приморскому краю использовать 10% от зачисляемой в республиканский бюджет суммы импортной пошлины на развитие внешнеэкономической инфраструктуры. В соответствии с Указом Президента России "О мерах по развитию и государственной поддержке экономики Дальнего Востока и Забайкалья", КС по ВЭД подготовил ряд предложений, поддержанных Советом ассоциации, по совершенствованию федеральных нормативных правовых актов в области ВЭД. В результате в 1993-1995 гг. Правительством России принято более 10 постановлений, облегчающих развитие экономических связей территорий Востока России с иностранными партнерами. Например, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Магаданская и Амурская области получили право использовать до 10% добываемых на их территории драгоценных металлов для организации залоговых фондов и закупки импортных товаров. Этот опыт совместного решения общих проблем стал отправной точкой объединения специалистов территорий вокруг КС по ВЭД.

Большое значение в процессе разработки рекомендаций для субъектов Федерации в области координации международных и внешнеэкономических связей имело совместное заседание Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ и Совета Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье". Прошло оно в г.Хабаровске 15-16 декабря 1994 г. по инициативе председателя Совета ассоциации В.И.Ишаева и председателя Комитета Совета Федерации по международным делам В.Н.Подопригоры. В совещании приняли участие представители МИДа, МВЭС, Минэкономики, других министерств и ведомств России. Совещание сформулировало основные направления интеграции территорий Востока России в Северо-Восточную Азию. В их числе:

- необходимость активизации двустороннего сотрудничества территорий Востока России, прежде всего в Северо-Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония);
- обеспечение в полном объеме членства России в межрегиональных структурах (АТЭС, СТЭС) и недопущение внутрироссийского сепаратизма;
- восстановление на взаимовыгодной основе связей с традиционными партнерами бывшего СССР (прежде всего с Индией, КНДР и Монголией);
- использование традиционных рынков сбыта вооружений при жестком соответствии процедур международным нормам и стандартам, решениям ООН и его структур.

4 марта 1994 г. при МВЭС России был создан Координационный Совет по внешнеэкономическим связям. В его состав вошли руководители внешнеэкономических ведомств субъектов Федерации, Межрегиональных ассоциаций и федеральных органов власти. Основной задачей Координационного Совета являлась организация взаимодействия федеральных органов власти субъектов Федерации с МВЭС России и другими федеральными органами исполнительной власти по важнейшим направлениям регулирования и осуществления внешнеэкономической деятельности. С 1994 по 1998 гг. (до расформирования МВЭС России) на заседаниях Координационного Совета представители территорий делились опытом работы, помогали выявлять наиболее

острые проблемы, возникавшие в процессе перехода от командно-административной экономики к рыночным отношениям.

Координационный Совет по внешнеэкономической деятельности при Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" собирался, как правило, один раз в квартал. Однако проблемы в области ВЭС необходимо было решать ежедневно. Поэтому в 1995 г. в структуре дирекции ассоциации был сформирован отдел ВЭС.

Анализируя деятельность Координационного Совета по внешнеэкономической деятельности, можно проследить изменение приоритетов деятельности в сфере ВЭД. На первом этапе (1993-1994) основными направлениями деятельности КС по ВЭД были:

- развитие инфраструктуры внешнеэкономической деятельности: приграничной, таможенной, миграционной, транспортной, финансовой, страховой и информационной;

- подготовка совместных предложений по предоставлению государственных льгот для стимулирования внешнеэкономической деятельности, привлечения иностранных инвестиций.

Решая эти задачи, Координационный Совет формировал рабочие группы из представителей органов исполнительной власти регионов, экспертов по основным направлениям международного экономического сотрудничества. Формирование групп велось с учетом деятельности аналогичных структур в международных организациях. Основные усилия КС по ВЭД на втором этапе его деятельности (1994-1995), наряду с решением текущих проблем, были направлены на подготовку Федеральной Целевой Программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 гг. (далее Программа).

Программа была принята Правительством РФ 11 апреля 1996 г., а Президент России Б.Н.Ельцин во время пребывания в г.Хабаровске 24 апреля 1996 г. своим Указом присвоил ей статус Президентской.

На этом этапе произошла трансформация временных рабочих групп, обеспечивавших проведение международных мероприятий с участием представителей стран АТР, в постоянно действующие комитеты и комиссии. Первенство в создании соответствующих форм и механизмов принадлежит администрации Приморского края. Еще в 1992 г. губернатор Приморья В.С.Кузнецов подписал распоряжение о создании Комитета по экономическому сотрудничеству между российским Дальним Востоком, Сибирью и Республикой Корея. Основными направлениями его деятельности стали координация деятельности территорий Востока России по вопросам развития внешнеэкономических связей с Республикой Корея на региональном уровне, обмен опытом работы в торгово-экономической, научно-технической и других областях сотрудничества. Совет Ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" в 1995 одобрил работу этого комитета и принял решение о создании трех дальневосточных комитетов по экономическому сотрудничеству с США, Японией и КНР, объединяющих деловых круги различных отраслей народного хозяйства Востока России. В настоящее время комитеты содействуют развитию экономического сотрудничества между Востоком России и странами АТР, их секретариаты готовят предложения по развитию инвестиционного сотрудничества, организуют международные конференции, семинары, другие мероприятия.

Третий этап деятельности КС по ВЭД (1996-1997) характеризуется активным использованием возможностей рабочих групп, комитетов и комиссий по сотрудничеству со странами АТР для привлечения на Дальний Восток и в Забайкалье иностранных инвесторов, установлением контактов отечественных

промышленных, строительных и транспортных предприятий с зарубежными фирмами для совместного участия в освоении шельфа о.Сахалин, нефтегазовых и золоторудных месторождений в Республике Саха (Якутия), проектов в области развития рыбной и лесной промышленности, транспортной инфраструктуры, продвижением на зарубежные рынки продукции, производимой по программам конверсии.

В настоящее время, наряду с Комитетом по экономическому сотрудничеству между Дальним Востоком, Сибирью и Республикой Корея, который провел уже шесть совместных встреч, активно действует Дальневосточный комитет по экономическому сотрудничеству с Японией. Первое его заседание состоялось в марте 1997 г. в Южно-Сахалинске, где была принята программа сотрудничества деловых кругов российского Дальнего Востока и Японии, претворением в жизнь которой в настоящее время занимается совместная российско-японская рабочая группа. Рабочая группа провела уже пять встреч, определила перечень первоочередных инвестиционных проектов из Президентской Программы развития Дальнего Востока и Забайкалья для включения их в план "Ельцин-Хасимото".

На четвертом этапе (1997-1998) основным направлением деятельности КС по ВЭД стала подготовка предложений и обеспечение участия представителей территорий в работе Дальневосточных подкомиссий межправительственных комиссий по экономическому сотрудничеству, в первую очередь с Японией, КНР и США. Основные задачи КС по ВЭД в этот период были сформулированы следующим образом:

- обеспечение взаимодействия регионов Дальнего Востока и Забайкалья с федеральными органами власти России и международными организациями в сфере ВЭД, подготовка рекомендаций для членов ассоциации, участвующих в заседаниях Межправительственных комиссий, в составе правительственных делегаций в международных конференциях;

- разработка рекомендаций для внешнеэкономических структур администраций регионов по организации сотрудничества с иностранными партнерами в рамках выполнения программ и решений Совета ассоциации.

Как показала практика, успех деятельности Дальневосточных подкомиссий зависит от согласованной работы федеральных и региональных органов власти. Следует отметить, что совместными усилиями представителей территорий Востока России удалось добиться принятия специальных решений межправительственных комиссий по Дальнему Востоку. Так, российско-американская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству в феврале 1997 г. приняла специальную программу оказания содействия территориям Востока России - "Региональная инвестиционная инициатива". Президент РФ Б.Н.Ельцин и Премьер-министр Японии Р.Хасимото в ноябре 1997 г. одобрили программу развития торгово-экономического сотрудничества, многие пункты которой непосредственно связаны с Востоком России.

Вопросы развития международных и внешнеэкономических связей Дальнего Востока России со странами АТР рассматривались 19 марта 1997 г. на Совете ассоциации с участием заместителя министра иностранных дел РФ Григория Карасина и Валентины Матвиенко, бывшей в то время директором Департамента по связям с субъектами Федерации, Парламентом и общественно-политическими организациями МИД России. Участники совещания отмечали, что внешнеполитическая деятельность РФ в АТР будет нарастать на основе единого общегосударственного плана, через ускоренное развитие Дальнего Востока России. Участие МИД России в вопросах координации международной и внешнеэкономической деятельности на Дальнем Востоке не-

обходимо и целесообразно. Это в интересах России. Такое взаимодействие позволит создать необходимые условия для привлечения инвестиций, привести наши отношения со странами АТР к единым международным нормам и правилам.

В этот период активизировал работу Консультативный Совет субъектов Федерации по международным и внешнеэкономическим связям при Министерстве иностранных дел России. Консультативный Совет оказывал методическую помощь регионам, содействовал совершенствованию практики информирования регионов по основным направлениям внешней политики России, обобщал и систематизировал положительный опыт взаимодействия федеральных и региональных органов власти. Несомненно, работа Консультативного Совета помогла уточнить некоторые неясные вопросы связей субъектов Федерации с зарубежными партнерами.

Подводя итоги работы Межрегиональной ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" в 1992-1998 гг. по регулированию международной и внешнеэкономической деятельности, можно сделать вывод о том, что только при тесном сотрудничестве федеральных и региональных органов власти, деловых кругов возможно эффективно отстаивать интересы России и ее территорий за рубежом. Ряд проблем по координации международной и внешнеэкономической деятельности будут решены в процессе реализации Федерального закона "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации". Закон устанавливает общий порядок координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Федерации и содержит правовые гарантии обеспечения прав и законных интересов регионов при установлении и развитии международных и внешнеэкономических связей. Однако существуют и другие сферы внешнеэкономической деятельности, которые требуют дальнейшей кропотливой работы.

История

Мемуары Ким Ир Сена как источник по новейшей истории Кореи

© 1999

Ю.Ванин

Корееведение в той его части, которая занимается проблемами новейшей истории Кореи, получило существенное пополнение. В КНДР в 1992-1995 гг. изданы на русском языке в 6 томах мемуары Ким Ир Сена "В водовороте века". Уже после кончины автора вышел в свет 7-й том, подготовленный по его прижизненным планам и заметкам. Насколько известно, предполагается выпуск еще нескольких томов. Московское издательство "Палея" к 1997 г. опубликовало на русском языке все 7 томов мемуаров Ким Ир Сена.

Автор мемуаров не нуждается в пространном представлении. Почти 70 лет он был на политической арене: активно участвовал в борьбе корейского народа за свободу, независимость и социальный прогресс, возглавлял многие годы созданную под его руководством Корейскую Народно-Демократическую Республику, являлся лидером Трудовой Партии Кореи и видным деятелем международного коммунистического движения. Можно как угодно оценивать личность и деятельность Ким Ир Сена, но нельзя отрицать того, что это была одна из крупных и ярких фигур не только корейской, но и мировой истории XX века. Его рассказ о времени и о себе, суждения по вопросам теории и конкретной исторической действительности Кореи 1920-1930-х годов, безусловно, важны для всех, кто интересуется этим периодом жизни и борьбы корейского народа.

Столь грандиозный по масштабам труд, конечно, не под силу одному человеку, тем более, если он глава государства, да еще преклонного возраста. В книге огромное количество эпизодов, фактов, конкретных деталей биографического плана, о которых мог поведать только сам автор. Но одновременно в ней большое количество сведений общеисторического характера по актуальным для своего времени международным и внутрикорейским проблемам, ощущается проработка обширного массива источников и литературы. Ясно, что в работе над мемуарами автору помогал некий коллектив историков. Из этого следует, что рецензируемая книга - не просто личные воспоминания Ким Ир Сена, но и произведение историографии КНДР, отражающее ее нынешние представления о мире и Корее 1920-30-х годов.

Между тем складывается впечатление, что мемуары Ким Ир Сена еще не привлекли к себе должного внимания, в том числе и со стороны корееведов. Именно это послужило стимулом для написания данной статьи. В ее задачу не входит пересказ, а тем более оценка тех или иных положений книги. У статьи более скромная цель: показать некоторые интересные, с точки зрения автора, аспекты книги, особенно по тем вопросам, которые в недавнем прошлом замалчивались или, мягко говоря, не совсем адекватно освещались историографией КНДР. За основу взяты те шесть томов, которые были подготовлены к печати при жизни Ким Ир Сена¹.

* * *

В своих мемуарах Кир Ир Сен нередко обращается к истории Кореи, главным образом к тому периоду, когда Япония пошла по пути колониальной экспансии и в 1910 г. аннексировала Корею, а корейский народ развернул национально-освободительное движение. Рассказывается о крупнейших выступлениях против захватчиков: крестьянской войне 1893-1895 гг. под знаменами национальной религии тонхак, Первоапрельском восстании 1919 г., июньской демонстрации 1926 г., а также о видных патриотических деятелях (Ким Ок Кюне, Ан Джун Гыне и др.). Историческим событиям даются оценки, принятые в историографии КНДР. Так, например, известный эпизод: бегство корейского короля Коджона вместе с наследником престола в русскую миссию, где они в 1896-1897 гг. спасались от японцев, незадолго перед тем убивших королеву Мин Мен Сон, излагается следующим образом: "...Так называемый король был заточен на целый год в иностранном представительстве ("укрытие короля в русском консульстве" в 1896 году)" (1,6).

Иногда встречаются удивительные сообщения. Вот одно из них: порох изобрел кореец Чхве Му Сон в период существования государства Коре (918-1392). Отрицается, что его изготовлению он "научился у чужестранцев"². Более того, оказывается, "историческая запись свидетельствовала о том, что в период троецарствия³ в государстве Силла применяли пороховое оружие" (3,333). К сожалению, источник такой интересной информации не указан.

Книга Ким Ир Сена содержит много ярких, впечатляющих картин жизни и быта корейцев в самой Корее и в Маньчжурии, их унижения и бесправия, бедственного положения под гнетом "своих" и чужеземных эксплуататоров. Она наполнена глубоким состраданием и уважением к корейскому народу, верой в его безграничные возможности, желанием добиться для него лучшего будущего. В ряде трогательных эпизодов показана доброта простых людей, их бескорыстие, готовность в трудный час прийти на помощь герою книги и его семье. Слова благодарности автора обращены и к корейцам, и к китайцам, среди которых ему довелось жить и бороться.

Борьба за свободу и независимость Кореи составляла смысл жизни Ким Ир Сена в описываемое им время. Вполне понятно поэтому, что она является стержнем его книги. В ней подробно описана ситуация в Маньчжурии, где в основном проходила партизанская деятельность автора, рассказывается об освободительном движении ее населения и участвовавших в нем местных политических силах, о китайских воинских формированиях и партизанских отрядах, сражавшихся против японских захватчиков и их пособников, о многих видных деятелях Северо-Восточного Китая того периода. Это делает мемуары Ким Ир Сена полезными не только для корееведов, но и для специалистов по новейшей истории Китая.

Естественно, что в центре повествования - корейское национально-освободительное движение. Главное внимание уделено тем партизанским формированиям, которые возглавлял сам Ким Ир Сен. Но наряду с ними упоминаются и другие корейские партизанские отряды, действовавшие тогда на китайской территории. Обстоятельно обрисованы боевой путь партизан Ким Ир Сена, проведенные ими операции против японских войск и полиции, вооруженных сил Маньчжоу-Го, те неимоверные трудности, с которыми постоянно сталкивались бойцы и члены подпольных патриотических организаций. Их героическая борьба, подчеркивает автор, неизменно получала поддержку народа.

Своеобразие книги Ким Ир Сена в том, что она не замыкается на той борьбе, которую возглавляли коммунисты, но уделяет также много места националистическому потоку освободительного движения. Примечательна его трактовка национализма: "...Необходимо всегда различать настоящий национализм, подлинно защищающий интересы нации, и буржуазный национализм как идейное орудие, представляющее интересы класса капиталистов. Если отождествляются эти два аспекта, неизбежна серьезная ошибка в практике революции. Мы выступаем против буржуазного национализма и остерегаемся его, но поддерживаем и приветствуем настоящий национализм, ибо идеи и чувства, составляющие основу настоящего национализма, зиждутся на патриотизме." (1,377).

Автор с уважением вспоминает левых националистов, близких по духу и делам к коммунистам (3,128-130), осуждает национал-реформизм, скатившийся в 1930-е годы к соглашательству с японским империализмом (1,386; 6, 452). В связи с событиями 1927 г. в Китае, когда было сорвано взаимодействие Гоминьдана и компартии, он называет "крайностью" раздававшиеся тогда требования об отказе коммунистов от сотрудничества с националистами (1,375). Многие страницы мемуаров посвящены усилиям Ким Ир Сена и его соратников по сплочению всех патриотических сил, созданию единого фронта. Их итогом стало образование в мае 1936 г. Лиги возрождения Родины (ЛВР), "первой в Корее организации единого антияпонского национального фронта", что автор определяет как "поворотный пункт к новому подъему корейской революции в целом, при главенствующей роли антияпонской вооруженной борьбы" (4,541).

Достаточно высоко оценивает Ким Ир Сен деятельность Армии независимости, возникшей вскоре после аннексии Кореи Японией и находившейся под руководством националистов. Особенно тепло он вспоминает Рян Се Бона - одного из самых видных командиров Армии независимости, когда-то дружившего с Ким Хен Чжиком - отцом Ким Ир Сена. Как показано в книге, усилившиеся фракционные распри в среде руководства, отрыв от социальной базы в лице народных масс, утрата четких целей борьбы привели постепенно к деградации и развалу Армии независимости. Тем не менее вклад националистов в общее дело борьбы за независимость Кореи не оспаривается: "На почве любви к родине и нации, ухаживенной руками националистов, - пишет Ким Ир Сен, - произрастало и набирало силу коммунистическое движение, благодаря усилиям предтеч нового идеологического направления." (3,4). Так полно и разносторонне националистическое движение 1920-1930-х годов впервые изображено в историографии КНДР.

Важный аспект мемуаров - ранняя история корейского коммунистического движения. Образование в 1925 г. Коммунистической партии Кореи "явилось значительным событием, показавшим смену старого идейного течения новым и качественное изменение национально-освободительной борьбы, и

способствовало развитию рабочего, крестьянского и других массовых движений и национально-освободительного движения в целом." (1,161). Но, отмечает Ким Ир Сен, партия была слаба идеологически, не смогла обеспечить единство своих рядов, глубоко пустить корни в гущу масс. По этой причине распространились сектантство, фракционная грызня, фактически погубившие партию. Автор на многих примерах демонстрирует тот вред, который приносили фракционеры, "коммунисты-стиляги" (корейский вариант известного выражения "коммунисты по моде") освободительной борьбе. Им противостояли здоровые силы, ядром которых, судя по книге, были группировавшиеся вокруг Ким Ир Сена молодые коммунисты, свободные от недостатков прошлого. Именно они, утверждает в книге, наиболее активно и последовательно трудились над возрождением в Корее Коммунистической партии.

Весьма неоднозначно отношение Ким Ир Сена к Коминтерну. С одной стороны, Коминтерн критикуется им за попытки руководства без знания и понимания реальной обстановки на местах, за неправильные позиции по вопросам единого фронта после китайских событий 1927 г., за отмену в 1928 г. прежнего решения о признании Коммунистической партии Кореи, означавшую исключение ее из Коминтерна. "Разумеется", - пишет он, - и при существовании Компартии Кореи была нам не по нутру ее верхушка, которая занималась фракционной грызнью. Но весть об исключении хотя бы и такой партии из рядов Коминтерна мы встретили с чувством жгучей обиды и стыда. Тогда нас очень огорчало такое решение Коминтерна" (2,67).

С другой стороны, из мемуаров впервые можно узнать о довольно интенсивных контактах Ким Ир Сена с Коминтерном. "Мы, разработав самобытную революционную линию, - сообщает автор, - прокладывали путь революции на самостоятельных началах, и Коминтерн стал обращать на нас свое пристальное внимание." (2,200). Ким Ир Сен рассказывает о ряде своих встреч с представителями Коминтерна, о поездке в 1930 г. в Харбин, где располагался пункт связи Коминтерна (2, 146), об обращениях к Коминтерну за разъяснениями по спорным вопросам (4,77) и т.д. В 1930 г. Коминтерн назначил его ответственным секретарем комсомольской организации восточногиринского района (2,147), а в 1935 - комиссаром соединения и командиром одного из отрядов (4,236).

Затронут в мемуарах и вопрос о предложении Коминтерна Ким Ир Сену поехать на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока." Я тоже знал, что в Москве есть такой университет, - вспоминает Ким Ир Сен, - что в нем занимается и корейская молодежь, стремящаяся к коммунизму, по рекомендации Коммунистической партии Кореи. Так, учились в этом университете Чо Бон Ам⁴, Пак Хон Ен⁵, Ким Ен Бом⁶ и другие. В то время у молодежи Маньчжурии была так сильна мечта учиться в Москве, что она даже пела "Песню об учебе в Москве". Я не хотел отрываться от революционной практики и ответил: "Идти туда хочу, но сейчас не позволяет положение" (2, 147)⁷.

Мемуары Ким Ир Сена поражают обилием имен. Их сотни, если не тысячи: от крупных политических и общественных деятелей, партизанских командиров до рядовых бойцов, ординарцев, санитаров, кашеваров и т.д. Причем не только корейцев, но и китайцев. Конечно же, широко представлена семья Ким Ир Сена, прежде всего отец, Ким Хен Чжик, названный "одним из предтеч" национально-освободительного движения в Корее (1,17), "мать-революционерка" Кан Бан Сок (1, 130), ныне здравствующий младший брат Ким Ен Чжу (2,385,394) и др. Вспоминаются соратники по партизанской борьбе, работавшие вместе с Ким Ир Сеном после освобождения Кореи (Ким Чхэк,

Чхве Ен Гон, Ким Ир, О Дин У, Пак Сон Чхоль и др.). Среди китайских деятелей, пожалуй, чаще всех встречается на страницах книги Чжоу Баочжун, с которым, оказывается, Ким Ир Сен часто общался задолго до их совместной службы в 88-й бригаде под Хабаровском.

Обращает на себя внимание примирительный, зачастую уважительный тон, которым говорится об известных националистических деятелях и левого, и правого толка (Ан Чхан Хо, Ким Гу, Ким Гю Сик, Йо Ун Хен и др.). Как правило, автор воздерживается от резких суждений даже в адрес тех из них, кто после освобождения Кореи оказался во враждебном лагере. Даже Ли Бом Сок, глава первого южнокорейского правительства и ярый противник КНДР, назван в числе "крупных деятелей движения за независимость" (1, 165). Исключение делается лишь для самых ярых прислужников японских колонизаторов. С некоторыми причудливо пересекались жизненные пути. В 1937 г. одной из японских карательных экспедиций против отряда Ким Ир Сена командовал офицер-кореец Ким Сок Вон, потерпевший тогда поражение от партизан. Много лет спустя он стал крупным военачальником Республики Корея и, по словам Ким Ир Сена, еще раз был побит во время одного из вторжений южнокорейских войск на территорию КНДР накануне корейской войны. (6,260-264).

Отдельно следует сказать о Чо Ман Сике. Лидер северокорейских националистов, он первые месяцы после освобождения фактически возглавлял местную власть в Северной Корее, но в начале января 1946 г. был отстранен за отказ поддержать решение Московского совещания министров иностранных дел по Корее (декабрь 1945 г.) и впоследствии, видимо, репрессирован. Ким Ир Сен вспоминает Чо Ман Сика как руководителя той части корейского национально-освободительного движения, которая, воздерживаясь от революционных позиций, сосредоточилась на выращивании "реальных сил" нации, моральном ее совершенствовании, развитии просвещения и национальной промышленности (1,344). Любопытен осторожный отзыв Ким Ир Сена об известной статье Чо Ман Сика 1942 г., в которой он призывал корейскую молодежь вступать в японскую армию⁸. Эта статья послужила затем одним из аргументов при устранении Чо Ман Сика как прояпонского деятеля с политической арены. "Трудно сказать, - размышляет Ким Ир Сен, - кем была написана статья - самим Чо Ман Сиком или японскими империалистами от его имени, но, как бы то ни было, она изумила людей. Если даже Чо Ман Сик перешел на сторону врага, то кто же из руководителей национального движения остался неизменным в своих убеждениях? Кажется, тогда люди задавали себе этот вопрос" (6, 483-474).

Нельзя не отметить серьезного интереса, проявленного в мемуарах к вопросам религии и идеологии. Это тем более важно, что указанные вопросы пока не получили достойного освещения в нашей литературе. Особенно это касается Чхондоге (Общество учения небесного пути), которое Ким Ир Сен называет "религией патристического, прогрессивного направления" и посвящает ему крупный раздел книги (5,427-492). Рассказывает он и о более мелких религиозных течениях, например, чхонбульге (1,313), о своем знакомстве с христианством и исламом (5,457-458). Весьма показательны мысли Ким Ир Сена о недопустимости "искусственного противопоставления" конфуцианских норм коммунистическим идеалам", что он считает "экстремистскими взглядами" (4,497).

Не обошел Ким Ир Сен вниманием и вопрос о рождении идей чучхе, в наше время определяющих всю идейно-политическую жизнь КНДР. Их возникновение, причем в полном объеме, обычно относят к работе Ким Ир Сена

1930 г. "Путь корейской революции". Сам же он сообщает, что излагал тогда "идеи, которые сегодня мы называем чучхе" (2,49). Подчеркивая, что их формирование - длительный процесс, Ким Ир Сен пишет: "Впоследствии эти идеи получили непрерывное развитие и обогащение в трудной, сложной практической борьбе - в антияпонской революционной борьбе и на различных этапах революции, превратились сегодня в философскую мысль с цельной системой идей, теории и методов" (2,63). Интересно, что в качестве одной из причин активизации идей чучхе Ким Ир Сен выдвигает безразличие и даже пренебрежение деятелей Коминтерна к корейскому освободительному движению. "Безусловно, такая их безучастность и холодность, - поясняет он, - сделали незыблемой нашу решимость крепко опереться в нашей революции на принципы чучхе и непременно добиться своими силами национального освобождения" (3,131).

* * *

Главное действующее лицо мемуаров Ким Ир Сена, как и должно быть, - он сам. Все тома воспоминаний - это единая повесть о росте и возмужании молодого вождя. Из многих эпизодов явствует, что изначально он пользовался любовью и почтением окружающих, его авторитет и известность в народе увеличивались и крепились год от года. Со страниц книги встает образ умного, смелого, волевого человека, прирожденного лидера, воспитанного в революционной семье и впитавшего ее патриотические традиции, всей душой преданного Родине и народу и посвятившего себя их освобождению от колониальной неволи. Иногда, в молодости, ему не хватало опыта, случались сомнения и колебания (2,526-537), но герой книги, которого довольно рано начали величать "Полководец", успешно преодолевал трудности и препятствия, потому что жил в гуще народа, неизменно встречал его полное доверие и поддержку, черпал у него силы и знания.

Мемуары Ким Ир Сена - многотомная автобиография. Исследователь его жизни и деятельности найдет в ней много нового и важного. Мы же остановимся лишь на некоторых, наиболее существенных, с нашей точки зрения, фактах.

Из мемуаров Ким Ир Сена явствует, что в начале ему, как и всем тогда в Корее, ближе всего были националистические позиции (1,168). Об идеях коммунизма он имел весьма смутное представление. Лишь со временем ему удалось изучить отдельные произведения классиков марксизма-ленинизма (1,243). Более систематическое марксистское образование, видимо, было получено уже после освобождения Кореи. Но, как мы видели, уважение к "настоящему национализму" сохранилось навсегда. "Всю жизнь, - говорит о себе Ким Ир Сен, - я боролся и борюсь за достоинство нации. Можно сказать, весь мой жизненный путь - это история борьбы за отстаивание достоинства и самостоятельности нации. Я никогда не мог простить тех, кто причинил нашей нации вред и посягнул на суверенитет нашей страны. Я не мог примириться и с теми, кто презрительно относился к нашему народу или надругался над ним." (4,139).

До сих пор у нас иногда преподносят как сенсацию то, что Ким Ир Сен - не настоящее имя лидера КНДР. Между тем, он сам рассказывает в мемуарах, что его подлинное имя, данное родителями - Ким Сон Чжу. В конце 1920-х годов друзья, сочинив о нем песню "Звезда Кореи", стали называть его "Хан Бер" или "Ир Сен" ("Единственная звезда"). Последнее из этих имен в 1931 г. впервые попало в официальную печать, а с началом вооруженной борьбы в Восточной Маньчжурии получило широкую известность. "Так мои

товарищи, - вспоминает Ким Ир Сен, - давая мне новое имя и слагая песню, выдвигали меня как руководителя. Их желание величать меня было действительно искренним" (2,124).

Напоминает Ким Ир Сен и еще об одном своем псевдониме. Выше уже сообщалось о возникновении в 1936 г. Лиги возрождения Родины⁹. В западной литературе отрицается какая-либо причастность к ее созданию Ким Ир Сена, поскольку его имя не значится среди тех, кто подписал программу ЛВР¹⁰. По словам Ким Ир Сена, проведя учредительную конференцию ЛВР и приняв решающее участие в подготовке программного документа, он не хотел его подписывать, скромно полагая, что это должны сделать другие люди, более известные и более почтенного возраста. Но товарищи настаивали, и он поставил свою подпись, назвавшись предложенным ими новым псевдонимом "Ким Дон Мен" ("Ким-светоч Востока") (4,539-540).

Вопрос об участии корейцев в общем освободительном движении в Северо-Восточном Китае если и затрагивается в историографии КНДР, то, главным образом, для демонстрации их определяющей роли. Эта точка зрения подчеркивается и в мемуарах: "Партизанскую борьбу в Южной Маньчжурии, как и в Восточной и Северной, начали и возглавляли корейские коммунисты, революционеры" (5,264). В подтверждение приводятся высказывания Чжоу Эньлая (2,82) и Чжоу Баочжуна (4,200; 5,264).

Обстоятельно показаны в мемуарах связи Ким Ир Сена и его соратников с Коммунистической партией Китая, с руководимыми ею антияпонскими вооруженными силами. Среди корейских революционеров в Маньчжурии развернулась горячая дискуссия по поводу решения VI конгресса Коминтерна (1928 г.) о том, что в каждой стране может быть только одна Компартия. Конкретно для корейцев это означало необходимость вступления в КПК. Несогласные с таким решением обратились за разъяснениями к Ким Ир Сену, т.к. опасались, что переход в КПК исключает возможность восстановления Корейской компартии. "Я дал им ясный ответ, - пишет Ким Ир Сен, - что требование о приеме корейских коммунистов в китайскую партию по принципу Коминтерна не является неуважительным решением и что такое требование означает исключения у корейских коммунистов возможности восстановления партии" (3,412).

Корейская народно-революционная армия (КНРА), созданная в 1934 г., в ряде случаев действовала под названием Северо-Восточная народно-революционная армия. Позже КНРА именовалась 2-м корпусом Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. "Благодаря этому, - констатирует Ким Ир Сен, - мы могли пользоваться глубоким уважением и поддержкой со стороны китайских товарищей и Коминтерна." (3,412).

Многие эпизоды, описанные в мемуарах, свидетельствуют о том, что корейско-китайское боевое сотрудничество не обходилось без трудностей и противоречий. Более других вызывало разногласия нежелание признать за корейцами право, находясь в Китае, сражаться и за свободу Кореи. Их действия в этом направлении считались "национальными амбициями", нарушением принципа Коминтерна "одна страна - одна партия". "Руководителей с подобными взглядами был не один и не два, - рассказывает Ким Ир Сен. - Это была опасная точка зрения, диаметрально противоположная нашей позиции. Согласно вышеупомянутым взглядам, мы, оказывается, должны были бы выполнять только функцию прислуживающего другим или одного из подразделений интернациональных войск - и не ради корейской революции, а только ради революции другой страны. Я не мог допустить господства такой точки

зрения, суть которой - видеть в корейской революции лишь придаток революции другой большой страны." (4,76).

Обижали корейских коммунистов и некоторые конкретные меры китайских руководителей. Такие, например, как директива Маньчжурского провинциального комитета КПК, рекомендовавшая в 1934 г. не назначать корейцев в Народно-революционной армии на должности выше командира роты. Ким Ир Сен считал, что это было сделано в обход ЦК КПК, по указанию Восточного бюро Коминтерна. "Утверждения некоторых лиц о том, что представители национального меньшинства не могут руководить большой нацией, - признается он, - больно задела наше чувство собственного достоинства" (4,70).

Меньше, чем о Китае, но тоже довольно много в мемуарах сказано о Советском Союзе. Со слов своего отца Ким Ир Сен рано узнал о России, Ленине, Октябрьской революции и гражданской войне. Уважительно отозвался он о роли русского Приморья в корейском национально-освободительном и раннем коммунистическом движении. (1,56-58). Неоднократно упоминается в мемуарах о "линиях связи" с СССР (3,245; 5,178), о прибытии из СССР партизан (3,299; 4,105), эвакуации туда раненых (4,318-320; 6,167,301,367) и т.д. В начале 1930-х гг. из-за нехватки знаний по тактике вооруженной борьбы "пришлось направить товарища в Советский Союз за военными пособиями о боевом опыте времен гражданской войны. Удалось получить несколько инструкций, которые, конечно, помогли нам в понимании самой партизанской борьбы, методов организации засад и налетов, но они мало подходили к нашим конкретным условиям." (3,308).

Приходится все же признать, что по поводу СССР в мемуарах сказано немало и негативного. Соглашаясь с необходимостью выдвинутого Коминтерном лозунга "Защищать Советский Союз", Ким Ир Сен, вместе с тем, замечает: "Однако это повлекло за собой последствие - снабжать водой водяную мельницу врагов коммунизма и реакционных буржуазных теоретиков, которые считали компартии разных стран "приспешниками СССР", действующими по указке Коминтерна, как предательской сворой, ущемляющей интересы своей нации" (3, 126). Коминтерн, таким образом, критикуется им за пренебрежение к проблемам революции в малых странах.

На партизанской базе в Цзяньдао¹¹, вспоминает Ким Ир Сен, одно время надумали построить с помощью Советского Союза гранатный завод: "Тогда мы считали, что для советских коммунистов, первыми пришедших к финишу победы революции, оказание помощи коммунистам отсталых стран является законным интернациональным долгом. Однако со стороны Советского Союза не последовало никакого ответа на подобную просьбу: не было ни обещания, что будет удовлетворена просьба, не было и отказа. Вот почему мы тогда решили опираться только на свои собственные силы" (3,329-330).

С явным укором в адрес СССР передается недостаточно знакомый нам эпизод из биографии Ли Сын Мана. "Люди мира, может быть, не поверят, - пишет Ким Ир Сен, - что такой известный антикоммунист, как Ли Сын Ман, в свое время поддерживал советскую Россию. Но это, кажется, факт. Несколько мне известно, сохраняются материалы о том, что он когда-то ездил в Москву за солидной финансовой помощью¹². Встретив там отказ, он повернулся спиной к СССР и международному коммунистическому миру. Резко изменив свою политику, он перешел на крайнюю проамериканскую ориентацию." (3,130).

В Западном Цзяньдао, где во второй половине 1930-х годов действовали партизаны Ким Ир Сена, благоприятным для этого условием в мемуарах названо то, что "местные жители были свободны от слепого преклонения пе-

ред Россией" (5, 173). В Северном же Цзяньдао, находившемся ближе к советскому Дальневосточному краю, влияние России было велико. Автор показывает это на ряде примеров из жизни местных жителей и приходит к выводу: "В ходе такой жизни у них, питавших привязанность к России - первому в мире социалистическому государству; незаметно даже для них самих порождалось низкопоклонство перед Россией - мол, Россия самая превосходная страна в мире, россияне - самые лучшие люди" (5, 174). Впрочем, столь же осуждающе высказывался он и о низкопоклонстве корейцев перед Китаем (5, 174-175).

К вопросу о вреде низкопоклонства перед СССР Ким Ир Сен обращается в связи с советско-японским договором 1941 г. о нейтралитете. Этот договор обычно негативно оценивается историографией КНДР. Ким Ир Сен отмечает, что после заключения договора в его отряде появились дезертиры - "отщепенцы и капитулянты", не верившие в силы своего народа и надеявшиеся решить судьбу Родины при помощи "большой страны". "Многими нашими бойцами, - размышляет он в мемуарах, - владела психология ориентации на Советский Союз, или, если выразиться по современному, низкопоклонство перед большой страной. Зародился идейный порок, сущность которого была в том, что если положиться на Советский Союз и опираться на него, то все будет решено, как надо. Дело в том, что некоторые командиры уделяли мало внимания воспитанию бойцов в духе национального самосознания, но зато всячески подчеркивали идею защиты Советского Союза, идею уважительного отношения к Советскому Союзу, что СССР - превыше всего. Было как бы принято думать, что без помощи, без поддержки Советского Союза невозможно обеспечить и независимость Кореи" (6, 508). Как ни парадоксально, добавим мы от себя, все же именно Советский Союз в августе 1945 г. помог корейскому народу обрести свободу и независимость.

Шеститомник мемуаров Ким Ир Сена завершается 1937 годом. Однако по ходу изложения в нем затрагиваются нередко важные события и проблемы последующего времени.

Историография КНДР старательно замалчивает вопрос о том, где находился Ким Ир Сен в последние годы перед освобождением Кореи. Сам он более откровенен на этот счет. В мемуарах неоднократно упоминается "учебная база" или "тайный лагерь" вблизи Хабаровска (3,245; 4,211; 5,558; 6,132, 499). Есть и краткие пояснения, чем там занимались: "В первой половине 40-х годов, во время пребывания на учебной базе, расположенной в районе советско-маньчжурской границы, мы сформировали объединенные войска, не только с китайскими товарищами, но и с советскими, часто проводили совместные военные маневры" (6, 173). Видимо, имеется в виду 88-я стрелковая бригада, в которую наряду с советскими военнослужащими входили корейцы, китайцы, бойцы других национальностей Дальнего Востока.

Не трудно определить по мемуарам и хронологию пребывания Ким Ир Сена в СССР. Впервые, сообщает автор, он встретился в Хабаровске в 1941 г. со своими ближайшими в будущем соратниками - Ким Чхэком и Чхве Ен Гомом (4,210). Явно к 1945 г. относится его рассказ об одной из бесед с командиром 88-й бригады Чжоу Баочжунем: "Однажды весной, когда антияпонская революция вступила в завершающий этап, мы гуляли с ним по песчаной дорожке у Северного тайного лагеря в окрестностях Хабаровска. Неподалеку была видна река Амур. Он с глубоким волнением вспоминал дни совместной борьбы объединенной антияпонской армии" (4,200).

В целом представление о судьбе корейских коммунистов - борцов антияпонского сопротивления в первой половине 1940-х годов дает следующий

фрагмент из мемуаров Ким Ир Сена: "Корейские коммунисты Восточной, Южной и Северной Маньчжурии впервые встретились, предстали друг перед другом, обнялись с глубоким волнением и чувством горячей любви лишь в начале 1941 года. После этого все мы проводили подготовку к решающей битве за освобождение Родины в одном тайном лагере, питаюсь из общего котла. Затем вернулись вместе на возрожденную Родину и окунулись в горнило государственного строительства." (4, 237).

По мемуарам можно также примерно определить время возвращения Ким Ир Сена и его бойцов на родину. Возрождение Коммунистической партии Кореи в КНДР обычно относят к 10 октября 1945 г., когда в Пхеньяне было создано Северокорейское оргбюро ЦК (теперь его там называют Центральным Организационный Комитет Коммунистической партии Северной Кореи). Ким Ир Сен отмечает, что "к этому моменту не прошло и месяца после победного возвращения на Родину" (2,83).

Однако есть и более конкретные указания по этому поводу. Несколько страниц мемуаров посвящены китайцу Лянь Хэду, который "работал у нас поваром долгие годы, до сентября 1945 года, когда мы возвращались на Родину после разгрома японского империализма" (6,173). Говоря о периоде "сразу же после поражения Японии", автор вспоминает: "Собираясь возвращаться на освобожденную Родину, я вызвал к себе Лянь Хэду, похвалил за почти десятилетний добросовестный труд..." (6,174). Из приведенных высказываний можно заключить, что отряд Ким Ир Сена вернулся на Родину в сентябре 1945 г., когда Корея уже была освобождена.

Не прошел Ким Ир Сен и мимо эпизода, породившего когда-то некоторые недоумения и вызывающего до сих пор иногда кривотолки в литературе. Имя героя-партизана Ким Ир Сена было известно в Корее задолго до освобождения. Все полагали, что это - маститый командир, человек весьма солидного возраста. Ко всеобщему удивлению, на массовом митинге в Пхеньяне 14 октября 1945 г., когда Ким Ир Сен впервые выступил перед народом, собравшиеся увидели на трибуне молодого человека. "Одно время, - пишет Ким Ир Сен, - в нашем народе были люди, которые представляли меня, увы, старым военачальником с седыми волосами. Однако, когда выступил с речью на общественном стадионе в Пхеньяне после триумфального возвращения на Родину, мне не было и 34 лет" (4,96).

Известно, что по прибытии в Северную Корею после ее освобождения партизанам, по разным причинам, не сразу удалось полностью включиться в активную политическую жизнь. Вначале на первый план там выдвинулись "внутренние" деятели (т.е. те, кто участвовал в местных подпольных организациях, вышел из тюрем и т.д.), к которым вскоре присоединилась группа советских корейцев. Вот как трактуется этот непростой вопрос в мемуарах: "В первое время после освобождения страны мы по возможности воздерживались от назначения ветеранов антияпонской революции на высокие должности. Большинство высоких постов уступили людям, действовавшим внутри страны, или тем, кто занимался революционным движением за границей, а затем вернулся на Родину. Мы поступали так не потому, что испытывали нехватку способных работников из числа тех, кто вместе с нами прошел школу тяжелой вооруженной борьбы. Ради политики единого фронта, объединяющего всех представителей различных слоев населения, нужны были такие шаги." (6,339).

Отдельными небольшими штрихами рисуется в мемуарах сложность политической обстановки в Северной Корее после ее освобождения. Так называемые фракционеры, занимавшие важные посты в области пропаганды, пре-

пятствовали изучению истории антияпонской революции в Корее (5,50). Проявляя “низкопоклонство”, они “на все лады восхваляли традиции и опыт другой страны” и потому “в разговорах людей чаще всего можно было слышать о Сталинградской битве, о танковых схватках на Курской дуге”, а не о сражениях корейской антияпонской войны; народу внушали, что советский герой Матросов первым в мире закрыл телом амбразуру вражеского дота, хотя один из корейских партизан сделал это гораздо раньше и т.д. В недостатках воспитания трудящихся на собственных революционных традициях Ким Ир Сен усматривает одну из причин больших потерь при отступлении Корейской народной Армии на первом этапе Корейской войны 1950-1953 гг. (3, 428-429).

Пережитки “низкопоклонства”, сообщается в мемуарах, сохранялись и в конце 1950-х годов. В частности, находились руководители, которые без запинки пересказывали “Краткий курс истории ВКП(б)”, знали о Бухарине, газете “Искра”, но ничего не могли толком сказать о значительных событиях антияпонской борьбы корейского народа (6,341).

Но, оказывается, дело не ограничивалось только сферой пропаганды. Долгие годы “фракционеры” препятствовали выдвигению на руководящие посты ветеранов революционного движения, ссылаясь на то, что они “неучи” и никому не годятся (2, 218). Устраивались провокации против Пэк Нам Уна¹³ и других видных деятелей-выходцев из Южной Кореи (4,85). Во время Корейской войны, узнаем мы из мемуаров, “пробравшиеся в руководство нашей партии” Пак Хон Ен и Ли Сын Об¹⁴ якобы извещали американцев о времени прибытия и местах нахождения Ким Ир Сена (6,53). И после Корейской войны “фракционеры”, по словам автора, “притесняли всякими методами людей, преданных партии” и некоторых даже убивали (2,61). Все это, вместе взятое, в какой-то мере демонстрирует суждения корейского руководства и науки о тех трудностях и противоречиях, в которых происходило рождение и становление КНДР.

* * *

Мемуары Ким Ир Сена “В водовороте века”, как мы пытались показать, весьма богаты по содержанию. В данной статье освещена лишь небольшая их часть. За рамками статьи осталось несравнимо больше фактов чрезвычайно насыщенной событиями и встречами биографии Ким Ир Сена, воссозданных им картин жизни и борьбы народов Кореи и Китая, размышлений о пройденном пути и судьбах его прекрасной и многострадальной Родины.

Вне всякого сомнения, эти мемуары - важный и яркий человеческий документ. В первую очередь они, конечно же, интересны для исследователей истории Кореи и Китая. Но не только. Отнюдь не нова мысль, что современность любой страны уходит корнями в прошлое. Понять сложившуюся в стране идейно-политическую систему и отношения этой страны с соседями можно лучше и глубже, зная, как росли и формировались господствующие там политические силы и их лидер, мировоззрение и характер которого нередко имеют решающее значение. Мемуары Ким Ир Сена, как нам кажется, и в этом смысле представляют немалую ценность.

1. В тексте статьи в скобках указаны номера томов и страниц. При цитировании сохранен стиль осуществленного в КНДР перевода мемуаров на русский язык.
2. В “Истории Кореи (с древнейших времен до наших дней)” (М., 1974) говорится, что Чхве Му Сон во второй половине XIV в. наладил в Корее производство пороха, узнав способ его изготовления у китайских купцов (Т. 1. С. 164).

3. Имеются в виду существовавшие на Корейском полуострове в начале нашей эры (до VII в.) три государства: Когуре, Пэкче, Силла.
4. Чо Бон Ам - участник раннего коммунистического движения в Корее, впоследствии порвал с коммунизмом и в 1948 г. вошел в состав первого правительства Республики Корея, но в 1958 г. был заподозрен в связях с КНДР и по закону о государственной безопасности приговорен к смертной казни.
5. Пак Хон Ен (Пак Хен Ен) - видный деятель коммунистического движения в Корее, после 1945 г. - лидер южнокорейских коммунистов, с 1948 г. - вице-премьер и министр иностранных дел КНДР. В 1953 г. репрессирован.
6. Ким Ен Бом - активный участник коммунистического движения в Корее, с октября по декабрь 1945 г. возглавлял Северокорейское оргбюро ЦК Компартии Кореи, затем занимал различные второстепенные посты. Дальнейшая судьба неизвестна.
7. Иногда Ким Ир Сен давал несколько иное объяснение своему отказу поехать на учебу в Москву. См. например: Сочинения. Пхеньян, 1998. Т. 43. С. 114-115.
8. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). М., 1974. Т. 2. С. 143.
9. В нашей литературе эту организацию чаще называют Обществом возрождения отечества.
10. Усова Л.А. Корейское коммунистическое движение 1918-1945 гг. Американская историография и документы Коминтерна. М., 1997. С. 139.
11. Цзяньдао (Кандо) - прилегающий к северной границе Кореи район Северо-Восточного Китая, населенный преимущественно корейцами.
12. Поездка Ли Сын Мана в Москву (1931 г.) отражена в западной корееведческой литературе.
13. Пэк Нам Ун - один из руководителей Партии трудового народа в Южной Корее, затем первый министр просвещения КНДР, президент Академии наук, председатель Верховного Народного Собрания КНДР.
14. Ли Сын Об - видный деятель коммунистического движения в Южной Корее, с 1948 г. - министр юстиции КНДР, затем - секретарь ЦК ТПК. В 1953 г. репрессирован.

Профессор китаеведения А.В.Рудаков (К 100-летию создания во Владивостоке Восточного института)

© 1999

С.Врадий

Выдающийся китаевед, маньчжурист, один из основателей Восточного института, Аполлинарий Васильевич Рудаков родился 9 июня 1871 г. в гор. Ленкорань Бакинской губернии. Мама, Капитолина Ивановна, дочь священника, окончила гимназию и была выдана замуж за Василия Трофимовича Рудакова, служащего транспортной конторы. Семья не была богатой, трудностей прибавилось после ранней смерти отца в 1883 г. Мама с двумя сыновьями переехала в Петербург. Поль, так ласково, по-семейному, называли мальчика, обучаясь в седьмой классической гимназии, вынужден был помогать домашним давая уроки. В гимназические годы он познакомился и подружился с Анатолием Арсеньевым, старшим братом будущего известного путешественника Владимира Клавдиевича Арсеньева, дружба продолжалась и во Владивостоке. По всей видимости, любовь к чтению зародила интерес к путешествиям, книгам, повествующим о далеких странах Востока.

Окончив в 1891 г. столичную гимназию, Аполлинарий поступил на восточный факультет Петербургского университета, где обучался по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду под руководством крупнейшего отечественного китаеведа В.П.Васильева, доктора монгольской и калмыцкой словесности А.М.Позднеева, выдающегося знатока Маньчжурии и Тибета - профессора А.О.Ивановского. Учиться было трудно, и не только из-за тяжелого материального положения семьи. Строгие наставники требовали каждодневного и упорного постижения сложных востоковедных дисциплин, овладения языками. Аполлинарий Васильевич, к окончанию университетского курса, знал языки латинский, греческий, немецкий, французский, английский, китайский, маньчжурский, монгольский и калмыцкий. Результаты выпускных экзаменов были успешными, и исполнительной комиссией восточного факультета Петербургского университета ему был присужден диплом первой степени.

По завершении обучения в 1896 г. А.В.Рудаков был направлен для совершенствования знаний по китайскому языку, культуре народа, истории страны в научную командировку в Пекин, где провел последующие три года. Путешествия по Китаю существенно расширили познания ученого. Впоследствии во время занятий со студентами он часто вспоминал о них.

К концу XIX столетия отечественное востоковедение уже прошло ряд этапов в своем развитии. Начальным можно считать период практического знакомства россиян со странами и народами Востока, в ходе которого имело место культурное взаимообогащение с различными восточными племенами и народностями, поначалу с их ираноязычными и туркоязычными представите-

лями. Значимой вехой стало активное устремление русских в Сибирь, начавшееся во времена правления Ивана IV Грозного.

Эпоха Петра I была ознаменована началом планомерного изучения Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири. Петр I своими указами утвердил необходимость практического изучения восточных языков. Подписание Нерчинского договора 1689 г. с Китаем, освоение Камчатки обозначили дальневосточные приоритеты политических и торговых интересов России. Неслучайно поэтому в XVIII в. российское правительство обратило внимание на изучение языков народов Дальнего Востока. Поначалу преподавание восточных языков велось в светских и миссионерских школах. Именно в них начали готовиться первые учителя будущих университетских профессоров востоковедения.

XIX столетие стало свидетелем открытия ориентальных университетских кафедр, преподаватели которых отличались широкими познаниями Востока. Именно тогда были заложены научные основы востоковедения, традиции, существующие, в той или иной степени, до настоящего времени. Подготовка отечественных востоковедов стала регулярной, сосредоточивалась первоначально в Казанском, Московском, Харьковском университетах, Ришельевском лицее в Одессе, осуществлялась параллельно на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, где и сконцентрировалась после закрытия 1855 г. востоковедных кафедр в Казани, Харькове, Одессе.

Вторая половина XIX века существенно изменила приоритеты внешнеполитической деятельности западных держав в пользу Дальнего Востока. Китай и Япония, прочие страны тихоокеанского региона, подписав неравноправные договоры с европейскими государствами, превратились в зависимые страны, объект торговой, военной и политической экспансии стран Запада. Франция, Англия, Германия стали создавать свои тихоокеанские колониальные империи. В борьбу за сферы влияния на Дальнем Востоке вступили Америка и Россия.

Закономерным следствием активизации дальневосточных процессов становилось возникновение в России острой необходимости в востоковедах, способных на практике применять полученные ими знания. Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета не мог, в силу многих причин, поспеть за возрастающими потребностями правительства в специалистах-востоковедах. Поэтому указом царского правительства во Владивостоке был основан Восточный институт - "первый в России пример ориентального высшего учебного заведения с практическими целями и постановкой преподавания".

Обратимся к записям А.В.Рудакова, повествующим об открытии во Владивостоке Восточного института: "В это время, в связи с возникновением наших новых культурных интересов на Дальнем Востоке, правительством был поднят вопрос о создании особой высшей школы востоковедения с целью подготовки специалистов-востоковедов для правительственной и частной службы в Восточно-Азиатской Сибири и прилегающих к ней государствах, т.е. в Китае, Японии и Корее"¹.

Всю оставшуюся жизнь - 50 лет, вплоть до своей смерти в мае 1949 г., - Аполлинарий Васильевич прожил во Владивостоке, куда прибыл в год основания здесь Восточного института. С первых дней 28-летний профессор принимает активнейшее участие в организационной и педагогической деятельности, способствуя становлению этого выдающегося востоковедного учреждения. Во время неоднократных научных командировок в Китай А.В.Рудаков вместе с профессорами Восточного института П.П.Шмидтом, Н.В.Кюннером изучал книгохранилища и архивы резиденции маньчжурских императоров в Мукдене, а также в Хунчуне, Цицикаре, которые значительно пострадали от боевых

действий. Часть книг, дабы сохранить их для науки, была вывезена впоследствии в Россию и пополнила библиотеку Восточного института.

Во время поездок в Китай, в кибитке через Монголию и Гоби, пароходом через Шанхай и Нанкин по реке Янцзы, А.В.Рудаковым был собран богатый материал, впоследствии ставший основой при написании многочисленных трудов по истории, экономическому, социальному развитию страны, китайскому языку. Им было опубликовано около 20 учебных пособий, руководств и словарей, многочисленные статьи о торговле, медицине, большое число различных образцов текстов на китайском языке, скорописей, а за энциклопедическую по своему содержанию работу "Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции" (Владивосток, 1903) решением Ученого совета Петербургского университета А.В.Рудакову была присвоена степень магистра китайской словесности.

Будучи профессором Восточного института, А.В.Рудаков читал студентам и слушателям лекции по истории, географии и этнографии Востока, китайской филологии, маньчжурскому языку, современной истории Китая, Кореи, Японии, социально-экономической и культурной истории Маньчжурии.

С 1906 г. и вплоть до закрытия в апреле 1917 г., А.В.Рудаков был бесшестименным директором института. Он не случайно был избран на должность, так как смог в революционном 1905 г. спокойным и беспристрастным отношением погасить конфликт между бунтовавшим студенчеством и требовательной профессорской Конференцией. В новой должности Аполлинарию Васильевичу пришлось заниматься вопросами обустройства и расширения общежития для стипендиатов, создания дешевой студенческой столовой, оборудования типографии с уникальными восточными шрифтами. При непосредственном участии Аполлинария Васильевича было положено начало созданию этнографического музея, предполагалось открытие кабинета экспериментальной фонетики. Много внимания уделялось институтской библиотеке. В Восточном институте были собраны уникальные китайские, маньчжурские, тибетские ксилографы. Библиотека института по полноте представленных в ней изданий считалась лучшим востоковедным хранилищем того времени, соперничая с фондом восточных рукописей библиотеки Британского музея.

Восточный институт фактически стал первым центром практического востоковедения России, практическая направленность которого стала подлинным содержанием всей последующей деятельности, в ходе которой были заложены основы Дальневосточной ориенталистики.

Молодым профессорам института, "не имея ни проверенных опытом планов, ни испытанных программ своего преподавания", пришлось заново разрабатывать методику преподавания, писать учебные пособия, поскольку их попросту не существовало.

Немалый вклад был внесен преподавателями Восточного института в открытие направлений научного японоведения и корееведения, хотя преподавание японского языка началось на восточном факультете Петербургского университета с 1888 г., а корейского - с 1897 г., однако велось оно лишь лекторами - носителями языка из состава корейской и японской дипломатических миссий, а разговорный аспект даже не включался в выпускные экзамены. Лишь после прибытия в Петербург выпускника Восточного института Г.И.Доли были введены теоретические занятия для студентов-японистов, а японский язык был включен в число обязательных предметов университетского курса.

Новым для отечественной ориенталистики было и преподавание в Восточном институте языка, истории, этнографии Тибета, которое велось про-

фессором Г.Ц.Цыбиковым. Именно он первым среди русских и зарубежных тибетологов собрал и обобщил материал по живой тибетской речи². Г.Ц.Цыбиков первым из ученых России сумел посетить и описать Центральный Тибет и его древнюю столицу - Лхасу. Во Владивостоке Г.Ц.Цыбиков разработал программу преподавания монгольского языка, составил и напечатал тексты для чтения, образцы деловых бумаг, скромно назвав учебник "Пособием для практического изучения монгольского языка" (Владивосток, 1907). Учебник выдержал впоследствии три переиздания, что свидетельствовало о его высоком научном уровне.

Изучение современных восточных языков сопровождалось преподаванием элементов китайской, японской и корейской скорописи. Тексты и учебные пособия по скорописи впервые были разработаны владивостокскими профессорами. Восточный институт "шел впереди прочих ориентальных практических школ даже за границей, не имевших в своих программах специальных курсов восточной скорописи, и, таким образом, институт обладал наиболее полной и широкой программой в области практического востоковедения"³.

Высоким был авторитет института за рубежом. Предложения по регулярному обмену поступали от Шведского правительства, Неаполитанского Восточного института, Императорской библиотеки Японии, Токийского, Киотского и Берлинского университетов.

В аудиториях Восточного института висели огромные доски, покрытые лаком с большими золотыми иероглифами, - изречениями древних китайских мудрецов. От всего этого остались два льва перед входом в бывшее здание Восточного института на Пушкинской улице, которые некогда охраняли императорские могилы около Мукдена.

После реорганизации Восточного института в восточный факультет ГДУ А.В.Рудаков был утвержден в должности профессора китайского языка и китаеведения, на которой проработал вплоть до расформирования ДВГУ в 1939 г. Не гладко складывались отношения с новой властью. Построенный на заемные средства двухэтажный домик на Голубинке пришлось покинуть. Там на ул. Гоголя долгое время располагалась начальная школа. Нынешний владелец дома, Правление Уссурийского казачьего войска, сдает его в аренду коммерческим и государственным структурам Владивостока. А в 1935 г. семье была предоставлен квартира на первом этаже Дома специалистов по Сухановской улице рядом с корпусом ДВГУ. Первый "партерный" этаж был выбран не случайно. Профессор был тяжело болен, ему все труднее было добираться на работу, и занятия со студентами отныне проводились в его домашнем кабинете. Один из посетителей квартиры Рудаковых писал: "...Кабинет заставлен высокими шкафами, полными книг на всевозможных языках, пачками бумаг, перевязанных бечевкой. Большой письменный стол завален книгами и бумагами. Рядом, на небольшом столике - "Ундервуд" с маленькой кареткой, на котором Аполлинарий Васильевич печатает сам"⁴.

Не миновали А.В.Рудакова и обвинения со стороны властей, - ему в вину ставилось то, чем прежде гордился Восточный институт, - преподавание китайской скорописи, принятой за границей.

После ликвидации университета в июле 1939 г., Аполлинарий Васильевич некоторое время преподавал китайский язык на военном отделении Института востоковедения, которое позднее было преобразовано в курсы военных переводчиков Тихоокеанского флота. Здесь он работал до последних дней своей жизни.

Среди учеников А.В.Рудакова можно назвать ставших впоследствии выдающимися синологами Б.И.Панкратова, И.Г.Баранова, А.П.Хионина,

А.Спицына, А.В.Маракуева, Н.К.Новикова, М.И.Сладковского, Г.Ф.Астафьева. Один из учеников Аполлинария Васильевича, выдающийся советский китаевед Р.В.Вяткин, окончивший ДВГУ в 1939 г., вспоминал о своем учителе: "Лекции и занятия Аполлинария Васильевича обогащали знанием не только китайского языка, но и истории и культуры Китая. Нередко он рассказывал нам, студентам, о своих поездках в Китай, о стране и ее нравах. Это были небольшие эссе, лаконичные, яркие, часто с блестящими живого юмора, и мы видели, как за стеклами пенсне молодо и по-озорному сверкали мудрые, много повидавшие глаза нашего учителя. Именно в такие минуты, вероятно, у нас рождалась любовь к своей профессии, интерес к изучению страны и народа⁵.

Незадолго до своей смерти А.В.Рудаков, понимая насущную необходимость возобновления востоковедного образования на Дальнем Востоке, в газете "Красное знамя" (май, 1946) опубликовал статью, в которой призывал восстановить Восточный институт. К сожалению А.В.Рудакову так и не суждено было стать свидетелем этого события, он умер во Владивостоке 11 мая 1949 года в возрасте 78 лет.

Полвека Аполлинарий Васильевич Рудаков прожил во Владивостоке, являясь ученым и наставником студентов-дальневосточников. Вместе со своими коллегами он строил здание отечественного китаеведения, традиции которого стремятся продолжать нынешние дальневосточные востоковеды.

(Автор приносит искреннюю благодарность дочери А.В.Рудакова - Т.А.Каракаш - за предоставленные материалы из семейного архива)

1. Автобиография. Материалы семейного архива А.В.Рудакова. С. 1.
2. Цыбиков Г.Ц. Пособие для изучения тибетского языка: Упражнения в разговорном и литературном языке и грамматические заметки. Ч. 1. Разговорная речь. Владивосток, 1908.
3. Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института за 1908 акад. год // Известия Восточного Института. Приложение 1-е. Владивосток, 1909. С. 19.
4. Николаев С. Выдающийся русский синолог-лингвист А.В.Рудаков // Красное знамя. № 303 (8333). 29 декабря 1945 г. С. 3.
5. Вяткин Р.В. Аполлинарий Васильевич Рудаков. К столетию со дня рождения // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 217.

Первая миссия Гоминьдана в Москве

В. Глунин

По ряду сходных причин до начала 1923 г. контакты между советским правительством и южным правительством Сунь Ятсена ограничивались лишь предварительным конфиденциальным политическим зондажем. Политическое положение в Китае оценивалось советским правительством следующим образом. В отчете Наркоминдела РСФСР к IX съезду Советов за 1920-1921 гг. (декабрь 1921 г.) говорилось, что "... Китай, раздираемый в настоящее время нескончаемой междоусобной борьбой между всемогущими генерал-губернаторами или даже союзами генерал-губернаторов разных частей страны, причем фактически власть пекинского правительства за пределами столицы является ничтожной, и в финансовом отношении оно в значительной степени зависит от помощи держав Антанты. Южное же демократическое правительство, руководимое Сунь Ятсеном, обладает фактической властью за пределами Кантонской провинции в сравнительно небольшом районе"¹. Понятно, что на эмоциональном и идеологическом уровне советское руководство симпатизировало "демократическому" кантонскому правительству, а не реакционному пекинскому. Тем более, что, как сообщал Г.В. Чичерину А.С. Потапов, Сунь Ятсен "является ярым англофобом"². Однако в чисто практическом плане пекинское правительство, несмотря на "ничтожность" его власти, имело одно решающее преимущество: оно являлось общепризнанным субъектом международного права, представленном на международной арене де-факто и де-юре, в то время как кантонское правительство таким статусом не обладало. Поэтому советское руководство, добивавшееся прорыва дипломатической блокады РСФСР, а также защиты своих политических и экономических интересов в Китае и вообще на Дальнем Востоке, считало первоочередной задачей установление нормальных дипломатических отношений именно с пекинским правительством. По той же причине Наркоминдел проявлял крайнюю осторожность в сношениях с Сунь Ятсеном. До января 1923 г. (миссия А. Иоффе) никто из советских дипломатов не встречался с Сунь Ятсеном. Переписка между Чичериным и Сунь Ятсеном носила спорадический характер: два письма Чичерина от 1.8.1920 г. и 31.10.1920 г. и одно ответное письмо Сунь Ятсена от 28.8.1921 г.³ В телеграмме министру иностранных дел Дальневосточной Республики Я.Д. Янсону от 31 октября 1921 г. Чичерин высказывал опасения, что сношения с Пекином могут быть сорваны, "если одновременно будем пытаться сноситься с Кантоном"⁴. Направляя 6.11.1921 г. В.И. Ленину для ознакомления письмо Сунь Ятсена от 28.8.1921 г., Чичерин в сопроводительной записке отмечал: "...Предполагается, что мы вступим с кантонским правительством в сношения после того, как будем иметь представительство в Пекине.

До этого момента мы находили неудобным даже писать Сунь Ятсену"⁵. В ответной записке Чичерину от 7.11.1921 г. Ленин фактически одобрил осторожную линию Наркоминдела, но в то же время рекомендовал поддерживать конфиденциальные связи с Сунь Ятсеном: "По-моему, надо всячески быть любезным, писать *регулярнее* и постараться *секретно* поселить нашего человека в Кантоне"⁶. Получив указания Ленина о переписке с Сунь Ятсеном, Чичерин все же опасался утечки информации об этой переписке. В телеграмме А.К. Пайкесу от 7.12.1921 г. он спрашивал: "Имеете ли возможность передать от меня письмо Сунь Ятсену так, чтобы о нем не стало известно в Пекине[?] Сам он не публикует ли это письмо[?] Переписываться с ним конфиденциально было бы очень полезно, но если это переписка станет известной, боюсь, не помешает ли нам это в Пекине"⁷.

Чичерин зря подозревал Сунь Ятсена в возможном разглашении тайны переписки. Вождь Гоминьдана, считавший себя единственным легитимным президентом Китайской Республики, настойчиво добивался дипломатического признания со стороны западных держав, а потому вряд ли собирался предавать гласности свои контакты с Советской Россией. В этом отношении интересы Чичерина и Сунь Ятсена совпадали.

В отличие от Наркоминдела Коминтерн как неправительственная международная организация имел большую свободу рук. Начиная с 1920 г. Коминтерн начал устанавливать непосредственные связи с Гоминьданом. В 1920-1921 гг. посланцы Коминтерна Г.Н. Войтинский, Г. Маринг, К.Н. Соколов-Страхов встречались с Сунь Ятсеном и другими лидерами Гоминьдана. Судя по имеющимся отчетам общее впечатление от встреч с гоминьдановцами было благоприятным и выявило взаимную заинтересованность в постоянных связях и обмене информацией. Для этих целей в августе 1920 г. в Кантон под видом корреспондента ДАЛЬТА и РОСТА был направлен К.А. Стоянович. В докладе Соколова-Страхова о кантонском правительстве от 21.4.1921 г. раскрывалась основная цель связей Коминтерна с кантонским правительством и партией Сунь Ятсена: "Главным образом кантонское правительство может быть использовано нами как орудие для проведения национальной революции на Востоке, которая бы отбросила в результате Китай в стан врагов Антанты"⁸. При этом в докладе утверждалось, что партия Гоминьдан "имеет программу, несколько сходную с нашими эсерами", но в то же время отмечалась "неясность и противоречивость тактических положений Китайской социалистической партии Гоминьдан"⁹. Подобная "неясность и противоречивость" была свойственна и оценкам социальной природы Гоминьдана многими деятелями Коминтерна тогда и впоследствии.

Следует отметить, что Сунь Ятсен, как вождь национально-революционной партии, был также заинтересован в контактах с Коминтерном. Ему импонировала установка Коминтерна на поддержку национально-освободительной борьбы народов колоний и полуколоний, в которой Китай мог занять достойное, если не руководящее место. Перед Сунь Ятсеном также возникал вопрос о посылке своих эмиссаров в Москву. В докладной записке Чичерину о содержании бесед с Сунь Ятсеном и его соратниками летом 1920 г. в Шанхае А.С. Потапов сообщал, что ему "удалось убедить Сунь Ятсена командировать к нам его доверенных" - Ляо Чжункая и Чжу Чжисиня¹⁰. Предполагаемая командировка однако не состоялась. Но в ноябре 1920 г. Соколов-Страхов в Благовещенске имел встречу с членом Гоминьдана "Лизуитаном" (Ли Чжанда), который якобы был направлен в Москву для участия от партии Гоминьдан в III конгрессе Коминтерна (июнь-июль 1921 г.)¹¹. Однако в материалах III конгресса Коминтерна никаких сведений о Ли Чжанда нет. Скорее всего его поездка ограничилась пределами тогдашней Дальневосточной Республики.

Таким образом имеющиеся документы дают основание предположить, что до января 1922 г. никакие официальные делегации или представители Гоминьдана в Москву не приезжали. Удобным предлогом для поездки гоминьдановской делегации в Советскую Россию стал созыв съезда трудящихся Дальнего Востока. В официальных документах съезда имеются и другие его наименования: "первый съезд революционных организаций Дальнего Востока", "первый съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока"¹². В исторической литературе встречаются также иные названия. Работе съезда уделено значительное внимание в исследованиях отечественных ученых, посвященных истории национально-революционного движения в Китае 20-х гг.¹³ Историко-партийная литература КНР также отмечает большое влияние съезда на выработку программы-минимум КПК, в том числе ее антиимпериалистической составляющей, а также на подготовку первого сотрудничества КПК с Гоминьданом в 20-е гг. Следует отметить также мемуары Чжан Готао, формально возглавлявшего китайскую делегацию на съезде¹⁴. Во всех этих изданиях работа съезда рассматривается почти исключительно под углом зрения истории КПК и Коминтерна и лишь кратко упоминается об участии в съезде представителей Гоминьдана. Более подробно позиция гоминьдановских делегатов Чжан Цюбая и Чжан Боя на съезде излагается пекинской исследовательницей Ли Юйчжэнь в монографии, изданной на Тайване¹⁵. Заслугой автора, изучавшей архивные фонды Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) в Москве, является, в частности, идентификация псевдонима "Тао" с Чжан Боя, а не с Чжан Цюбаем, как предполагали другие ученые.

Процедура формирования китайской делегации на съезд изложена в письменном докладе Г. Маринга в ИККИ от 11 июля 1922 г. Как только из Иркутска поступило поручение о посылке делегатов на съезд писал Маринг, "с руководством китайской партии немедленно был согласован вопрос о формировании делегации. Были посланы товарищи в Кантон и другие города для приглашения на съезд членов местных организаций. Представители Коминтерна (Никольский и Г. Маринг - В.Г.) с этой целью лично установили контакт с партией Сунь Ятсена Гоминьдан, Центральный Комитет которой находился в Шанхае. Во время беседы было решено, что я в декабре выеду отсюда в ставку Сунь Ятсена в Гуйлине, а также установлю дальнейшие контакты с лидерами Гоминьдана в Кантоне. Одновременно эта партия посылает одного представителя в Иркутск"¹⁶. Очевидно, что этим представителем был Чжан Цюбай.

Дополнительный свет на формирование китайской делегации, ее состав, настроения ожидания и поведение проливает очерк Калачева, свидетельство которого во многом совпадает с мемуарами Чжан Готао. Основную работу по формированию китайской делегации, пишет Калачев, проделала КПК, которой пришлось преодолеть "упорное сопротивление" многочисленных противников этой политической акции. "Большинство делегации в политическом отношении представляло собой неоформившийся элемент, за некоторым исключением. Делегация ехала на конференцию без определенной программы и без единого взгляда. Делегация вообще не стала бы выступать с политической программой и проч., так как она вообще еще не совсем уяснила себе стоящие перед ней задачи. Но это обстоятельство ничуть не может умалить ту роль, которую делегация сыграла хотя бы тем, что появилась на конференции, имевшей международное значение"¹⁷.

В архиве РЦХИДНИ хранится выполненный на квадратном шелковом лоскутке мандат Чжан Цюбая, удостоверенный главным управляющим (цзунли) Национальной партии Китая (т.е. Гоминьдана) Сунь Вэнем (Сунь Ят-

сеном), заведующим общим отделом Цзюй Чжэном, заведующим отделом пропаганды Чжан Цзи и скрепленный их личными печатями и большой печатью Гоминьдана. В мандате говорилось, что Чжан Цюбай направляется в Россию в качестве "полномочного представителя Национальной партии Китая". Мандат датирован 30 октября 1921 г.¹⁸ О Чжан Цюбае имеются лишь отрывочные сведения. Он действительно был членом южнокитайского парламента от провинции Аньхуй в 1918-1920 гг., участвовал в совещаниях гоминьдановского актива, созданных Сунь Ятсеном в Шанхае в конце 1922 г., на которых в числе прочих обсуждался также вопрос о реорганизации партии¹⁹. По свидетельству М.М. Бородина в конце 1923 г. - начале 1924 г. входил в назначенное Сунь Ятсеном Шанхайское бюро Гоминьдана и участвовал в обсуждении проекта политической платформы I съезда партии²⁰. На I съезде Гоминьдана в январе 1924 г. он был избран кандидатом в члены ЦИК партии. В ходе последующей внутрипартийной борьбы примкнул к правогоминьдановской антикоммунистической оппозиции. На раскольническом "II съезде Гоминьдана", созванном правыми оппозиционерами в Шанхае (29 марта - 10 апреля 1926 г.), был избран кандидатом в члены ЦКК²¹. Дальнейшую политическую карьеру Чжан Цюбая проследить пока не удается.

Другим прибывшим на съезд гоминьдановцем, судя по архивным данным, был Чжан Боя. О нем известно еще меньше. По просьбе автора российский исследователь Ю.М. Гарушанц, побывавший на Тайване в апреле 1999 г., попытался получить дополнительные сведения о Чжан Боя у тайваньских ученых, имеющих доступ к гоминьдановским архивам. По их свидетельству, в отличие от Чжан Цюбая, имя Чжан Боя в гоминьдановской картотеке отсутствует. В своей анкете (такие анкеты заполнялись всеми делегатами съезда) он писал, что приехал по мандату от издательства шанхайских журналов "Тайпинъян" и "Чжунго" ("Тихий океан" и "Китай"), выданному 1 ноября 1921 г. (мандат заверен двузычной (английской и китайской) круглой печатью издательства) и что он является членом Гоминьдана и издателем газеты "Гуандун чэньбао" в Кантоне. Своей целью, заявленной в анкете, он объявлял объединение угнетенных народов Востока и создание "Союза социалистических республик Азии". Любопытно, что в собственноручной подписки на анкете он сначала употребил иероглиф "го" (страна, государство), но потом его зачеркнул, заменив иероглифом "бо". Такая же замена (без исправления) присутствует и в объявлении о его приветственной речи на первом заседании съезда²². Именно в таком качестве Чжан Боя активно пропагандировал и отстаивал позицию Гоминьдана на съезде под псевдонимом "Тао", о чем речь пойдет ниже.

В отличие от Чжан Цюбая нам ничего неизвестно о полномочиях Чжан Боя. Получал ли он какие-либо инструкции от шанхайского штаба Гоминьдана перед отъездом в Иркутск; был ли он лично знаком и Чжан Цюбаем и обсуждали ли они линию поведения Чжан Боя на съезде во время двухмесячного "сидения" в Иркутске; или же, что тоже возможно, Чжан Боя действовал по собственной инициативе? Не исключено также, что Чжан Цюбай в качестве дополнительного конспиративного прикрытия запаса и мандатом на имя Чжан Боя. На эту мысль наводит и такая деталь: в архивном деле с мандатами участников съезда мандат Чжан Цюбая вложен в конверт с надписью "Чжан Боя", в котором находятся также мандат и анкета Чжан Боя. К тому же содержание выступлений Чжан Боя на съезде не соответствует уровню рядового члена Гоминьдана, каким он отрекомендовался в своей анкете. Ответы на все эти вопросы отсутствуют, и исследователям приходится исходить из того, что в стенограммах съезда он фигурирует как "представитель Го-

миньдана" ("делегат от Гоминьдана"), то есть как таковой воспринимался организаторами съезда.

Таким образом, документально вроде бы подтверждается прибытие в Иркутск, а затем и в Москву двух членов Гоминьдана - Чжан Цюбая и Чжан Боя. Между тем в материалах съезда имеются разночтения в оценке как общей численности китайской делегации, так и числа представителей Гоминьдана. В одной из подготовленных работниками аппарата ИККИ справок о принадлежности китайских делегатов к различным партиям, профессиональным и общественным организациям и т.п., говорится, что от Гоминьдана на съезде присутствует один представитель Гоминьдана с машинописной пометкой на полях: "Плюс один имеющий основной мандат от Го-Мин-Дан". Но в той же справке упомянут также и делегат от журнала "Тихий океан" и "Китай". Получается, что на съезде присутствовали три гоминьдановца. В другой аналогичной справке числится лишь один делегат от Гоминьдана²³.

Во всех опубликованных документах съезда делегат от Гоминьдана фигурирует под псевдонимом "Тао". В фондах РЦХИДНИ имеются три стенограммы пленарных заседаний съезда: машинописные на русском (с рукописной правкой) и на английском языках, а также аккуратная рукописная на китайском языке. Из трех стенограмм опубликована была только стенограмма на английском языке²⁴. Стенограмма на китайском языке, возможно, была размножена в ограниченном количестве экземпляров для узкого круга китайских делегатов²⁵. Из архивных стенограмм следует, что псевдоним "Тао" применялся к Чжан Боя. В русской и английской архивных стенограммах его имя транскрибируется сходно, но по-разному: Чжан Го-я, Джан Бинья, Шун Бэн-я, Чжан Бен-я, Tshan Ben-ja. И лишь в китайской стенограмме обычно фигурирует его иероглифическое имя - Чжан Боя. Таким образом, дополнительная архивная проверка подтверждает правильность расшифровки псевдонима упомянутого гоминьдановского делегата, произведенной китайской исследовательницей Ли Юйчжэнь, о чем говорилось выше.

Полномочный представитель Гоминьдана Чжан Цюбай в первые дни работы съезда (до 26.1.1922 г.²⁶) был принят Чичериным. Тогда же²⁷ по каналам Коминтерна была достигнута договоренность о его встрече с Лениным. О содержании "продолжительной беседы" с Чжан Цюбаем Чичерин кратко информировал Ленина в письме от 26.1.1922 г., в котором сообщал, что с Гоминьданом "...мы установим de facto сношения. Большого они не хотят. От представителя Гоминьдана я еще жду обещанного меморандума"²⁸. Дополнительные детали беседы содержатся в письме Чичерина Сунь Ятсену от 7.2.1922 г.: "Во время встречи с представителем гоминьдановской партии я обсудил с ним все проблемы, относящиеся к вопросам наших будущих отношений. Мы совершенно согласны со всем". В письме выражалось пожелание получить от Чжан Цюбая "письменный меморандум о положении в Китае и впоследствии часто встречаться с ним", а также содержалось обещание "в очень скором времени" направить в Кантон постоянного советского представителя. Чичерин уточнял, что в ходе дальнейших бесед с гоминьдановским представителем в Москве и беседе будущего советского представителя в Кантоне "мы более ясно определим объем связей, которые соединят нас с Вами и Вашими друзьями". В письме Чичерина, которое явилось ответом на письмо Сунь Ятсена от 28.8.1921 г., в дипломатичной отбитаемой форме были также изложены выводы о характере национально-революционного движения и будущего общественного и государственного строя Китая, содержащиеся в документах съезда трудящихся Дальнего Востока в более откровенных формулировках²⁹. В имеющихся документах и литературе нет никаких упоминаний

о получении упомянутого меморандума и дальнейших встречах Чичерина с Чжан Цюбаем. Что же касается постоянного советского представителя, то таковой (М.М. Бородин) прибыл в Кантон лишь в октябре 1923 г.

Чжан Цюбай вместе с представителем КПК Чжан Готао и профсоюзным активистом Дэн Пэем (членом КПК) имел беседу с В.И. Лениным, на которой присутствовал также Шумяцкий. Единственным свидетельством о содержании беседы являются мемуары Чжан Готао. По его словам, в начале беседы Чжан Цюбай попросил Ленина дать указания относительно китайской революции. Ленин отклонил эту просьбу, сославшись на отсутствие у него достаточной информации о положении в Китае и деятельности Сунь Ятсена в последние годы. В свою очередь Ленин спросил у Чжан Цюбая, возможно ли сотрудничество между Гоминьданом и КПК, на что Чжан Цюбай ответил, что "обе партии, безусловно, могут очень хорошо сотрудничать". На аналогичный вопрос к Чжан Готао последний согласился с гоминьдановцем, что обе партии "должны и могут сотрудничать", но добавил, что "в ходе сотрудничества могут возникнуть некоторые трудности". Других вопросов на эту тему Ленин не задавал³⁰.

Проверить рассказ Чжан Готао по другим источникам не представляется возможным ввиду отсутствия таковых, но в целом он выглядит вполне правдоподобным. По словам Чжан Готао между ним и Чжан Цюбаем после беседы с Лениным произошла ссора, так как Чжан Цюбай расценил замечание Чжан Готао о возможных трудностях на пути установления сотрудничества КПК с Гоминьданом как "недоверие Гоминьдану"³¹.

Чжан Готао критиковал Гоминьдан и в объемном докладе "Пролетариат и крестьянство Китая", написанном в Иркутске и включенной в русский сборник документов съезда. Программа Гоминьдана по его оценке "ничего общего ни с социализмом, ни с классовой борьбой не имела". Гоминьдан не игнорирует рабочие организации, создает свои "рабочие союзы", но не для защиты интересов рабочих, а "для достижения своих собственных целей". И пока рабочие не разглядели "обмана" Гоминьдана, они еще следуют за ним и даже помогают ему³². Но этот доклад, видимо, не был известен гоминьдановским делегатам.

По возвращении в Кантон (в мае или июне 1922 г.³³) Чжан Цюбай в докладе Сунь Ятсену о поездке в Москву, по свидетельству Чжан Готао, "рекомендовал сотрудничество между Гоминьданом и КПК для борьбы с империализмом", но якобы сказал Сунь Ятсену "будто я критиковал Гоминьдан в беседе с Лениным", представив эту критику как "злонамеренную"³⁴. Так ли это было на самом деле, трудно сказать. Но суть последующих споров в руководстве КПК по вопросу о сотрудничестве с Гоминьданом, публичная критика Гоминьдана и Сунь Ятсена в китайской коммунистической печати и болезненная реакция Сунь Ятсена и других гоминьдановских деятелей на эту критику, как "злонамеренную", изложена в общих чертах достаточно верно.

Первоначально съезд трудящихся Дальнего Востока предполагалось провести в Иркутске в конце 1920 г. Однако в связи с Вашингтонской конференцией по ограничению вооружений, тихоокеанскому и дальневосточному вопросам, созванной по инициативе США (12.11.1921 г. - 6.2.1922 г.), было решено перенести съезд в Москву с тем, чтобы повысить его статус и придать ему более широкое международное звучание. О том, какое значение придавалось съезду, свидетельствует решение Политбюро ЦК РКП(б) от 12 января 1922 г. о назначении комиссии для ведения съезда в составе И.В. Сталина, Н.И. Бухарина и Г.Е. Зиновьева³⁵. Фактически же съездом руководили председатель ИККИ Г.Е. Зиновьев, а также секретарь, член Президиума и заве-

дующий Восточным отделом ИККИ Г.И. Сафаров. Проекты резолюции съезда готовились комиссиями, назначенными Президиумом ИККИ³⁶.

В работе съезда приняли участие около 150 представителей от коммунистических, национально-революционных партий и организаций, рабочих союзов, общественных организаций Китая, Кореи, Монголии, Японии, Бурятии, Калмыкии, а также делегаты от Голландской Индии (о-ва Ява), Индии и Якутии. Китайская делегация была второй по численности после корейской. По разным источникам численность китайской делегации определяется от 42 до 54 человек. Больше половины делегации составляли коммунисты и социомольцы (от 25 до 40 человек), остальные - (один или два) гоминьдановцы, анархо-коммунист, беспартийные. В работе съезда, естественно, участвовали также работники Дальневосточного секретариата ИККИ (Б.З. Шумяцкий, Г.Н. Войтинский, С.А. Далин и другие)³⁷.

Съезд, на котором преобладали коммунистические и прокоммунистические представители, проходил в атмосфере революционной, антиимпериалистической непримиримости. Подводя итоги первого заседания съезда 21 января 1922 г. председатель ИККИ Зиновьев дал настрой последующей работе форума, заявив, что "мы говорим на общем языке, на языке коммунизма и освобождения угнетенных народов"³⁸. Поскольку съезд проходил одновременно с окончанием Вашингтонской конференции (12.11.1921-6.2.1922), имевшей целью завершить передел мира на Дальнем Востоке после первой мировой войны 1914-1918 гг., основной разоблачительный пафос коминтерновских докладчиков (Зиновьева и Сафарова) был направлен против американского, а также английского и японского империализма.

Гоминьдановский делегат должен был чувствовать себя вроде чужака в подобной аудитории, но не мог не испытывать на себе влияние общей атмосферы съезда. Избранный в президиум съезда на его первом заседании, Чжан Боя в кратком приветственном слове от китайской делегации заявил, что он выступает "от имени коммунистической и революционных партий Китая", "от имени трудящихся и бедноты Китая", ведущих борьбу "против капиталистов и империалистов"³⁹.

На четвертом заседании съезда 24.1.1922 г. Чжан Боя выступил с кратким докладом "Политическое положение в Китае". Доклад представлял собой фактический обзор политической борьбы Гоминьдана против монархии, милитаристов и "иностранцев". Программу своей партии он характеризовал таким образом, чтобы сблизить ее с политикой Коминтерна по национально-колониальному вопросу: "Это национально-социалистическая партия, начертанная на своем знамени девиз решительной борьбы с империализмом и поработителями Китая... Партии Гоминьдан не по дороге с империалистами, и мы охотнее пойдем с Коммунистическим Интернационалом, чем с милитаристами Китая"⁴⁰. Последующие выступления Чжан Боя явились ответом на выдвинутые в докладах Зиновьева и Сафарова условия сотрудничества с Гоминьданом и критику в его адрес. При этом представитель Гоминьдана, с одной стороны, пытался создать впечатление будто между его партией и Коминтерном нет принципиальных расхождений в подходах к решению задач китайской революции. В то же время он весьма болезненно реагировал на критику в адрес Гоминьдана и недвусмысленно отверг такие радикальные предложения, как, например, немедленное начало национализации земли в пользу крестьянства на подвластной Сунь Ятсену территории.

Речь председателя Исполкома Коминтерна Зиновьева 23 января "Международное положение и Дальний Восток" была посвящена главным образом разоблачению колониальной политики империализма (особенно доста-

лось американскому империализму) и интерпретации решений II конгресса Коминтерна по колониальному вопросу применительно к дальневосточному региону, включая Китай.

Принципиальное значение имело заявление Зиновьева о "некоммунистическом" характере антиимпериалистического движения в Китае: "Мы вполне отдаем себе отчет в том, что нарастающее в Китае возмущение против империалистов не является протестом коммунистическим; мы понимаем, что это лишь элементарное желание народа самому распоряжаться своей судьбой", требование "элементарного раскрепощения и основной, примитивной независимости"⁴¹. Поэтому задача Коминтерна и съезда состояла в том, чтобы "дать путеводную нить деятелям китайского революционного движения", "внести объединение в разрозненные ряды китайских революционеров", "помочь раздробленному и угнетенному китайскому народу разрешить стоящую перед ним элементарную задачу: выгнать из Китая всех грабителей и угнетателей"⁴².

Какие же социальные и политические силы призывал к объединению глава Коминтерна? Гвоздь проблемы, по его мнению, состоял в том, чтобы добиться "правильного сочетания интересов пролетариата с интересами непролетарских угнетенных масс"⁴³. Под "непролетарскими" массами он вполне определенно имел в виду только трудящиеся массы: "Вот что говорит Коминтерн, обращаясь к обеим частям съезда: к той, которая состоит из сознательных коммунистов и имеет своей задачей организацию рабочего класса для победы над буржуазией, и к той, которая состоит из непролетарских элементов, из руководителей трудящихся масс, борющихся исключительно против чужеземных угнетателей. Союз между вами необходим, и мы принесем пользу лишь буржуазии, если хоть в малейшей степени его ослабим"⁴⁴. Совершенно очевидно, что в таком союзе для буржуазии места не предусматривалось.

Зиновьев считал необходимым дать и более конкретные рекомендации каждой из "обеих частей" съезда. Японским и китайским коммунистам, "пока очень малочисленным", Коминтерн советовал "не стоять в стороне и не смотреть свысока на грешников и мытарей, еще не ставших коммунистами, а вмешиваться в самую гущу народную, пойти к тем десяткам миллионам людей, которые в Китае борются пока за свою национальную независимость и раскрепощение"⁴⁵. К числу "грешников и мытарей, еще не ставших коммунистами", но тем не менее представлявших интересы "непролетарских" трудящихся масс, Зиновьев явно причислял и "революционных деятелей южного Китая" во главе с партией Сунь Ятсена. Их он наставлял тоже в антибуржуазном духе: "Обращаясь, с другой стороны, к деятелям национального движения, мы им говорим: "Оставьте ваши надежды на Версаль и Вашингтон; не верьте буржуазным комбинациям; поймите, что ходом истории вопрос поставлен так: либо вместе с пролетариатом вы завоюете независимость, либо вовсе ее не завоюете; либо вы получите действительное раскрепощение из рук пролетариата, в сотрудничестве с ним, либо вы обречены остаться рабами английской, американской и японской камарильи; либо десятки миллионов трудящихся в Китае, Корее, Монголии и в других странах поймут, что их союзник и руководитель - всемирный пролетариат и бросят раз навсегда надежды на какие бы то ни было компромиссы с буржуазией, либо их национальное движение должно погибнуть"⁴⁶.

В речи Зиновьева прозвучала и прямая критика в адрес гоминьдановских деятелей за их иллюзии в отношении американского капитализма, американской демократии и американской политики "открытых дверей" в Китае: "Было бы поистине непоправимой ошибкой, если бы среди политических дея-

телей - скажем Южного Китая, - нашлись бы простаки, способные принять "открытые двери" за чистую монету демократизма и обреченные таким образом на заклятие кровожадному капиталистическому богу. К сожалению, приходится сказать, что по нашим сведениям (хотя я должен оговориться, что информация у нас весьма плохая и отрывочная), среди революционных деятелей Южного Китая, среди сторонников Сунь Ятсена, среди вожаков его партии есть такие, которые не без благоволения смотрят в сторону Америки, т.е. в сторону американского капитализма, рассчитывая, что именно оттуда на революционный Китай будет изливаться благодать демократизма и прогресса, но, как мне кажется, Вашингтонская конференция должна будет, в конце концов, все же убедить более дальновидных деятелей Южного Китая, китайских революционеров и, вообще, всех тех, кто хочет бороться за подлинную самостоятельность своего народа (даже в том случае, если они не социалисты), в том, что в лице американского капитализма они имеют не друга, а бешеного и злобного врага..."⁴⁷.

Критика в адрес "южнокитайских революционеров" из уст главы Коминтерна прозвучала и в связи с монгольским вопросом: "Было бы, кажется мне, очень печально, если бы среди деятелей, - например, революционного Южного Китая, - нашлись люди, которые отнесли бы по доктринерски к монгольскому вопросу и заговорили бы о том, чтобы вернуть Монголию Китаю"⁴⁸.

Критические выпады Зиновьева были весьма болезненно восприняты гоминьдановским делегатом. Чжан Боя дважды (на четвертом и седьмом заседаниях) счел необходимым сделать "важные заявления" по этому поводу. Программа и принципы Гоминьдана, пояснил он, "являются национально-социалистическими и несомненно содержат пункты, направленные против империализма. Партия протестует против угнетения Китая. Она занимает решительно отрицательную позицию в отношении Вашингтонской конференции... Товарищ Зиновьев заявил, что правительство Южного Китая, смотрит на Америку как на источник благодетельной демократии и прогресса. О периоде до 1911 г. мы не можем судить ввиду нехватки точной информации, но говоря о нынешней ситуации, я должен сказать, что пути Гоминьдана не совпадают с путями империалистов и мы скорее последуем за Коммунистическим Интернационалом, чем за китайскими (видимо опечатка, следует читать: иностранными. - В.Г.) империалистами. И еще: товарищ Зиновьев сказал, что есть люди, которые хотели бы вернуть Монголию Китаю. Я не считаю это возможным. Я не знаю источников информации товарища Зиновьева, но мне хотелось бы думать, что товарищ Зиновьев ошибся, так как я никогда ничего подобного не слышал"⁴⁹. На седьмом заседании Чжан Боя снова вернулся к этим вопросам, сделав более развернутое заявление: "Китайская делегация одобрила доклад товарища Зиновьева. В целом я согласен с докладом товарища Зиновьева за исключением двух пунктов. Первый пункт состоит в заявлении, что в южной революционной партии имеются элементы, настроенные проамерикански и приветствующие американскую буржуазную демократию. Это неправда. Партия Гоминьдан была создана двадцать лет тому назад, и с самого начала она объявила о своем намерении добиться свободы Китая. Следующим шагом должна стать политическая революция. Третьим шагом - социальная революция. При такой программе у партии Гоминьдан не может быть желания заимствовать американскую буржуазную демократию.

Вторым пунктом является утверждение в речи товарища Зиновьева, что Гоминьдан против независимости Монголии. В Китае я встречался и обсуждал этот вопрос со многими видными членами Гоминьдана и правительства. Они не были против независимости Монголии. Я не знаю, имеет ли теперь

товарищ какую-либо информацию, что в Южном правительстве или в Гоминьдане имеются взгляд или склонность сопротивляться независимости Монголии. По моей информации - это не так"⁵⁰.

Зиновьев в заключительном слове после обсуждения его речи выразил удовлетворение разъяснениями гоминьдановского делегата по монгольскому вопросу. Он также поддержал изложенную Чжан Боя гоминьдановскую тактику постепенного продвижения на Север после укрепления "главного опорного пункта" на Юге, но выразил сомнение, что четвертной союз империалистических держав "позволит Южному правительству получить передышку для укрепления в своем центре"⁵¹.

В заключительном слове Зиновьев выдвинул также лозунг Советов для Китая и Кореи. В угнетенных странах Дальнего Востока, за исключением Японии, "почти нет пролетариата". "Тем не менее, - заявил Зиновьев, - мы считаем, что ваши страны тоже созрели для советской системы. Мы думаем, что подлинные революционеры в Китае и Корее должны уже теперь провозгласить лозунг "советов"... Те китайские партии, которые считают себя подлинными сторонниками демократии, должны отбросить старые демократические лозунги, которые были захвачены и опозорены империалистами, и должны объявить себя сторонниками подлинно народной власти, а именно - советской системы даже там, где эти советы будут преимущественно крестьянскими советами. И только тогда лидеры революционного движения в странах, представленных на этом съезде, смогут в борьбе за освобождение своих стран от иноземного ига отождествить идею независимости с подлинной и честной демократией"⁵². Такое истолкование лозунга советов, как формы демократической власти, которая должна быть установлена в результате победы антиимпериалистической, демократической, "некоммунистической" по своему содержанию революции, было в целом поддержано съездом, но вызвало недоумение не только у "непролетарских" революционеров, но и среди коммунистов, считавших советы формой диктатуры пролетариата.

Концептуальные указания председателя ИККИ были конкретизированы в докладе заведующего Восточным отделом ИККИ Сафарова "Колониальный вопрос и борьба за национальное освобождение на Дальнем Востоке", стоявшим отдельным пунктом в повестке дня съезда⁵³.

В связи с основной установкой на антиимпериалистическую революцию в Китае Сафаров затронул широкий круг вопросов о роли различных социальных слоев в революции, ее первоочередных конкретных программных требованиях и, главное, - как он сам отмечал, - о взаимоотношениях между пролетарскими, коммунистическими и "непролетарскими", демократическими участниками революции.

В полном соответствии с теоретическими установками II конгресса Коминтерна решающей силой антиимпериалистической демократической революции Сафаров считал крестьянские массы. Он призвал не только коммунистов, но и демократов проникнуть в гущу этих масс, пробуждать их и организовывать: "Нужно пробудить эту многочисленную массу, составляющую самый фундамент Китая, ибо без ее участия всякая борьба за национальное освобождение обречена на неудачу. Небольшая кучка рабочих, даже поддержанная буржуазными демократическо-радикальными элементами, неизбежно потерпит поражение, если не всколыхнутся крестьянские массы"⁵⁴. Для революционной мобилизации крестьян необходимы радикальные лозунги в их интересах: "Одним из главнейших лозунгов, которые могут поднять китайскую крестьянскую массу, является лозунг национализации земли и экспроприации иностранных концессий". При этом докладчик счел необходимым специ-

ально подчеркнуть, "что в этом требовании нет ничего специально коммунистического, его может и должен поддержать всякий честный демократ, действительно борющийся за интересы широких масс и заинтересованный в том, чтобы трудящиеся массы стали активной силой революции"⁵⁵.

В целом программа-минимум китайской народной антиимпериалистической, демократической революции была сформулирована Сафаровым так: "Вот какие ближайшие задачи встают перед китайскими трудящимися массами и перед их авангардом - китайскими рабочими-коммунистами: освобождение Китая от иностранного ига, национализация земли, ниспровержение дущюната, установление единой Федеративной Демократической Республики, введение единого подоходного налога"⁵⁶. Требование "экспроприации иностранных концессий" из этого перечня выпало, возможно, просто по недосмотру докладчика.

Для коммунистов всегда главным (и наиболее болезненным) был вопрос о гегемонии. Не мог его обойти в своем докладе и Сафаров. Докладчик вынужден был открыто признать как объективную реальность тот печальный для Коминтерна факт, что "китайское рабочее движение еще находится в пеленках, и мы отлично понимаем, что в ближайшем будущем китайский рабочий класс не может занять того командующего положения, на какое может рассчитывать японский пролетариат; но молодое рабочее движение растет и в Китае"⁵⁷. В то же время он воздержался и от признания руководящей роли за "буржуазно-демократическими элементами, объединенными в национально-революционную организацию", то есть в партию Гоминьдан. Поэтому вопрос о гегемонии был "изящно" перенесен докладчиком в международную сферу. Поскольку задачи антиимпериалистической революции на Востоке, в том числе и в Китае, являются неразрывной составной частью задач мировой пролетарской революции, то: "Совершенно ясно должно быть всякому, что выполнение этой задачи будет возможно только при ориентации на советскую Россию, на Коммунистический Интернационал, на рабочий класс, как на международную силу"⁵⁸.

Под этим общим углом зрения в докладе рассматривался и ключевой тактический вопрос о взаимоотношении коммунистов с "буржуазно-демократическими", "демократическо-радикальными", "национально-революционными", то есть непролетарскими политическими организациями.

Сафаров заявил, что "на ближайшее время между нами и этими буржуазно-демократическими элементами, объединенными в национально-революционную организацию, никаких острых конфликтов быть не может". Но тут же предупреждал эти буржуазно-демократические элементы, что "мы будем решительно бороться против них", "если они попытаются держать в пеленках молодое китайское рабочее движение", "проповедуя гармонию труда и капитала"⁵⁹ (отрицание классово-борьбы являлось одним из основных программных принципов Гоминьдана). Докладчик, разумеется, исходил из установок Коминтерна на поддержку "всякого" национально-революционного движения, если оно "не направлено против пролетарского движения". Вместе с тем он весьма жестко формулировал рамки подобной условной поддержки: "Мы заявляем: тот изменник делу пролетарской коммунистической революции, кто не поддерживает национально-революционного движения, но, с другой стороны, мы говорим: изменник национальному делу - тот, кто борется против пробуждения пролетарского движения и мешает китайскому рабочему классу встать на ноги и заговорить своим собственным языком"⁶⁰. О том, каким языком заговорит вставший на ноги рабочий класс, было ясно из практики большевиков. К тому же рабочему классу Китая настоятельно рекомендо-

валось не связывать "свою судьбу с той или иной демократической партией, с теми или иными буржуазными демократами"⁶¹. Нельзя не согласиться с выводом Л.П. Делюсина, что эти установки Сафарова "отдавали сектантским духом" и противоречили присутствовавшим в докладе призывам к объединению всех национально-революционных сил⁶². В не меньшей, если не в большей, мере это относится и к заключительным документам съезда. Создается впечатление, что проблема отношения коммунистов к национально-революционному движению понималась в духе большевистской тактики в революции 1905 года.

К вопросу о взаимоотношениях между коммунистами и гоминьдановцами Сафаров еще раз обратился в своем заключительном слове в связи с лозунгом Советов и выступлением по этому поводу гоминьдановского делегата Чжан Боя. Чжан Боя выразил "полное согласие" с докладом Сафарова по вопросам тактики китайских революционеров. В то же время для него остались "не вполне ясными" некоторые части доклада, по которым он хотел бы получить "разъяснения". "Товарищ Сафаров сказал, что советская система вполне подходит для Китая и вообще для всех стран, где пролетариат не находится в большинстве (здесь оратор спутал доклад Сафарова с заключительным выступлением Зиновьева. - В.Г.). Я полностью согласен с ним. Я также согласен, что применительно к Китаю необходимо прежде всего прояснить более важные вопросы: вопросы власти, налогообложения, национализации земли и вопрос о развитии пролетарского движения. Но я должен сказать, что именно эти идеи были заложены в основу партии Гоминьдан двадцать лет назад. Конечно, имеются некоторые различия, но все эти пункты полностью совпадают"⁶³. Далее Чжан Боя перечислил эти полные или частичные совпадения: форма правления, национализация, налогообложение и другие вопросы государственной администрации. "Вся структура правительства, весь административный аппарат задуманы Гоминьданом таким образом, что они сильно подходят на советскую форму организации. Программа Гоминьдана содержит ряд положений, которые прямо направлены против западноевропейской парламентарной системы"⁶⁴. Более того, кантонское правительство уже проводит в жизнь некоторые из этих идей: передача в собственность государства железных дорог, создание ряда учреждений для решения аграрного и рабочего вопросов, введение в ряде мест прогрессивного налога и т.д. "Правительство полностью опирается на поддержку трудящихся масс. Члены правительства проникнуты сознанием, что только рабочий класс является основой процветания. Поэтому нынешнее Южное правительство пользуется широкой поддержкой пролетариата"⁶⁵. Что касается крупной и мелкой буржуазии, то она группируется вокруг прогрессивной партии, "которая представляет собой буржуазную оппозицию Гоминьдану". "Таким образом, - заключил свое сопоставление оратор, - все, что заявил товарищ Сафаров, приближается к тому, что уже существует в Китае в зародышевой стадии, и мы надеемся на постепенный прогресс"⁶⁶. Суть выступления Чжан Боя сводилась к тому, чтобы убедить руководство Коминтерна будто между Гоминьданом и коммунистами особых принципиальных различий не существует. Цель подобной постановки вопроса Чжан Боя не считал нужным скрывать: "Я, считаю, что нельзя пренебрегать партией Гоминьдан, который имеет за плечами двадцатилетнюю летопись борьбы и который пользуется симпатией и поддержкой масс. Я поэтому считаю, что говоря о развитии революционного движения на Дальнем Востоке, мы должны связать его с существованием партии Гоминьдан, имеющей такое большое значение для Китая"⁶⁷. Из сказанного очевидно, что именно Гоминьдану с его двадцатилетним опытом революционной борьбы, а не

только что возникшей неопытной компартии должно по праву принадлежать руководство китайской революцией.

Чжан Боя решительно разошелся с Сафаровым и в другом вопросе - о национализации земли, точнее - о времени ее осуществления: "Товарищ Сафаров сказал далее, что земля должна быть национализирована, то есть передана в руки государства. Правительство Южного Китая уже немеревалось издать такой декрет, но отложила его из-за того, что до сих пор не достигнуто полное воссоединение всего Китая. Поэтому такой декрет не мог быть осуществлен повсеместно, а его частичное применение было бы чревато вредными последствиями для курса нашей последующей политики"⁶⁸. Отвечая на дополнительные вопросы делегатов в связи с аграрной политикой гоминьдановского правительства, Чжан Боя вновь категорически заявил: "До тех пор, пока все части Китая не будут воссоединены, вопрос национализации земли не может форсироваться"⁶⁹.

Сафаров в своем заключительном слове, которое в значительной части свелось к полемике с Чжан Боя, решительно отверг попытку перекрасить Гоминьдан в коммунистический цвет и его претензию на руководство революцией. Он заявил, что "фундаментальный вопрос" съезда о правильных взаимоотношениях между национально-революционным и пролетарским движениями может быть решен лишь в том случае, если "обе стороны хорошо узнают друг друга": "Мы знаем, что партия, возглавляющая правительство Южного Китая, является революционно-демократической партией и мы не хотим подвергать сомнению этот факт. Мы убеждены, что эта партия проделала большую революционную работу, абсолютно необходимую Китаю, и мы надеемся сражаться рука об руку с этой партией в будущем. Но, с другой стороны, мы не настолько наивны, чтобы вообразить, будто эта партия является революционной коммунистической партией. Мы не настолько наивны, чтобы ошибаться насчет происхождения этой партии и изображать ее в своих глазах как пролетарскую коммунистическую партию. Такое представление не соответствовало бы действительности и придало бы ошибочный вид отношениям с этой партией. С этой ответственной трибуны мы берем на себя смелость сказать совершенно открыто и определенно, мы будем поддерживать, поддерживали и поддерживаем всякое буржуазно-демократическое движение в колониях до того предела, пока это буржуазно-демократическое освобождение действительно нацелено на национальное освобождение угнетенных народов"⁷⁰.

И здесь оратор подошел к ключевому и самому болезненному вопросу о самоопределении пролетарских и "непролетарских" участников антиимпериалистической революции, "разделению труда" между ними на основе "добровольного соглашения", как неременного условия их сотрудничества. Свою точку зрения на этот блок вопросов Сафаров излагал в открытой полемике с Гоминьданом.

Путь к возможному сотрудничеству "пролетарских" и "непролетарских" революционеров в ходе антиимпериалистической революции Сафаров в духе большевистской традиции видел в предварительном их жестком размежевании по классовому признаку: "Если мы, коммунисты Китая и Кореи провозглашаем лозунги демократического правительства, единого подоходного налога, национализации земли, то есть лозунги демократической революции, мы тем самым демонстрируем готовность сотрудничать со всеми честными национально-демократическими организациями, если они принимают близко к сердцу интересы трудящегося большинства своих стран. Но с другой стороны, пролетарские и полупролетарские элементы должны организоваться в свои независимые классовые союзы. Союзы, которые сейчас создаются как

гильдии или организации ремесленников, непосредственно связанные с партией Гоминьдан, не могут быть признаны нами в качестве классовых союзов. Они не понимают классовых принципов, они не являются органами классовой борьбы пролетариата за свое освобождение. Поэтому, имея дело с вами, сторонниками Гоминьдана, как с нашими союзниками, друзьями и товарищами, мы в то же время говорим вам открыто и откровенно: мы поддерживаем и будем поддерживать вашу борьбу постольку, поскольку речь идет о национальном и демократическом восстании ради национального освобождения. Но в то же время мы будем вести самостоятельно свою коммунистическую работу по организации пролетарских и полупролетарских масс Китая. Это дело самих пролетарских масс, и оно должно делаться китайскими рабочими, китайским пролетариатом. В этой сфере китайское рабочее движение должно развиваться совершенно независимо от радикально настроенных буржуазных и демократических организаций и партий. Я думаю, что все это абсолютно ясно всем присутствующим на этом съезде. Ряд протестов против заявлений товарища Тао (Чжан Боя. - В.Г.), поступивших в президиум, полностью подтверждает это. На некоторый исторический период мы можем договориться о разделении труда между нами, представителями пролетарской революции, то есть классом пролетариата и полупролетарскими элементами крестьянства, с одной стороны, и представителями националистических радикальных и демократических элементов пробуждающегося Китая, - с другой. Однако обе стороны должны понимать, что это разделение труда должно основываться на добровольном соглашении. Пролетарские массы не должны отказываться от своих взглядов, они, не должны воздерживаться от создания своей собственной классовой партии. Только при этих условиях возможно сотрудничество и добровольное соглашение. И я не знаю, кому выгодно заявление, что китайские массы уже созрели для советской революции, для установления советской системы. Если товарищ Тао утверждает, будто Гоминьдан проповедовал этот принцип последние двадцать лет, это может быть объяснено только тем, что он не очень хорошо знаком с принципами советской системы"⁷¹.

"Принцип советской системы, - разъяснял Сафаров своему гоминьдановскому оппоненту, - состоит в самоорганизации трудящихся масс в их организации в независимую классовую революционную силу. В Китае рабочий класс только учится ходить, он только начинает развиваться. Крестьянские массы запуганы и невежественны и потому не выставляют своих собственных требований и взглядов. Заявление товарища Тао по вопросу о национализации земли является лучшим доказательством этого. Судя по его словам, Южное правительство рассматривало вопрос о национализации земли, и этот проект не был воплощен в жизнь только потому, что эта важная революционная мера требует единообразия, ее необходимо провести по всей Китайской Республике. Поэтому, по мнению Гоминьдана, сначала необходимо очистить территорию Китая от империалистов и мародеров-дучзюней, сначала необходимо установить в Китае демократию. Это неверный взгляд на данный вопрос. Если мы намерены организовать массы под своим знаменем и привлечь большинство народа на свою сторону, мы должны затронуть жизненные интересы масс с тем, чтобы эти массы могли идти за нами до конца, чтобы они были готовы умереть за наше и их дело. Для китайских крестьян Южного Китая вопрос национализации земли не может быть решен сверху, путем административных реформ, для них - это жизненная необходимость. Поэтому мы должны провести эту революционную меру даже на малой части страны с целью показать китайским крестьянам, живущим на территории, оккупированной вражескими силами, что там, где установлен демократический режим, кре-

стьяне живут в тысячу раз лучше, что их интересы обеспечены в тысячу раз больше. Без ясного понимания этого, без правильной позиции по крестьянскому вопросу нельзя втянуть огромные массы в борьбу на нашей стороне. Недостаточно выработать хорошую программу, недостаточно защищать хорошую программу в узком кругу так называемого образованного общества, необходимо превратить ее в жгучее требование трудящихся масс.

Только тогда эта программа станет действительно живой программой, программой революционного действия. Поэтому я возражаю против заявления товарища Тао и утверждаю, что в целях мобилизации китайских трудящихся масс необходимо проделать большую подготовительную организаторскую и пропагандистскую работу. Чтобы китайские трудящиеся массы смогли организовать государственную систему, лучше всего отвечающую интересам трудящихся всех стран, - систему советов, - необходимо проделать большую подготовительную работу, необходимо повести безжалостную борьбу не только против иностранных империалистов, не только против мародеров-дуцзюней, но также против местных ростовщиков в деревне и местной буржуазии в городе.

Это вопрос не прямого захвата власти, а защиты крестьянина в его повседневной жизни от тех, кто угнетает и эксплуатирует его, взимая с него непомерные налоги и оставляя ему жалкие крохи"⁷².

В выступлениях Зиновьева и Сафарова, а также в принятых съездом документах речь шла о взаимодействии и сотрудничестве коммунистов с "непролетарскими" революционерами в национально-освободительных движениях, но ни разу не встречались термин "единый демократический" фронт. Это наводит на размышления по поводу декларировавшегося на съезде стремления коммунистов к "открытому", "честному" и т.д. сотрудничеству с буржуазными демократами. Ведь само понятие "единого фронта" предполагает равноправное, пусть даже формально, сотрудничество партнеров. Коминтерн, судя по итогам съезда, к такому варианту был явно не готов, да и не стремился.

В основной резолюции съезда о результатах Вашингтонской конференции в расплывчатой форме констатировалось, что китайский народ ведет сейчас борьбу не за социализм, а за избавление от гнета империалистов, дуцзюнов, "варварских пережитков средневековья". Шансы "революционного Юга Китая" на самостоятельную победу оценивались как весьма проблематичные: "Революционный Юг Китая, ведущий борьбу за национальное существование, находится под постоянной угрозой со стороны северных милитаристов и не может рассчитывать на прочное укрепление своего положения без победы национально-демократической революции во всей стране"⁷³. А победа такой революции означает "установить свободный строй, основанный на братском союзе рабочих и крестьян. Опыт революционного строительства в РСФСР доказывает, что советская форма отвечает интересам не только рабочего класса, но и крестьянских масс, осуществляя подлинную демократию для трудящихся в самом полном объеме"⁷⁴. Иными словами, революция в Китае "национально-демократическая", но ее результат - советская власть.

Эта же мысль содержалась и в "Манифесте" съезда. "Представители угнетенных масс четырехсотмиллионного Китая, представители революционно-национальных организаций рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции", вместе с представителями трудящихся Японии, Кореи, Монголии, Голландской Индии заявляли: "Мы объявляем войну не на жизнь, а на смерть японским, американским, английским, французским и всем другим мировым хищникам. Мы объявляем войну не на жизнь, а на смерть продажным при-

хвостням и лакеям наших поработителей в Китае. Мы объявляем войну не на жизнь, а на смерть лицемерно-блудливому американскому империализму и жадным британским захватчикам... Отныне мы заключаем нерушимый союз трудящихся Дальнего Востока под знаменем Коммунистического Интернационала. Мы добьемся освобождения! Мы свергнем насильников и установим справедливый трудовой строй, отняв землю у тунеядцев и поставив у власти своих людей из рабочих и крестьян!"⁷⁵

Документы съезда трудящихся Дальнего Востока носили явный налет сектантской антибуржуазной риторики. В то же время, как единодушно признается в отечественной и китайской историографии, съезд сыграл важную роль в переориентации коммунистического движения в Китае с установки на социалистическую революцию к признанию в качестве ближайшей задачи требования национально-демократической революции. Признавая "некоммунистический" характер революционного движения в Китае, Зиновьев и Сафаров фактически выдвинули перед китайскими коммунистами наметки программы-минимум демократической революции. Цельный ряд соображений Сафарова о положении в Китае был затем воспроизведен в Заявлении КПК от 15 июня 1922 г. и в Манифесте II съезда партии.

Условия "помощи", "сотрудничества", "разделения труда", предложенные Коминтерном представителям "непролетарских" революционеров, были абсолютно неприемлемы для них, ибо полностью отдавали их на милость "пролетарских" революционеров, ничего не гарантируя им взамен. Трудно сказать, чем в данном случае объяснялась подобная явно нереалистичная позиция Коминтерна. Ведь, скажем, в выступлениях Сафарова присутствовала вполне трезвая оценка более чем скромных возможностей "пролетарских" революционеров Китая. Скорее всего мы здесь имеем дело с типичным расхождением между теорией и практикой, когда практика принималась в жертву стремлению сохранить первоизданную чистоту теоретической догмы. Первая же попытка воплотить в жизнь выработанной на съезде тактики показала ее несовместимость с китайскими реалиями. В результате во второй половине 1922 г. и начале 1923 г. Коминтерну совместно с Наркоминделом пришлось искать иное, нестандартное решение в трудных переговорах как с КПК, так и с Гоминьданом на основе взаимных компромиссов.

В выступлениях Чжан Боя руководители Коминтерна не без оснований усмотрели попытку "перекрасить" тогдашний Гоминьдан в социалистические или коммунистические цвета и прямо заявили о неприемлемости подобных попыток. Редакция русского сборника документов съезда, изданного уже после отъезда делегатов из Москвы, сочла необходимым уточнить характер Гоминьдана в примечании к докладу Чжан Боя: "Партия Гоминьдан - национально-революционная партия Южного Китая, лидер ее - Сунь Ят-сен - глава правительства Южного Китая. Партия эта некоммунистическая, но она солидарна с III Интернационалом в его борьбе против империализма"⁷⁶. Аналогичное предупреждение относительно "государственного социализма" Гоминьдана было в декабре 1922 г. записано и в общих тезисах по восточному вопросу IV конгрессом Коминтерна⁷⁷.

В тоже время прозвучавшая в речах Зиновьева и Сафарова попытка навязать Гоминьдану коммунистическое понимание задач буржуазно-демократической революции в Китае, подчинить Гоминьдан коммунистическому влиянию, абсолютно неприемлемая для Гоминьдана, нашла свое продолжение в политике ВКП(б) и Коминтерна в отношении Гоминьдана в 1923-1927 гг., что и явилось одной из главных, если не главной причиной провала этой политики в 1927 г.

1. Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. С. 665-666.
2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы 1920-1925. М., 1994. Т. I. С. 45 (далее: ВКП(б), Коминтерн и Китай).
3. Анализ этой переписки см.: Тихвинский С.Л. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. М., 1964. С. 223-224, 255-257.
4. ВКП(б), Коминтерн и Китай. С. 63-64.
5. Там же. С. 64.
6. Там же. С. 693-694.
7. Там же. С. 66.
8. Там же. С. 61.
9. Там же. С. 56-57.
10. Там же. С. 46.
11. Там же. С. 60.
12. Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Пр., 1922; The First Congress of the Toilers of the Far East. Pg., 1922; Der Erste Kongress des Communistischen und Revolutioner Organisationen des Fernen Ostens. Hamburg, 1922.
13. Соркин Г.З. Съезд народов Дальнего Востока. // Проблемы востоковедения. 1960. № 5; Делюсин Л.П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921-1928). М., 1972; Далин С.А. Китайские мемуары 1921-1927. М., 1975; Глунин В.И. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921-1927 гг.). М., 1975; Каргунова А.И. Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925-1927 годов. М., 1983; Горбунова С.А. Коммунистический Интернационал и тактика КПК в национально-освободительном движении (1919-1924). М., 1988.
14. Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party, 1921-1927. Lawrence, 1971.
15. Ли Юйчжэнь. Сунь Чжуншань юй Гунчань гоцзи (Сунь Ятсен и Коммунистический Интернационал). Тайбэй, 1996. С. 106-117. На обложке книги помещена фотография мандата Чжан Цюбая.
16. Малинь юй дицзы гогуи хэцзо (Маринг и первое сотрудничество Гоминьдана и компартии). Пекин, 1989. С. 63; Tony Saich. The origins of the First United Front in China. The Role of Sneevliet (Alias Maring). Leiden, 1991. Vol. 1. P. 291.
17. Калачев (С.Н. Наумов). Краткий очерк истории Китайской коммунистической партии. // Кантон, 1927. № 10. С. 54-55.
18. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 181, л. 39. Анкета Чжан Цюбая в архиве не удалось обнаружить.
19. Гэмин взньсянь (Документы революции). Тайбэй, б.г., с. 1039-1042.
20. ВКП(б), Коминтерн и Китай. С. 358, 419.
21. Ли Юньхань. Цун жунгун дао циндан (От допуска коммунистов до чистки партии). Сянган, 1966. С. 267, 449.
22. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 181, л. 37; ф. 495, оп. 154, д. 166, л. 10; Журнал "Тайпингъян" издавался в 1917-1925 гг. либеральной профессурой, получившей образование в Англии и Японии. См. Усы шици цикань цзешао (Справочник периодических изданий в период 4-го мая). Пекин, 1959. Т. 3. С. 333-345. О журнале "Чжунго" обнаружить сведений не удалось.
23. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 175, л. 20, 22.
24. The First Congress of the Toilers of the Far East (далее: The First Congress).
25. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 166.
26. Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. V. С. 63.
27. Там же. С. 62.
28. Там же. С. 63.
29. Там же. С. 83-84.
30. Chang Kuo-t'ao, op. cit. P. 207.
31. Ibid. P. 209.
32. Первый съезд... С. 176-178.
33. Далин С.А. Китайские мемуары. С. 129.
34. Chang Kuo-t'ao, op. cit. P. 209, 218.

35. ВКП(б), Коминтерн и Китай. С. 68.
36. Там же. С. 67.
37. Каргунова А.И. указ. соч. С. 57, 156.
38. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 157, л. 47.
39. Там же. л. 21.
40. Первый съезд... С. 3.
41. Там же. С. 17.
42. Там же. С. 16.
43. Там же. С. 24.
44. Там же. С. 27.
45. Там же. С. 26-27.
46. Там же. С. 27.
47. Там же. С. 13.
48. Там же. С. 19-20.
49. The First Congress... P. 60-61. В русском переводе доклада Чжан Боя полемика с Зиновьевым опущена (см.: Первый съезд... С. 199).
50. Ibid. P. 148-149.
51. Ibid. P. 151-152.
52. Ibid. P. 153-154.
53. Первый съезд... С. 51-66. В английском сборнике председательствующий назвал доклад Сафарова "Позиция коммунистов в национально-колониальном вопросе". См. The First Congress... P. 156. На китайском языке доклад Сафарова был опубликован в ноябре 1922 г. в трех номерах журнала "Сяндао" (NN 9-11) под заголовком "III Интернационал и национальный вопрос на Дальнем Востоке".
54. Первый съезд... С. 59.
55. Там же.
56. Там же.
57. Там же. С. 59-60.
58. Там же. С. 66.
59. Там же. С. 59-60.
60. Там же. С. 60.
61. Там же.
62. Делюсин Л.П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК. С. 46.
63. The First Congress. p. 182.
64. Ibid.
65. Ibid. P. 183.
66. Ibid.
67. Ibid. P. 183-184.
68. Ibid. P. 182.
69. Ibid. P. 184.
70. Ibid. P. 192-193.
71. Ibid. P. 193-194.
72. Ibid. P. 194-195.
73. Первый съезд, С. 71.
74. Там же. С. 74.
75. Там же. С. 5-7. Текст "Манифеста" был опубликован на китайском языке в журнале "Сяньцзюй". № 10. 10 августа 1922 г.
76. Первый съезд... С. 194.
77. Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986. С. 30-31.

Документы, архивы

Новые материалы об устном соглашении Ладыженского - Ли Хунчжана 1886 г.

© 1999

Б.Пах

В свое время в советской историографии прочно утвердилось мнение о том, что 14 октября 1886 г. в результате переговоров в Тяньцзине российского поверенного в делах в Китае Н.Ф. Ладыженского и императорского наместника столичной провинции империи Цин Ли Хунчжана было заключено устное Тяньцзиньское соглашение о сохранении статус-кво в Корее и взаимном уважении ее неприкосновенности, которое предусматривало, что Россия и Китай обязались не вводить свои войска в Корею, а Ли Хунчжан от имени цинского правительства обещал всемерно добиваться вывода британских войск из порта Гамильтон из группы корейских островов Комундо, который был оккупирован английским флотом в 1885 г.

Впервые приведенное мнение было высказано в 1956 г. А.Л.Нарочницким в его фундаментальном труде "Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895". Он писал, что в результате переговоров царским правительством "решено было ограничиться взаимным словесным соглашением о сохранении status quo в Корее и взаимном соблюдении ее территориальной неприкосновенности" и что соглашение подтвердило отказ России "принимать на себя протекторат над Кореей и претендовать на морскую базу и ее побережья и означало, что и Китай не будет занимать Корею своими войсками". Из соглашения, писал А.Л.Нарочницкий, вытекало "немедленное возобновление самых энергичных требований со стороны Китая и России относительно эвакуации из порта Гамильтон английских кораблей"¹. В 1973 г. результаты переговоров Н.Ф.Ладыженского и Ли Хунчжана в лаконичной форме были отражены в коллективном труде "Международные отношения на Дальнем Востоке": "русское правительство словесно заверило Китай, что никогда не займет никакой части корейской территории, и в свою очередь потребовало и получило такое же словесное заверение от Китая"².

Подобная оценка результатов переговоров Н.Ф.Ладыженского и Ли Хунчжана и "джентльменского" Тяньцзиньского соглашения в 1979 г. была подтверждена в монографии Б.Д.Пака³, а в 1985 г. перекочевала в четвертое переработанное и дополненное издание "Дипломатического словаря" в трех томах, где по поводу соглашения 1886 г. было сказано буквально следующее:

"В результате переговоров Ладыженского и Ли Хунчжана было заключено устное соглашение о сохранении status quo в Корее и взаимном уваже-

нии ее неприкосновенности. Россия и Китай обязались не вводить свои войска в Корею. Ли Хунчжан от имени цинского правительства обещал всемерно добиваться вывода британских войск из порта Гамильтон, что было осуществлено в результате давления России и Китая на Великобританию.

Заключение С. способствовало стабилизации русско-китайских отношений, укрепило позиции цинского правительства в борьбе против экспансионистских планов британского империализма⁴.

Новые материалы, обнаруженные автором в Архиве Внешней Политики Российской Империи Историко-Дипломатического Департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации, позволяют внести некоторые коррективы и поправки как в оценку результатов переговоров, так и в освещение отдельных, но существенных деталей переговоров⁵. Но сначала немного о международной обстановке, сложившейся вокруг Кореи к лету 1886 г.

26 апреля 1885 г. английский флот оккупировал корейские острова Комундо с портом Гамильтон, создав тем самым угрозу нападения на дальневосточные владения России и условия для активизации китайских притязаний на Корею. В этой обстановке российская дипломатия не предпринимала каких-либо активных мер против китайских притязаний на Корею, придерживаясь по-прежнему политики "не портить отношений с Китаем". Главной задачей своей она считала удаление английского флота из порта Гамильтон совместными с Китаем действиями. Поэтому российские дипломаты стремились договориться с китайскими относительно поддержания статус-кво в Корее и проведения политики сохранения ее территориальной целостности и неприкосновенности. Министерство иностранных дел России считало возможным дать обязательство Китаю, что Россия не оккупирует корейский порт Лазарева (Сонджонман) или другой незамерзающий порт в Корее, если англичане покинут порт Гамильтон⁶.

Наместник столичной провинции Китая Чжили Ли Хунчжан, ведавший вопросами политики Китая в отношении Кореи, оказывавший большое влияние на определение внешней политики китайского правительства (на Западе называемого Канцлером), в свою очередь выразил желание вступить в переговоры с временным российским поверенным в делах в Пекине Н.Ф.Ладыженским и получить через него заверения в том, что в случае вывода английских судов из порта Гамильтон, этот порт не будет занят Россией. Н.Ф.Ладыженскому было разрешено ответить Ли Хунчжану, что Россия не намерена занимать Гамильтон после его оставления англичанами. После этого Ли Хунчжан пригласил в Тяньцзинь Н.Ф.Ладыженского и предложил начать переговоры по вопросу о Корее.

В сентябре 1886 г. Н.Ф.Ладыженский прибыл в Тяньцзинь на переговоры с Ли Хунчжаном. Первая задача, которую поставил перед собой Ладыженский, заключалась в том, чтобы удержать китайское правительство "от принятия крайних и немедленных мер по отношению к Корее и приостановить развитие событий", последствия которых принудили бы Россию "либо открыто выступить на защиту независимости корейского королевства, либо обречь его без борьбы на полное и невозвратное подчинение Китаю". Российский дипломат указывал Ли Хунчжану "на опасное положение, в которое поставил бы себя Китай, заняв Корею и будучи принужден защищать и охранять ее". Выгоды, говорил он, были бы ничтожны, в материальном отношении такое занятие нанесло бы значительный ущерб китайской казне, а изменение существующего на Крайнем Востоке равновесия влияния могло бы иметь самые серьезные последствия. Далее Н.Ф.Ладыженский объяснил Ли Хунчжану, что Россия не имеет желания занимать Корею или лишить ее независимости и вообще вмешиваться во внутренние дела Кореи, но она не намерена также "допускать в Сеуле полного и исключительного преобладания и какой-либо другой державы"⁷.

После продолжительных объяснений Ли Хунчжан признал справедливость высказанных Н.Ф.Ладыженским соображений, но вместе с тем объяснил ему, что пекинский двор смотрит на корейский вопрос иначе. "Следуя преданиям старины и понимая принцип и признаки вассальности совершенно иначе, чем в России, - говорил Ли Хунчжан, - Пекин твердо убежден, что Корея никогда не переставала быть вассалом Китая и проявления ее самостоятельности не признает за таковые, так как не прекращались ни представление сеньской дани, ни установленные между корейским и китайским правительствами отношения". "Новое доказательство того, - продолжал Ли Хунчжан, - Двор усмотрел в том, что корейский король при заключении договоров с европейскими государствами письменно заявлял иностранным уполномоченным о вассальных его к китайскому императору отношениях".

Со своей стороны Н.Ф.Ладыженский объяснил Ли Хунчжану, что Россия не может признать справедливым китайское понимание вассалитета Кореи, так как Корея по указаниям китайского же правительства заключила с Россией договор на равных правах и так как частное письмо короля, если бы даже ему и придано было китайцами столь серьезное значение, не может изменить общей постановки вопроса. "Если же мы не считаем, - говорил Ладыженский, - быть может, настоятельным вмешиваться или изменять существующие между корейским и китайским Дворами особо дружественные отношения, то такое равнодушие и снисходительность наша ни мало не дают Китаю новых в полуострове прав". В связи с этим российский поверенный указал Ли Хунчжану "на явное стремление Китая завладеть отправлениями государственной жизни полуострова, на присоединение корейских таможен к китайскому таможенному ведомству и поведение китайского резидента в Сеуле, постоянный захват земель в северной части полуострова и частые угрозы, делаемые королем и лишаящие его всякой самостоятельности, а, следовательно, ответственности и авторитета"⁸.

Ли Хунчжан, по словам Ладыженского, слушал его с самым напряженным вниманием и сочувствием, неоднократно благодарил за дружественные и справедливые слова и в заключение выразил желание "письменным соглашением установить порядок, который впоследствии пекинские сановники не решились бы нарушить". На полученный от Ладыженского запрос о предложениях, которые он мог бы сделать в связи с высказанным им желанием, Министерство иностранных дел телеграммой Н.К.Гирса от 24 сентября 1886 г. сообщило ему: "Мы не имеем никаких своекорыстных видов на Корею, но желали бы заручиться и от китайцев ручательством, что они воздержатся от нарушения существующего порядка и неприкосновенности страны. Было бы желательно выяснить вопрос на этом основании. Письменное соглашение возможно лишь под условием полной искренности китайцев"⁹.

После продолжительных переговоров Н.Ф.Ладыженскому удалось склонить Ли Хунчжана к согласию обменяться одинакового содержания письмами-нотами, которыми Россия и Китай, желая избежать всякого недоразумения, договорились бы не изменять существующего положения Кореи и никогда не занимать ее территорию. В телеграмме по этому поводу от 10 октября 1886 г. Ладыженский передавал: "После трудных переговоров я и Ли согласились обменяться тождественного содержания письмами, упомянув, что они написаны от имени наших правительств на французском и китайском языках. Россия и Китай соглашаются, ввиду обеспечения мира в королевстве и устранения недоразумения, не изменять существующего положения в Корее и не занимать ее территории". Подчеркнутые автором настоящего сообщения слова "они написаны от имени наших правительств" и определяют как раз ту суть соглашения, которая выпала из поля зрения прежних исследователей Тяньцзиньского соглашения Ли

Хунчжана - Ладыженского. А главная суть писем, которыми должны были обменяться Ли Хунчжан и Н.Ф.Ладыженский, заключалась именно в том, что они должны были быть составлены от имени российского и китайского правительства.

Согласно письмам-нотам, в первой их половине Россия ставилась в одинаковое положение с Китаем, а вторая половина писем обеспечивала бы неприкосновенность всей корейской территории. Тем самым Н.Ф.Ладыженский рассчитывал не допустить занятия Китаем части северной провинции Кореи Хамген с целью приблизиться к морю и отделить Корею от России полосой китайских владений. Это было очень важно, ибо Китай в то время вынашивал планы отторжения от России левобережья р.Туманган или отторжения от Кореи правобережья этой реки и открытия Маньчжурии доступа к морю.

Однако дальше договоренности об обмене письмами-нотами дело не продвинулось. По сообщению Ли Хунчжаном в Пекин текста писем-нот пекинский двор выразил желание, чтобы в них упомянуто было о вассальных отношениях Кореи к Китаю и об особых обязанностях Китая к правительству Кореи. Иначе он желал, чтобы сохранена была только вторая часть соглашения о том, что корейская территория не будет заниматься ни одной из договаривающихся сторон. В телеграмме Н.Ф.Ладыженского Н.К.Гирсу по этому поводу сообщалось: "Двор (пекинский - авт.) опасается, что переданное отсюда на его утверждение выработанное здесь соглашение лишит Китай сюзеренных прав в Корею. Ли Хунчжан неожиданно просит сократить первую часть о неизменности нынешнего положения, оставив лишь вторую. Постараюсь настоять на сохранении всего, если Министерство одобрит текст; иначе, полагаю, лучше не уступать внезапным претензиям и не подписывать ничего, ограничься словесным соглашением, достаточно выяснившим наши намерения и права, которые лучше сохранить в их полноте"¹⁰.

Телеграмма Н.Ф.Ладыженского 21 октября 1886 г. Н.К.Гирсом, разделявшим мнение российского поверенного в делах в Пекине, вместе со всеподданнейшей запиской была представлена Александру III и с санкции последнего 22 октября в Тяньцзинь отправили телеграмму со следующими указаниями: "Постарайтесь склонить Ли на подписание тождественной ноты, текст коей вполне одобрен. Если не удастся, удовлетворитесь словесным соглашением, которое, однако, не считаем вполне надежным"¹¹. Однако 24 октября в Тяньцзинь последовала из Петербурга еще одна телеграмма, которая предписывала Ладыженскому "отсрочить по возможности окончательное подписание соглашения". К этому времени Н.Ф.Ладыженскому, как явствует из донесения самого Ладыженского, "из достоверных сведений", сообщенных ему "близкими к Ли Хунчжану людьми", стало известно, что Ли Хунчжан "намерен напрягать все усилия, чтобы принудить Пекин к полному одобрению его соображений в настоящем деле" и даже объявить пекинскому Двору, что "в случае, если ему не будет предоставлена полная свобода в направлении корейских дел, он считает себя обязанным сложить всякую ответственность за последствия"¹².

Принимая во внимание секретные сведения о готовности Ли Хунчжана добиваться от пекинского Двора согласия на подписание письменного соглашения по корейским делам и руководствуясь телеграммой Н.К.Гирса от 24 октября, Н.Ф. Ладыженский объяснил Ли Хунчжану, что он не считает возможным согласиться на изменение писем-нот, в которых изложены "в крайне умеренной и справедливой форме лишь необходимые гарантии мира". "Сокращение же соглашения, - говорил Ладыженский, - и низведение его на степень не имеющего будущего договора не будет надежным обеспечением ни мирного преуспевания Кореи, ни средством к предотвращению всегда возможных между соседями недоразумений". Далее Н.Ф.Ладыженский объявил Ли Хун-

чжану, что, не считая переговоры прерванными, он возвращается в Пекин, откуда они могут письменно продолжать переговоры по корейскому делу. "Дальнейшее пребывание мое в Тяньцзине, - доносил Ладзыженский, - за достаточным выяснением вопроса, становилось не необходимым, а отъезд мой должен был, с другой стороны, доказать китайцам, что мы не имеем особых выгод в заключении соглашения, к которому относимся равнодушно, а, следовательно, помочь канцлеру в трудной борьбе его со столицей". Далее Н.Ф.Ладзыженский писал в донесении:

"Глубоко и искренно пораженный в своей гордости и униженный в своем самолюбии образом действий Двора, канцлер откровенно высказывал мне, настолько он сознает правильность моей точки зрения и насколько желал бы убедить Пекин в необходимости установить в корейских делах твердые основы, о которые разбились бы происки наших общих недоброжелателей. Он убеждал меня просить императорское правительство держаться условленного образа действий, обещая со своей стороны никогда не изменять своему слову и всячески оберегать и руководствоваться состоявшимся пока только словесно соглашением, постоянно сносясь во всяком затруднительном в корейских делах случае с представителем императорского правительства в Пекине.

После данной канцлером в честь мою обеда мы расстались в самых дружественных отношениях, и я выехал обратно в Пекин"¹³.

Сам Н.Ф.Ладзыженский явно преувеличивал результаты своей поездки в Тяньцзинь и переговоров с Ли Хунчжаном. В донесении Н.К.Гирсу от 26 октября (7 ноября) 1886 г. он прямо писал: "В заключение настоящего донесения возьму смелость высказать вашему высокопревосходительству, что пребывание мое и переговоры, происходившие в Тяньцзине, остановив развитие событий, которые должны были надолго, вероятно, возмутить мир Крайнего Востока, и окончательно выяснив точку зрения китайцев на Корею, дали нам вместе с тем возможность категорически высказать Китаю наше намерение, рассеять многие сомнения и выступить в корейском вопросе с соответствующим положению и могуществу нашему значением. Позволяю себе также предположить, что Китай отныне, зная нашу волю, с большей осторожностью отнесется к судьбе Корейского королевства, которое уже ныне обязано нам спасением своего повелителя и сохранением спокойствия и неприкосновенности. Возможность приобретения нами такого нового положения нельзя не приписать в значительной мере и проискам тех, кто, искажая наши намерения, старался внушить Китаю недоверие к нам. Усилия их возбудили в Китае только большее желание сблизиться с самым могущественным соседом, и наговоры наших недоброжелателей выставляли в глазах подозрительных, но не лишенных некоторой политической самобытности, китайцев не наши завоевательные стремления, а их бессилие"¹⁴.

Из приведенной переписки между министерством иностранных дел и Н.Ф.Ладзыженским по вопросу о переговорах с Ли Хунчжаном в Тяньцзине можно прийти к заключению: во-первых, предложения Ли Хунчжана о подписании письменного соглашения о признании существующего положения Кореи, неприкосновенности корейской территории и отказе Китая и России от ввода своих войск в Корею не были согласованы с пекинским правительством, точнее, не получили санкции пекинского двора, более того, первая часть этих предложений, касающаяся сохранения существующего положения Китая, была отвергнута Пекином; во-вторых, словесного соглашения между Ли Хунчжаном и Ладзыженским по корейскому вопросу, которого должны были придерживаться правительства Китая и России, не было достигнуто. Призывы же Ли Хунчжана, чтобы российское правительство в своей политике в Корее придерживалось позиции сохранения существующего положения Кореи и отказа от ввода своих войск на территорию Кореи, его обещания, что он со сво-

ей стороны будет руководствоваться в этих вопросах достигнутым пока еще только словесным соглашением, были только призывами и обещаниями самого Ли Хунчжана, а не пекинского правительства. Возникают поэтому сомнения: существовало ли вообще словесное или устное соглашение Ли Хунчжана - Ладыженского; если такое соглашение существовало, можно ли считать его соглашением между китайским и российским правительствами?

Министерство иностранных дел России в своей корейской политике исходило именно из факта словесного соглашения между Россией и Китаем и неоднократно возбуждало перед китайским правительством вопрос о замене этого словесного соглашения письменным. Этот вопрос был обсужден на Особом совещании о положении на Дальнем Востоке 7 февраля 1887 г. в Петербурге. В журнале Особого совещания, утвержденном Александром III, было записано:

"...Пользуясь настоящим случаем, начальник Азиатского департамента сообщил Особому совещанию о результатах переговоров, происходивших в сентябре минувшего года между нашим поверенным в делах в Пекине и Ли Хунчжаном и вызванные приписывавшимся китайскому правительству намерению овладеть Кореею. Между Ладыженским и Ли Хунчжаном было условлено, что как Россия, так и Китай будут заботиться о соблюдении status quo в Корее и воздерживаться от захватов ее территории. Соглашение это предполагалось облечь в форму тождественных нот, коими обменялись бы оба правительства. Но осуществлению предположения этого помешало заявленное цзунли-ямынем желание, чтобы в ноте упомянуто было, между прочим, и о вассальных отношениях Кореи к Китаю. Хотя отношения эти существуют издавна и сам корейский король, по заключению договора с нами, сделал императорскому правительству формальное сообщение по этому предмету, тем не менее министерство иностранных дел не признало возможным удовлетворить желание цзунли-ямыня, дабы впоследствии китайское правительство могло воспользоваться этим обстоятельством для предъявления на Корею каких-либо притязаний, несовместимых с нашими видами. Так как, по общему убеждению, обеспечение неприкосновенности Кореи должно составлять одну из целей нашей политики и подтверждение изложенного выше соглашения каким-либо формальным актом отвечало бы таковой цели, то Министерству иностранных дел весьма важно знать мнение Особого совещания о том, представляется ли удобным с точки зрения наших интересов поручить посланнику нашему в Пекине, в случае возможности, возобновить прерванные переговоры, в виду чего потребуется, по всей вероятности, предварительно выяснить взгляд китайского правительства на вассальные отношения к нему Кореи. По мнению Министерства иностранных дел, не должно бы встретиться препятствий к включению в тождественные ноты упоминания о вассальных отношениях, если бы цзунли-ямынь не предъявил каких-либо претензий, несовместимых с действительным положением.

Особое совещание признало вполне основательным взгляд Министерства иностранных дел и высказалось в пользу возобновления переговоров на вышеуказанных основаниях"¹⁵.

В мае 1887 г. российский посланник в Пекине А.Кумани поручил секретарю миссии Н.Ф.Ладыженскому переговорить с Ли Хунчжаном по корейскому вопросу. Ладыженский начал беседу с воспоминания о прошлогодних переговорах. Намекнув Ли Хунчжану о готовности России, "в случае необходимости, облечь в окончательную форму тогдашнее словесное соглашение о Корее", Ладыженский спросил его, не было ли речи в том же духе и в переговорах с Японией. По словам А.Кумани, Ли Хунчжан, ловко проскользнув мимо вышеозначенного намека Ладыженского, ответил без обиняков, что Япония действительно предлагала ему занять Корею, поясняя, что она не стала бы возражать против

подобной меры, но что он (Ли Хунчжан) оставил это предложение без всякого ответа, так как он считает притязания Японии на Корею мнимыми и фиктивными¹⁶.

В октябре 1889 г. на предложение А.Кумани возобновить переговоры по поводу тяньцзиньского словесного соглашения о Корее Ли Хунчжан согласился "в принципе обменяться о Корее, согласно прошлым переговорам, письмами" и просил даже прислать ему проект соглашения. А.Кумани отправил Ли Хунчжану такой проект¹⁷, но на этом дело застопорилось. И только в 1891 г. новый посланник России в Китае А.П.Кассини довел до сведения российского министерства иностранных дел "весьма щекотливый факт" относительно пресловутого "словесного соглашения", состоявшегося между Ли Хунчжаном и Н.Ф.Ладыженским в Тяньцзине в 1886 г. В конфиденциальном письме директору Азиатского департамента МИД Д.А.Капнисту от 20 ноября 1891 г. Д.А.Кассини писал: "Как Вашему Сиятельству известно, соглашение это, хотя оно было лишь словесное, должно было обеспечивать нас от всякой случайности со стороны Китая в Корее и, в то же время давало Китаю с нашей стороны подобную же гарантию. Вот уже пять лет, как мы основываем корейскую политику на этом соглашении и я верил в него как и все остальные. Между тем, при проезде через Тяньцзинь я убедился, что Ли Хунчжан, приняв от нас заявление, что мы не будем посягать на неприкосновенность Кореи, сам в то же время вовсе не давал соответствующего обещания от имени китайского правительства. Я узнал это от 2-го драгомана миссии г-на Ваховича, который присутствовал при совещаниях г-на Ладыженского с вице-королем, когда я прибыл в Пекин, этот факт подтвердили и другие члены миссии"¹⁸.

А.П.Кассини приведенный случай считал так необыкновенным, что затруднился дать ему объяснения. Но самым удивительным в "этом спутанном деле" он считал то, что "г-н Кумани, проведший около четырех лет в Пекине, отнесся ко всему, что ему говорил по сему вопросу г-н Ладыженский, как к словам Евангелия и, таким образом, сам бессознательно укрепил веру императорского правительства в существовании этого мифического соглашения". Письмо А.П.Кассини заканчивалось словами: "Но каково было бы впечатление и в каком странном свете мне пришлось бы выставить нашу дипломатию, если бы императорское министерство при известных обстоятельствах предложило мне напомнить китайскому правительству обязательства, которых оно и не думало брать на себя"¹⁹.

Еще более определенно А.П.Кассини высказался по поводу "словесного соглашения" Ли Хунчжана - Ладыженского в доверительном письме министру иностранных дел Н.К.Гирсу:

"Я принужден ныне довести до сведения Вашего Высокопревосходительства чрезвычайно важный и в то же время весьма щекотливый факт. Я имею ввиду пресловутое "словесное соглашение", состоявшееся в Тяньцзине в 1886 году между нашим поверенным в делах в Пекине г-м Ладыженским и вице-королем Ли Хунчжаном. Ваше Высокопревосходительство изволите убедиться из официальной переписки, происходившей по сему предмету между г-м Ладыженским и министерством иностранных дел, что по смыслу означенного словесного соглашения как Россия, так и Китай взяли на себя обязательство воздерживаться от какого-либо посягательства на целостность корейской территории. С 1886 года и по настоящее время императорское правительство, при своих дипломатических воззрениях и действиях в Корее, никогда не упускало виду этого весьма существенного пункта соглашения, обеспечивавшего нас от всякого сюрприза со стороны Китая в Корее. В инструкции, которою я был снабжен Вашим Высокопревосходительством при отъезде из С.Петербурга, прямо говорится о словесном соглашении 1886 г. как о гарантии, на кото-

рую рассчитывает императорское правительство и о котором мне предстоит, в случае надобности, напомнить китайскому правительству.

Между тем, во время моего пребывания в Тяньцзине, я узнал из безусловно достоверного источника, что при обмене мыслей, происходившем между Ли Хунчжаном и нашим поверенным в делах, первый вовсе не дал своего согласия, ни письменно, ни словесно, по главному предложенному ему г-м Ладыженским, т.е. относительно формального обещания Китая не посягать на целостность Кореи.

Это странное открытие, многоуважаемый Николай Петрович, меня крайне удивило и огорчило. Характер беседы Ли Хунчжана с нашим поверенным в делах не допускал возможность столь крупного и серьезного недоразумения, так как разговор велся через посредство секретаря Ли Хунчжана и в присутствии 2-го драгомана императорской миссии г-на Ваховича, следовательно, со всею, свойственною подобному рода разговорам медлительностью, позволяющею зрело обдумывать как вопросы, так и ответы. Из этого странного, полагаю даже небывалого в истории дипломатии, факта оказывается, что мы в течение почти пяти лет основывали свою политику в Корею на словесном соглашении, которого, в сущности, никогда не бывало. Г-н Ладыженский, увлеченный самыми лучшими намерениями, вероятно, принял свои мечты за действительность и неумьшленно, как я полагаю, ввел в заблуждение императорское министерство. Гораздо труднее объяснить себе, каким образом мой предшественник А.М.Кумани, пользующийся репутацией умного и опытного дипломата, в течение своего почти четырехлетнего управления миссией в Пекине, не заметил, что постановление пресловутого "словесного соглашения", к несчастью, основано лишь на недоумении, явившимся плодом слишком пылкого воображения молодого поверенного в делах, и, таким образом, сам содействовал укреплению в императорском правительстве убеждения в существовании этого мнимого соглашения.

Не имея положительно возможности объяснить себе этот странный факт, я могу лишь пожалеть, что он случился и, повинувшись долгу службы, довожу о нем до сведения Вашего Высокопревосходительства"²⁰.

Нам пока не удалось обнаружить в Архиве Внешней Политики Российской Империи документов, на основании которых можно было бы проследить реакцию Министерства иностранных дел и Александра III (в письме А.П.Кассини Н.К.Гирсу имеется помета: "Должено Его Величеству") на письме посланника в Пекине. Вполне возможно, что в Министерстве иностранных дел, в первую очередь сам министр Гирс, сочли нужным не придавать широкой огласке этот "странный и щекотливый факт". Ведь сам Н.К.Гирс имел непосредственное отношение к переговорам Н.Ф.Ладыженского с Ли Хунчжаном и, как показано выше, с одобрения Александра III давал прямые указания Ладыженскому в ходе переговоров с Ли Хунчжаном. С другой стороны, быть может, Министерству иностранных дел было выгодно считать словесное соглашение действительно имевшим место, чтобы продолжать настаивать на подписании письменного с Китаем соглашения о сохранении статус-кво в Корею и неприкосновенности корейской территории? Во всяком случае, вероятно, исходя из этих соображений, Министерство иностранных дел России вплоть до начала японо-китайской войны не снимало с повестки дня вопрос об оформлении с Китаем письменного соглашения по корейскому вопросу.

Последний раз Н.К.Гирс ставил вопрос о необходимости придать письменную форму устному соглашению Ли Хунчжана - Ладыженского во всеподданнейшей записке от 7 августа 1894 г. в связи с началом японо-китайской войны 1894-1895 гг. Он писал о необходимости возобновления с Китаем устного Тяньцзиньского соглашения "относительно взаимного обещания России и Китая не занимать постоянно своими войсками никаких пунктов корейской

территории" и на его основе обязать Китай в будущем, после окончания войны, вывести свои войска из Кореи²¹.

1. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на дальнем Востоке. 1960-1895. М., 1956. С. 395-396.
2. Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973. С. 154.
3. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979. С. 99.
4. Дипломатический словарь. В трех томах. Четвертое переработанное и дополненное издание. Т. II. М., 1985. С. 485.
5. Первые попытки в этом направлении были сделаны в докладе на XI Международной научно-практической конференции Иркутского Государственного университета "Россия и Восток: взгляд из Сибири в мае 1998 г. (см.: Пак Б.Б. Еще раз о Тяньцзиньском словесном соглашении Ли Хунчжана - Ладыженского 1886 г. // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к XI Международной научно-практической конференции 13-16 мая 1998 г. Иркутск, 1998. С. 244-248) и в первой книге монографии "Российская дипломатия и Корея. 1960-1888" (Москва-Санкт-Петербург-Иркутск, 1998. С.).
6. См.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика... С. 315.
7. Донесение временного поверенного в делах в Пекине Ладыженского министру иностранных дел Гирсу. Пекин, 26 октября 1886 г. № 32. АВПРИ, ф. "СПб. Главный архив, У-Аз", 1886 г. д. 2, л. 161.
8. Там же Л. 162.
9. Записка о положении дел в Корею. АВПРИ, фонд "Японский стол". оп. 493, 1885-1887 гг. д. 1, л. 159.
10. Копия секретной телеграммы поверенного в делах в Пекине Тяньцзинь, 7(19) октября 1886 г. АВПРИ, ф. "Японский стол", оп. 493, д. 115, л. 39-39 об.
11. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел Гирса от 9 (12) октября 1886 г.; Проект секретной телеграммы кол. ас. Ладыженскому. Отпр. 10(22) октября 1886 г. Там же, л. 41-42.
12. АВПРИ, ф. "СПб. Главный архив, У-Аз", оп. 181/3, 1886 г. д. 2, л. 166.
13. Там же, л.т 166 об.
14. Там же, л.т 168.
15. Журнал Особого совещания 26 января (7 февраля) 1887 г. АВПРИ, ф. "Китайский стол", оп. 491, д. 5, л. 10-18.
16. Донесение российского посланника в Пекине Кумани министру иностранных дел Гирсу. Пекин, 7(19) мая 1887 г. АВПРИ, ф. "Японский стол", оп. 493, д. 1, л. 294.
17. АВПРИ, ф. "Японский стол", оп. 493, д. 115, л. 68.
18. Конфиденциальное письмо посланника в Пекине Кассини директору Азиатского департамента МИД Капнисту. Пекин, 8(20) ноября 1891 г. № 30. Там же, л. 69.
19. Там же, л. 70-72.
20. Доверительное письмо посланника в Пекине Кассини министру иностранных дел Гирсу. Пекин, 8(20) ноября 1891 г. Там же, л. 74-76.
21. Всеподданнейшая записка Гирса от 26 июля (7 августа) 1894 г. АВПРИ. Фонд "Секретный архив министра иностранных дел", оп. 469, д. 174/180/181, л. 7-9.

Философия

Хэ Линь и современное конфуцианство

© 1999

А. Ломанов

Поиск глобального значения конфуцианской традиции стал одним из определяющих направлений творчества ведущих китайских мыслителей в последние десятилетия 20 в. Но начался он по крайней мере с конца 20-х годов, когда представители «нового конфуцианства» стали широко дискутировать столь популярные в наши дни темы демократии, открытости и культурно-религиозной толерантности. Именно из общих вопросов взаимодействия культурно-цивилизационных традиций Китая и Запада, соотношения традиции и модернизации впоследствии родилась проблема глобализации конфуцианских ценностей.

Если расположить представителей «нового конфуцианства» первой половины 20 столетия, внесших наибольший вклад в становление этой проблемы, по степени их известности на Западе, то первое место, скорее всего, будет принадлежать Лян Шумину (1893-1988), после него с некоторым отрывом встанут Фэн Юлань (1895-1990) и Сюн Шили (1885-1968)¹. Хэ Линь не может претендовать на первые места в таком списке. Однако его недостаточная известность не означает малой значимости его идей, многие из которых удивительно созвучны современным дискуссиям. Жизнь и учение этого примечательного мыслителя и пропагандиста западной философии в Китае могут во многом расширить и уточнить наши представления о развитии современных тенденций глобализации и обновления конфуцианской духовности.

Хэ Линь родился в 1902 г. в уезде Цзиньтан провинции Сычуань, в семье *шэньши*, и был воспитан в духе традиционных конфуцианских ценностей. Уже подростком он заинтересовался идеями неоконфуцианцев эпох Сун и Мин (10-17 вв.) В 1919 г. Хэ Линь приступил к учебе в пекинском Институте Цинхуа (*Цинхуа сюэтан*), на основе которого позднее был создан известный университет. Там он прослушал курс лекций мыслителя-реформатора Лян Цичао (1873-1923) по истории китайской мысли и по его же указанию занялся углубленным изучением идей философа-конфуцианца Дай Чжэня (1723-1777), одновременно Хэ Линь все более увлекался идеей ознакомления Китая с западной философией.

Учеба в США и Германии с 1926 по 1931 г. в решающей степени определила направление будущих научных интересов Хэ Линя. Обучение в Аме-

Ломанов Александр Владимирович - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

рике он начал с Университета Оберлин, где за полтора года завершил трехлетнюю учебную программу и получил степень бакалавра. Следующим этапом стал философский факультет Университета Чикаго, разочаровавший молодого китайского интеллектуала "пустыми прагматистскими разговорами об опыте". Хэ Линь задержался в Чикаго лишь на шесть месяцев, с марта по сентябрь 1928 г., чтобы прослушать курсы лекций Джорджа Г. Мида (1863-1931) по феноменологии духа и идеям европейского философа-интуитивиста Анри Бергсона (1859-1941). Недовольный прагматистской ориентацией профессуры, Хэ Линь углубился в самостоятельное чтение философской литературы, открыв для себя произведения английского последователя немецкого идеализма Томаса Х. Грина (1836-1882). Так произошел важный для китайского мыслителя поворот к философскому идеализму. Современный исследователь Чжан Сюэчжи назвал влияние Грина на мировоззрение Хэ Линя "решающим" и выделил два основных его направления - "поиск метафизических оснований морали" и "примирение веры и разума"².

Американский период интеллектуальных поисков Хэ Линя завершился в Гарварде, где ему довелось прослушать курс по философии природы Алфреда Н. Уайтхеда (1861-1947), курс по метафизике Уильяма Э. Хокинга (1873-1966). Параллельно он посещал лекции Эдгара С. Брайтмана (1884-1953) в Бостонском университете. Уайтхед оказал весьма существенное влияние на Хэ Линя, тем более что философия процесса напоминала китайскому студенту учение даосов и неоконфуцианцев о динамично изменяющейся вселенной. В ходе встреч студентов с Уайтхедом за воскресным чаем Хэ Линь услышал от великого философа о его интересе к китайской мысли и даже о том, что его философия имеет восточную окраску и потому должна быть особенно понятна китайцам. Одновременно Хэ Линь сосредоточился на изучении наследия гарвардского философа-неогегельянца Джозии Ройса (1855-1916), заложенная которым идейная традиция продолжала жить в Гарварде. Особый интерес у него вызвали книги Ройса "Лекции по современной философии" и "Дух современной философии", откуда Хэ перевел ряд глав, вошедших позднее в его первые изданные в Китае работы по гегельянству³. Обращение к учению Гегеля через американское неогегельянство дало Хэ Линю возможность на первых этапах учебы прибегнуть к опыту либерального и демократического гегельянства, обойдя политический консерватизм и авторитаризм поздних работ немецкого мыслителя. Вместе с тем, хотя впоследствии Хэ Линь настойчиво подчеркивал совместимость конфуцианства с демократической идеологией, некоторые исследователи все же отмечают, что он впитал гегельянское учение о государстве как о "высшей этической субстанции", в результате чего его воззрения обрели "сильный авторитарный окрас"⁴.

Стремясь оказаться поближе к колыбели немецкой классической философии, Хэ Линь отверг идею работы над докторской диссертацией в Гарварде и направился в Берлин, куда он прибыл осенью 1930 г. Перед ним встали существенные языковые проблемы, но усиленные занятия немецким и латынью все же позволили ему прослушать лекции еще одного великого неогегельянского философа того времени - Николая Гартмана (1882-1950). В Германии Хэ Линь глубоко заинтересовался философией Баруха Спинозы (1632-1677) и начал работу по переводу его "Этики". Статья Хэ Линя о религиозных аспектах философии Спинозы вызвала интерес у составителя полного собрания сочинений Спинозы на немецком и латинском языках Гебхардта, который пригласил молодого китайского ученого поработать к себе, в предместье Франкфурта, и даже дал ему рекомендацию для вступления в Международное общество Спинозы. Но Германия становилась все менее подходящим ме-

стом для философских изысканий. Устроенная нацистами травля еврея Гебхардта ускорила его кончину, Общество было закрыто, а осенью 1931 г. после пяти лет странствий Хэ Линь вернулся в Китай.

Открыто объявлявший себя философским идеалистом, Хэ Линь снижал к середине 30-х годов прозвание "китайского Фихте".⁵ Вплоть до своего перевода в 1956 г. в Институт философии АН Китая он преподавал западную философию в Пекинском университете. Студенты любили и уважали его не только за глубину знаний, но и за справедливость, заступничество в случае политических преследований. В 1948 г., во время празднования 50-летия университета, Хэ Линь получил от них выпел с титулом "Наша няня". Еще в 1937 г. он вошел в правление Китайского философского общества и сумел получить у гоминьдановских властей значительную сумму на переводы западной философской классики. Хэ Линь возглавил созданный при обществе Комитет по переводам, выпустивший более 20 работ, а в 1945 г. вышел его собственный комментированный перевод "Трактата об усовершенствовании знания" Спинозы. 40-е годы стали весьма продуктивным периодом в жизни Хэ Линя: им были написаны и изданы монография "Современная китайская философия"⁶, сборники статей "Краткое изложение современного идеализма" и "Культура и человеческая жизнь"⁷.

Политические симпатии Хэ Линя поначалу были на стороне Гоминьдана, который он отождествлял с суньятсенизмом. Ученый не раз встречался с Чан Кайши (1887-1975) и поначалу эти свидания вызывали у Хэ Линя чувство удовлетворения, тем более что он уходил с них с обещаниями материальной поддержки научным исследованиям. В 1942 г. он почти шесть месяцев читал лекции в гоминьдановской Центральной политшколе. Но со временем "китайского Фихте" стала раздражать поверхностность Чан Кайши, считавшего поэта Иоганна В. Гете (1749-1832) и философа Иммануила Канта (1724-1804) одним человеком⁸. Разрыв наступил в годы гражданской войны, когда Хэ Линь был до глубины души возмущен нежеланием лидера Гоминьдана признать серьезность политического и военного кризиса режима: в его присутствии Чан Кайши назвал поступившее известие о крупном наступлении армии коммунистов "безделицей"⁹. От эвакуации из Пекина в 1948 г. вместе с Академией Синика в Нанкин и далее на Тайвань Хэ Линь отказался.

После победы КПК он разделил судьбу многих китайских "буржуазных" ученых. В 1950 г. он, как и десятки тысяч других интеллигентов, был привлечен к участию в проведении земельной реформы. Это «участие» являлось одним из видов идеологического перевоспитания старой интеллигенции и было преимущественно пассивным: перевоспитуемые выступали в роли наблюдателей, дабы лично убедиться в классовой ненависти трудового крестьянства к эксплуататорам и серьезности намерений новой власти. Средство оказалось действенным. Став свидетелем земельной реформы в Шаньси и Цзянси, идеалист Хэ Линь позднее присоединился к кампании критики идеалистических идей своих недавних коллег-ученых Ху Ши (1891-1962) и Лян Шумина. Подобно Фэн Юланю, на волне оттепели "движения ста цветов" 1956 г. Хэ Линь выступил против засилья догматизма, в защиту свободы философских дискуссий. Он стремился представить «открытый идеализм», учитывающий реальное взаимопроникновение материализма и идеализма, орудием развития и окончательной победы марксизма. И все же в 1957 г. он подвергся критике как "правый элемент". Тем не менее 50-е годы были для Хэ Линя довольно плодотворными - ему удалось перевести и издать ряд работ Гегеля ("Малая логика", "Лекции по философии истории", "Феноменология духа", "Основы философии права"), "Этику" Спинозы. Отве-

чая на запросы времени, он также перевел несколько работ Карла Маркса (1818-1883), в том числе его докторскую диссертацию.

В целом Хэ Линь сумел адаптироваться к новой общественной ситуации, полностью отказавшись от дальнейших попыток собственного философского творчества и сосредоточившись на переводах западных философских текстов. После образования КНР он участвовал в работе комитета Демократической лиги в Пекине, входил в ЦК Демократической лиги, был депутатом НПКСК 2-го, 5-го и 6-го созывов. Вростания в новую идейно-политическую систему завершилось, в 1982 году вступлением 80-летнего ученого в ряды КПК.

Заслуги Хэ Линя как исследователя, переводчика и комментатора западных философских текстов общепризнанны. Не менее значительный интерес представляет другая сторона деятельности ученого, связанная с поиском путей развития конфуцианской традиции в условиях современности. Исследователь его творчества Сун Чжимин заметил, что для Хэ Линя "изучение западной философии как таковой не было самоцелью"¹⁰. Иными словами, подлинной целью творческих исканий философа в 40-е годы было развитие конфуцианской традиции за счет соединения ее ценностей с достижениями западной цивилизации.

Хэ Линь настаивал на том, что всякая культура является органическим единым телом, которое не может быть упрощенным образом рассечено на "основу" (*ти*) и ее "функцию" (*юн*). Этот тезис был направлен против восходящей к идеологу политики «самоусиления» Чжан Чжидуну (1837-1909) программы соединения китайского учения как "основы" с западным учением как "функцией-применением" (*чжунсюэ вэй ти, сисюэ вэй юн*). Хэ Линь полагал, что противопоставление Китая Западу как мира духовной цивилизации миру материальной цивилизации сводится в итоге к нелогичной трактовке самостоятельных культур как неразделимых "основы" и "функции".

Одновременно он подверг критике учитывающие идею целостности "основы" и "функции", но противостоящие друг другу идеи «фундаментальности китайской культуры» (*чжунго баньвэй взьхуа*) и ее "полного озападнивания" (*цюаньпань сихуа*).

В основу этой критики лег тезис о том, что сторонники двух "целостных" концепций забывают об инертности, устойчивости культур, об их связи с национальным духом и о присутствии в них вечных ценностей. В обсуждение данной проблемы Хэ Линь привнес учение Гегеля об абсолютном духе, которое помогло ему создать абстракцию "культуры как таковой". По его мнению, "основа" (*ти*) культуры есть Дао, которое представляет собой единство духа и рациональности, вечных ценностей истины, добра и красоты. Это общечеловеческое единство образует единый субъект (*чжунти*), способный впитывать и трансформировать культуры. Дух есть "конкретизация, усиление и социализация истины", тогда как культура - проявление духа¹¹. Дух, тождественный дао, предшествует культуре, которая выступает по отношению к нему в роли "функции" (*юн*). Таким образом, Дао как "основа" культуры не имеет национальной принадлежности, что дает возможность поставить вопрос о слиянии двух его "функций", или двух культур - китайской и западной, по-разному отражающих единую "основу". Хэ Линь исходил из того, что у мудрецов Китая и Запада "едино сознание-сердце, едины и принципы" (*синь тун ли тун*).

Он предложил программу изучения и заимствования западной культуры, учитывающую целостность и единство "основы" и "функции". Знакомиться с материальной стороной западной цивилизации без ее духовной сто-

роны, по его мнению, в принципе неверно. Полное перенесение в Китай западной идеологии вместе с ее институтами, будь то фашизм, демократия или коммунизм, невозможно: Китаю требуется не "озападнивание" (*ситуа*), а "трансформация западного" (*хуаси*)¹² - впитывание, усвоение и преобразование западной культуры на имеющейся культурной основе, с тем чтобы превзойти заимствованные образцы. Максимально полное освоение достижений западной науки не может быть приравнено к "озападниванию" по двум причинам: во-первых, наука принадлежит всему человечеству; во-вторых, она представляет лишь часть западной культуры. В то же время Хэ Линь подчеркивал, что чаемая "трансформация западного" невозможна, если ее проводить без предварительного уяснения всех аспектов западной культуры.

Основополагающая для Хэ Линя идея равноправности двух культур помогла ему избежать как нигилистического пренебрежения своей национальной традицией, так и высокомерия по отношению к Западу. Напомним, что культурно-философская концепция Хэ Линя складывалась в годы войны с Японией. В те трудные дни он описывал кризис Китая как кризис его культуры¹³, а возрождение нации отождествлял с возрождением конфуцианства и его ценностей. Возможность же обновления конфуцианства Хэ Линь связывал с темами "конфуцианизации" и "китаизации" западной культуры.

Хэ Линь звал к слиянию основоположений философских традиций Китая и Запада. К ведущим представителям западной традиции он отнес Сократа (470-399 до н.э.), Платона (428-348 до н.э.), Аристотеля (384-322 до н.э.), Канта и Гегеля. Из китайской философии для межкультурного синтеза он отобрал учения Конфуция (551-479 до н.э.) и Мэн-цзы (551-479 до н.э.), а также ряда неоконфуцианских мыслителей - братьев Чэн (Чэн Хао, 1032-1085; Чэн И, 1033-1107), Чжу Си (1130-1200), Лу Цзююаня (1139-1193) и Ван Янмина (1472-1529)¹⁴. Таким образом, главным содержанием нового конфуцианского проекта Хэ Линя стало слияние неоконфуцианских школ братьев Чэн - Чжу Си и Лу Цзююаня - Ван Янмина, а также соединение конфуцианства и западной культуры в целом¹⁵. Исследователи творчества Хэ Линя считают, что он исходил из идеи синтеза гегельянства с неоконфуцианским учением о "сознании-сердце" (*синь*), понимая "сознание-сердце" как "основу" (*ти*) вещей, а вещи - как "функцию" (*юн*) "сознания-сердца". Философия Хэ Линя опиралась на идеи неразделимости "сознания-сердца" и вещей, а также единства "сознания-сердца" и "принципа" (*ли*) - структурообразующего вселенского начала.

Хэ Линь считал, что основное течение в китайской мысли после начала «движения 4 мая» в 1919 г. представляет собой «новое конфуцианство», одной из составляющих которого является как раз конструктивная критика прежнего конфуцианства. Критический дух этого движения он оценивал как возврат к "подлинному" духу и смыслу учений Конфуция и Мэн-цзы. Сходным образом он оценивал и усилия мыслителя-западника Ху Ши по «очистке» китайской духовной культуры от накопившихся наслоений имперского конфуцианства.

В то же время Хэ Линь видел ряд недостатков не только в традиционной форме конфуцианской идеологии (омертвление, отход от истинного духа раннего конфуцианства и т.п.), но и в современных ее интерпретациях. В конце 30-х - начале 40-х годов наиболее известной попыткой адаптации традиционной философии к современным проблемам и методологическим стандартам было "новое учение о принципе-разуме" (*синь лисюэ*) Фэн Юланя. Однако Хэ Линь отнесся к усилиям Фэн Юланя весьма критически, упрекая его за одностороннее внимание к учению братьев Чэн и Чжу Си в ущерб наследию Лу

Цзююаня и Ван Янмина. Обращение Фэн Юланя с китайской философией показалось Хэ Линю слишком вольным, не в полной мере учитывающим присущее ей внутреннее единство школ и категорий. В результате учение о «принципе» (*ли*) и «пневме-субстрате» (*ци*) было оторвано от учения о «сердце-разуме» (*синь*) и «характере-природе» (*син*), мир идеального был противопоставлен миру реально существующего, а односторонний акцент на анализе сделан в ущерб синтезу. Оценивая основные итоги развития китайской мысли первой половины столетия, Хэ Линь в первую очередь отмечал значительное развитие учения Лу Цзююаня - Ван Янмина наряду с «новой гармонизацией» в отношениях между конфуцианством и буддизмом, а также между течениями братьев Чэн - Чжу Си и Лу Цзююаня - Ван Янмина¹⁶.

В изданных в КНР критических работах философия Хэ Линя именуется «новым учением о сердце-разуме» (*синь синьсюэ*), представляющим «синтез китайского учения о сердце-разуме с неогегельянством»¹⁷. Это определение дано по аналогии с «новым учением о принципе» Фэн Юланя, которое рассматривается как «синтез учения Чэн - Чжу о принципе с неореализмом». Уязвимость такой точки зрения обусловлена не только в упрощенной трактовкой роли Хэ Линя как напарника Фэн Юланя по борьбе с марксистской философией (первый пропагандировал субъективный идеализм, второй - объективный). Сам Хэ Линь никогда бы не назвал свое учение «новым *синьсюэ*», так как считал термин «*лисюэ*» синонимом неоконфуцианства в целом и отрицал значимость введенной Фэн Юланем дихотомии «*лисюэ*» - «*синьсюэ*» как двух конкурирующих течений внутри неоконфуцианства.

Некоторые исследователи полагают, что различие между Хэ Линем и Фэн Юланем не так и велико, так как оба они использовали «понятия западноевропейской буржуазной философии для модернизации конфуцианства, для придания ему наукообразного вида»¹⁸. В определенном смысле это так. Несмотря на различие интерпретаций китайского наследия и предпочтений в западной философии, двух мыслителей объединяет общая ориентация на синтез философских традиций Китая и Запада. Но не стоит забывать и о неогегельянском пренебрежении Хэ Линя к неореализму, прагматизму и логическому позитивизму, которые наложили существенный отпечаток на учение Фэн Юланя.

Для понимания идей Хэ Линя особенно важна крайне высокая оценка им мысли Сюн Шили. Среди источников воззрений последнего основное место занимают буддизм, неоконфуцианство и традиция «Книги перемен» («*И цзин*»), но при этом прослеживается и фрагментарное влияние близких Хэ Линю западных идей - философии процесса и гегельянства. Для Сюн Шили вселенная представляет собой единое целое, при этом внешний мир и сознание неразрывны. Обосновывая положение о том, что противопоставление духа и материи перестает быть значимым для мироздания, находящегося в процессе непрерывного изменения, он использовал понятия китайской классической философии «закрытие»-хэ и «открытие»-би («*Си цы чжуань*», I, 11), применявшиеся по отношению к «вратам» сокровенного лона Вселенной: тенденция к «закрытию» «изначальной субстанции» (*бэнь ти*) ведет к интеграции и появлению материальных объектов, а ее «раскрытие» имеет следствием индивидуализацию и относится к деятельности сознания. Отстаиваемые Сюн Шили идеи единства «среды» и «сознания», «основы» (*ти*) и функции (*юн*) оказались созвучными взглядам Хэ Линя, который увидел здесь искомое слияние неоконфуцианских течений братьев Чэн - Чжу Си и Лу Цзюаня - Ван Янмина. Напомним, что через последователей Сюн Шили Моу Цзунсяня (1909-1995) и Тан Цзюньи (1909-1978) эти идеи оказали значительное влияние

на формирование облика конфуцианской мысли второй половины 20 в. В этом отношении, в отличие от Фэн Юланя, Хэ Линь шел в ногу с магистральным течением конфуцианской мысли нашего столетия.

Следует отметить, что Хэ Линь видел в конфуцианстве нечто большее, чем собрание моральных поучений. Он рассматривал конфуцианство как универсальное и всеохватывающее учение, относя к сфере его взаимодействия с западной культурой как философию, так и религию и искусство, вместе представляющие собой единство абсолютных принципов, моральных ценностей и форм коммуникации. Его программа обновления конфуцианства подразумевала единство трех составляющих, которые Хэ Линь определял как «учение о принципе» (*лицзю*), «учение о ритуале» (*лицзю*) и «учение о поэтике» (*шицзю*). Первое нацелено на «поиск мудрости», второе призвано «закалять волю и направлять поступки», третье - «вскармливать дух и украшать нашу жизнь».¹⁹ По комплексности и многогранности понимания проблем межкультурного синтеза концепция Хэ Линя во многом приближается к современным трактовкам вопросов культурной глобализации.

Взаимодействие с западным искусством Хэ Линь рассматривал как способ «очистки» конфуцианства от внешней скованности и формализованности, придания ему большей эмоциональности и живости. Возрождение конфуцианства в этом отношении должно было строиться на новом осмыслении древнего понятия «искренности-честности» (*чэн*) - космического принципа общительности вещей, который приобщает человека к истокам мироздания.

Особого внимания заслуживает призыв Хэ Линя к развитию конфуцианского «учения о ритуале» с опорой на «квинтэссенцию» христианства. Этот подход не типичен для конфуцианских мыслителей первой половины 20 в. - большинство их рассматривало христианство как инструмент подавления китайской национальной культуры, препятствующий доступу к необходимым для возрождения Китая достижениям естественных наук. Здесь можно вспомнить о Лян Шумине и Фэн Юлане, немало писавших о «запутанности» религиозного сознания и ненужности христианства для китайской культуры.

Тезис о том, что в Китае нет религии, а есть только конфуцианские идеи, Хэ Линь не поддержал. Он считал, что религия в Китае есть, она тесно связана с культурной традицией и ныне сталкивается с проблемой приспособления к новой эпохе. В этом отношении опыт христиан может оказаться очень полезным: «Конфуцианское учение о ритуале предполагает богатство религиозных обрядов и религиозного духа, своей сердцевиной оно имеет человеческую этику и мораль. Религия сообщает морали энтузиазм, вдохновляет мужество. Религии присущи искренняя вера и дух непреклонности, ей свойственны дух всеобщей любви (*бо ай*) и милосердия, дух служения человечеству; религии присущи дух сокровенности и беспредельности, дух трансцендентности. Христианская цивилизация по сути есть основа западной цивилизации, она поддерживает духовную жизнь людей Запада, она глубока и всеобъемлюща, чего не замечают те, кто смотрит поверхностно. Если бы не было слияния сил религиозного знания «Неба» (*тянь*) и научного знания «вещей» (*у*), если бы религиозный дух не был взят за «основу» (*ти*), а материальная цивилизация в качестве «функции» (*юн*), то никогда бы не родилось ничего подобного великой западной культуре нового времени. Я осмеливаюсь заявить, что если китайцы не смогут воспринять квинтэссенцию христианства, отбросив при этом его вторичные компоненты, то влиятельная, сильная новая конфуцианская мысль не появится уже никогда»²⁰.

Хэ Линь полагал, что фундаментальными носителями ценностей двух цивилизаций являются соответственно конфуцианство и христианство. При-

нятая им идея единства человеческого духа определила вывод о том, что взаимодействие с христианской культурой является стержневым аспектом развития конфуцианской этики. Сопоставление и даже отождествление христианского понятия "любви" с конфуцианским понятием "гуманности-милосердия" (жэнь) была популярной в текстах христианских миссионеров и китайских сторонников адаптации христианства к китайскому культурно-цивилизационному контексту. Но это сопоставление шло вразрез с культурно-националистическими мотивами конфуцианской мысли первой половины столетия. На этом фоне тем более примечательна трактовка Хэ Линем фразы "Бог есть Любовь" из Евангелия от Иоанна: "Бог есть гуманность-милосердие (жэнь)"²¹. Он отмечал, что "поиск гуманности-милосердия" есть не только проблема морального воспитания и совершенствования человеческих отношений в этом мире, но и религиозное усилие по познанию Неба и служению ему. Хэ Линя привлекала возможность привлечения христианства для трансформации китайского менталитета в сторону бескорыстного и самозабвенного духовного поиска. Одновременно ему весьма импонировал настрой протестантских миссионеров на движение "в народ", служение людям - такой подход представлялся Хэ Линю дополнительной возможностью для развития современного конфуцианства в духе гражданского общества. Конфуцианское моральное "учение о ритуале" Хэ Линь пытался обновить при помощи разработанной в протестантском учении о предопределении идеи свободы воли, ссоединяя его с духом Просвещения и тенденцией к освобождению закрепощенной имперским конфуцианством духовно-эмоциональной сферы человека.

Хэ Линь отмежевался от тех своих современников, которые называли христианство "врагом науки", "врагом гражданского общества", "врагом пролетарской революции" или "врагом материальной культуры". Он отделил средневековое христианство от современного, назвав современную западную науку и религию разными проявлениями духа одной цивилизации²². Хэ Линь видел в христианстве в первую очередь дух свободного и наполненного искренним энтузиазмом поиска беспредельного Бога, или изначальной силы вселенной. Наследие средневековой церкви значило для него намного меньше, чем Реформация, по его мнению, принесшая с собой дух свободы и превратившая христианство из бывшего врага науки, демократии и индустриализации в их союзника. Христианство воспринималось и как западный противовес господству рационализма, исходя из чего Хэ Линь настаивал на союзе разума и веры. Мыслитель рассматривал религию как "основу", а этику - как соответствующую ей "функцию", неотделимую от "основ". Китайский исследователь Чжан Сюэжи отметил, что религиозность Хэ Линя основывалась на слиянии рациональной религии Гегеля и неоконфуцианского учения о Небе как «принципе» (*ли*), она «сверхморальна», не содержит антропоморфных божеств и свободна от суеверий и фанатизма²³.

Во взглядах на мораль Хэ Линь исходил из того, что она занимает господствующие позиции в жизни человеческого общества. В вопросе о соотношении морали и экономической жизни он отвел экономике подчиненное место "инструмента", задачей которого является обслуживание духовной жизни общества. Часто отмечают, что при этом Хэ Линь опирался на Макса Вебера (1864-1920), связывавшего развитие современного капитализма с духовными и морально-религиозными основаниями западной протестантской цивилизации²⁴. Хэ Линь отрицал возможность прямого воздействия экономики на "подлинную мораль", ибо как бедность, так и благосостояние не ведут напрямую ни к улучшению, ни к порче нравов. Вслед за Гуго Мюнстербергом (1863-

1916) он рассматривал экономику как “этическое достижение”²⁵, подразумевая определяющую роль этических моделей по отношению к экономическим.

Хэ Линь считал, что конфуцианство сможет трансформироваться соответственно требованиям времени; он не противопоставлял конфуцианские ценности демократии и не критиковал с их позиций современную западную цивилизацию. Модернизация конфуцианских ценностей, по его мнению, должна отвечать трем основным критериям - запросам эпохи, человеческим чувствам и рациональности.

В отношении “соответствия чувствам” Хэ Линь пошел по пути конфуцианских мыслителей конца династии Мин - начала династии Цин (17-18 вв.), подчеркивая важность “человеческих желаний” и недопустимость их противопоставления “небесному принципу” - совершенному природному структурирующему началу. Вполне в русле доктрины эмпирик-критической школы *пу сюэ* («простое учение»), получившей развитие в указанный период, он считал возможным совместить конфуцианские ценности с человеческим эгоизмом как с фундаментальной реальностью, чтобы использовать его в качестве инструмента и материала для реализации морального идеала. Моральное и утилитарное не противоречат друг другу, а их отношения могут быть представлены как связь “основы” и “функции”.

Учение о “трех устоях и пяти постоянствах”²⁶ (*саньган учан*) - основополагающих принципах общественных отношений и моральных добродетелях - Хэ Линь рассматривал как выражение вечных ценностей, раскрывающих истинный смысл бытия человека и его подлинную, природную сущность. Ядром конфуцианского учения о ритуале, поддерживавшим единство ценностей китайского общества, он считал “пять норм”²⁷ (*улюнь*) социального поведения, актуальных не только в прошлом, но и в настоящем и будущем: они не теряют своей ценности даже при переходе Китая на стадию индустриального общества.

В предложенной Хэ Линем программе обновления конфуцианской этики немало творческих интерпретаций, демонстрирующих совместимость традиционной этики с требованиями современности. Он заявил, что “пять норм” способны обрести в современную эпоху даже больше жизненных сил, чем в прошлом, так как соответствуют пришедшему вместе с капитализмом антропоцентристскому духу. Наступивший в западной культуре после эпохи Просвещения период внимания к человеку и межчеловеческим отношениям сблизил традиции Запада и Китая. В то же время, в традиционном виде конфуцианские “пять норм” не принимают во внимание иные важные отношения, такие как “человек - дух” и “человек - природа”. Хэ Линь призывал учитывать важность не только “пяти норм”, но и основывающихся на них “трех устоев”.

В целом его этическая аргументация подкреплялась как метафизической идеей связи конфуцианской этики с абсолютными, неизменными «принципами» мироздания, так и межкультурным аргументом о сущностном сходстве китайского “учения о ритуале” с западной этикой и духовной жизнью. К наиболее значимым точкам такого сходства на Западе Хэ Линь отнес учение Платона о нормах, “категорический императив” Канта, христианское понимание “морали как самоцели” и понятие романтической любви к женщине.²⁸ Сходство китайской и западной этики Хэ Линь пояснял, сопоставляя внимание Китая к чистому долгу (т.е. не отягощенному никакими посторонними соображениями) и акцент Запада на чистой морали и чистой любви.

Хэ Линь полагал, что большинство китайцев бессознательно обнаруживает в своем поведении присутствие конфуцианских ценностей, даже если внешне эти люди выступают против конфуцианства. Понятие “конфуцианской

личности" было истолковано Хэ Линем предельно широко. Практически он использовал его как синоним «человека с высокими моральными качествами», не связывая его с китайской культурной традицией или исторически сложившимися конфуцианскими нормами. Имея в виду нужды развития Китая, Хэ Линь подчеркивал необходимость расширения понятия «конфуцианской личности», распространения его на мир промышленности и коммерции, где также должны сформироваться люди с высокими моральными качествами и большим объемом знаний. Именно на этом пути будет зарождаться новая духовная цивилизация Китая, а индустриальное развитие страны обретет динамику и стабильность. Отражая дух эпохи, Хэ Линь настаивал на том, что предпринимателей нельзя исключать из круга «конфуцианских личностей» - причина здесь не только в возрастании их экономической роли, но и в их личных качествах, к которым относятся широкий кругозор, большие познания, неприятие старой отжившей морали. Активные и динамичные предприниматели выступают для Хэ Линя в качестве силы, преодолевающей ограниченность и узость традиционной моральной системы.

Примечательно, что если во внутрикитайском контексте моделью новой конфуцианской личности был назван Сунь Ятсен (1866-1925), то среди «обладающих конфуцианским обликом» зарубежных политиков были перечислены Джордж Вашингтон (1732-1799), Бенджамин Франклин (1706-1790) и Авраам Линкольн (1809-1865)²⁹. Как полагал в то время Хэ Линь, американская политика уделяет особое внимание моральному идеалу, что сближает ее с древним конфуцианским учением об идеальном моральном «пути правителя» (*ван дао*). Подчеркивая идею культурной всеобщности идеала человеческой личности и обнаруживая, помимо признаков китайского на Западе, присутствие западного идеала в Китае, Хэ Линь охарактеризовал тип личности Сунь Ятсена как «тип Иисуса».

* * *

На примере малоизвестного за рубежами Китая творчества Хэ Линя можно видеть, каким образом уже в первой половине 20 в. проходило формирование созвучных современности идей цивилизационной открытости конфуцианской культуры. Проблемы соотношения конфуцианских ценностей с христианством, демократией и современной экономикой Хэ Линь пытался решать в духе уважительного и равноправного диалога цивилизаций. Это делает его наследие актуальным для осмысления проблем глобализации конфуцианской этики.

Так есть ли существенное различие между идеей Хэ Линя о необходимости взаимодействия конфуцианской мысли как «основы» с западной культурой как «функцией» и раскритикованной им самим же формулой Чжан Чжидуна о «китайском учении» и «западном учении»? Мы согласны с Чжан Сюэчжи, подчеркнувшим, что это отличие есть и оно весьма существенно³⁰. Состоит оно в том, что Хэ Линь исходил из равноправия и коренного единства культурных ценностей, звал к их целостному и органическому постижению, тогда как позиция Чжан Чжидуна выражает прежде всего попытку механического соединения неререформированного конфуцианства с материальной цивилизацией Запада.

Знакомство с наследием Хэ Линя заставляет вспомнить о том, что «новое есть хорошо забытое старое». Например, становится очевидным, что современные мотивы конфуцианско-христианского диалога проистекают из старых споров о соотношении конфуцианских и западных духовных ценно-

стей. Особенность позиции Хэ Линя заключается в том, что он не игнорировал евроамериканскую протестантскую культуру, отыскивая пути ее конструктивного взаимодействия с обновляющимся конфуцианством. Горячо обсуждаемая ныне проблема применимости в Китае западного понятия прав человека также имеет прямую связь с прежними спорами новых конфуцианцев о совместимости конфуцианских ценностей и демократии. Демократическая и открытая западным ценностям мысль Хэ Линя дает позитивный пример рассмотрения этих сложных вопросов. В данной связи нельзя не вспомнить и о проблеме соотношения экономики и этики (прежде всего конфуцианской), ставшей актуальной в ходе современных споров о содержании понятия "конфуцианского капитализма" - она тоже имеет корни в идейных спорах первой половины 20-го столетия. И в этом отношении наследие Хэ Линя оказывается интересным теоретическим источником для участников современных дискуссий о будущем китайской культуры.

1. О наследии Лян Шумина см.: *Guy S. Alitto. The Last Confucian: Liang Shu-ming and the Chinese Dilemma of Modernity.* Berk., 1979; 2d ed. 1986; *Zbigniew Wesolowski. Lebens- und Kulturbegriff von Liang Shuming (1893-1988). Dargestellt anhand seines Werkes Dong-Xi wenhua ji qi zhexue.* Sankt Augustin, 1997. Из недавних работ о Фэн Юлане можно назвать следующие: *Michel C. Masson. Philosophy and Tradition. The Interpretation of China's Philosophical Past: Fung Yu-lan, 1939-1949.* Taipei-P.-Hong Kong, 1985; *Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юлани.* М., 1996; *Ломанов А.В. Судьбы китайской философской традиции во второй половине XX века. Фэн Юлань и его интеллектуальная эволюция // Информационный бюллетень № 1. ИДВ РАН. М., 1998.* Среди англоязычных публикаций о Сюн Шили выделяется статья Ду Вэймина: *Tu Wei-ming. Hsiung Shi-li's Quest for Authentic Existence // The Limits of Change: Essays on Conservative Alternatives in Republican China.* Ed. Charlotte Furth. Camb., 1976. Избранные тексты Фэн Юлани и Сюн Шили были опубликованы с хорошими комментариями в знаменитой антологии Чэнь Юнцзе: *Wing-tsit Chang. Source Book in Chinese Philosophy.* Princ., 1963. Автору неизвестны монографии или статьи о Хэ Лине на европейских языках. В работе В.Г. Бурова «Современная китайская философия» (М., 1980) можно ознакомиться с отдельными аспектами дореволюционных идей Хэ Линя, анализом его выступлений в ходе дискуссии 1957 г. и последующей критикой в его адрес. Среди китайских ученых наиболее авторитетными исследователями наследия Хэ Линя являются Сун Чжимин и Чжан Сюэчжи.
2. *Чжан Сюэчжи. Хэ Линь.* Тайбэй, 1992. С.12.
3. Сделанный Хэ Линем перевод из Ройса Хэйгээр дэ цзиншэнь сяньсянсюэ (Гегелевская феноменология духа) в начале появился в китайском философском журнале // *Чжэсюэ пинлунь*, 1933. Цз. 5, N 1. Тремя годами позже вышла переводная книга Ройса с длинным предисловием Хэ Линя: *Хэйгээр сюэшу* (Очерк учения Гегеля). Шанхай, 1936.
4. *Сяньдай синьжуцзя сюэань* (Учение современного нового конфуцианства). Ред. Фан Кэли, Ли Цзиньцюань. Пекин, 1995. Т. 2. С. 247.
5. *Сяньдай синьжуцзя сюэань.* Т. 2. С. 221.
6. Книга "Дандай Чжунго чжэсюэ" - "Современная китайская философия" - (Нанкин, 1947) была вновь издана в переработанном и дополненном виде почти через четыре десятилетия: *Хэ Линь. Ушиньянь лайдэ Чжунго чжэсюэ* (Китайская философия за пятьдесят лет). Ляонин, 1989.
7. *Хэ Линь. Цзиньдай вэйсиньлунь цзяньцзе.* Чунцин, 1943; *Хэ Линь. Вэньхуа юй жэньшэнь.* Шанхай, 1947.
8. *Сяньдай синьжуцзя сюэань.* Т. 2 С. 223.
9. Там же. С. 222-223.
10. Там же. С. 226.
11. Там же. С. 257.

12. Там же. С. 261.
13. Там же. С. 278.
14. Там же. С. 281.
15. Там же. С. 231.
16. *Хэ Линь*. Ушинянь лайдэ Чжунго чжэсюэ. С. 3. Хэ Линь говорит о примирении течений Чэн-Чжу и Лу-Вана внутри лисюэ, понимаемого как синоним неоконфуцианства вообще.
17. См. например: Чжунго сяньдай чжэсюэши ганъяо (Очерк истории современной китайской философии). Ред. Ли Чжэнься. Пекин, 1986. С. 314-328. Среди «идеалистических заблуждений» Хэ Линя китайские марксисты обычно указывают его идею «неразрывности сердца-разума и вещей», положения об ограничении применимости тезиса о первичности материи сферой естественных наук, признание способности гения к интуитивному познанию, признание единства знания и действия, а также многочисленные ошибки в интерпретации марксистской диалектики и материалистического взгляда на историю.
18. Буров В.Г. Современная китайская философия. М., 1980. С. 57.
19. Эта «триединая» программа стала главным тезисом написанной в 1941 г. известной статьи Хэ Линя: «Жуцзя сысян да синь кайчжань (Новое развитие конфуцианских идей) // Сяньдай синьжуцзя сюэань. Т. 2. С.281.
20. Там же. С. 282.
21. Там же. С. 283.
22. Там же. С. 259. Можно заметить, что прагматический интерес к модернизационному опыту христианства явно проявляется у китайских ученых и в наши дни, на пороге 21 в.
23. *Чжан Сюэчжи*. Цит. Соч. С. 276.
24. Сяньдай синьжуцзя сюэань. Т. 2. С. 243
25. Там же. С. 346, 348.
26. «Три устоя»: нормы отношений между правителем и чиновником, отцом и сыном, мужем и женой. «Пять постоянств»: «гуманность-милосердие» (*жэнь*), «долг-справедливость» (*и*), «ритуальная благопристойность» (*ли*), «разумность» (*чжи*), «доверие-благонадежность» (*синь*).
27. «Пять норм»: отношения правитель-чиновник, отец-сын, муж-жена, старший брат-младший брат и между друзьями. Также могут быть синонимичны упомянутым выше «пяти постоянствам».
28. Сяньдай синьжуцзя сюэань. Т. 2. С. 246.
29. Там же. С. 288.
30. *Чжан Сюэчжи*. Цит. соч. С. 260-261.

Культура

«Новое кино» в КНР: прыжок от несвободы к свободе

© 1999

С. Торопцев

В первой половине 80-х годов в Китае, как в континентальной части, так и на Тайване, на экран вышли фильмы, столь резко отличавшиеся от привычной прокатной продукции, что породили термин "новое кино". Критики понимали этот термин по-разному. Одни усматривали в нем коренную ломку традиционного китайского киноискусства, другие видели временный отход в сторону, как бы в тупиковую ветвь. Аргументы последних особенно отчетливо звучали на Тайване. Это вполне объяснимо - там отличие "нового кино" от работ предшествовавшего периода было менее резким, поскольку в развитии островной кинематографии наблюдалось больше последовательности и перемены накапливались постепенно, а не скачкообразно, как в КНР.

Сторонники "тупиковой" теории были правы в одном: периоды 1983-1986гг. на Тайване и 1984-1985гг. в КНР оказались уникальными, и в том виде, в каком возникли, не повторились ни там, ни тут. Но осталось ли "новое кино" в мертвом тупике, не дав всходов? Уверенно можно сказать - нет. Искусство китайского кино после середины 80-х преобразилось, и следы авангардного "нового кино" в нем отчетливо видны. А раз так, встает другой, еще более важный вопрос - в какой степени "новое кино" было неизбежным. Была ли ему альтернатива? Привела ли к нему логика последовательного развития или это результат единовременного "большого взрыва"? Разные исторические, социально-политические, эстетические условия Тайваня и КНР отвергают возможность единого ответа. Поэтому исследование придется вести в разных статьях но, непременно перекликающихся. В этой статье мы поговорим о КНР.

Обычно преобразования в области кино либо спонтанно вызревают в нем самом при косвенном влиянии социального климата, либо директивно и безапелляционно вносятся в него извне. Последний вариант был реализован в КНР в 1949 г., когда с окончанием гражданской войны победители сменили социальную систему и во все ее сферы стали вносить существенные и принципиальные коррективы. Нечто подобное в тот же период произошло и на Тайване, хотя не столь всеохватно и категорично и, что весьма важно, отнюдь не без связи с предыдущим искусством.

Специфика китайского кинозрителя 1949 г. была таковой, что в основе его эстетических представлений намного меньше, чем у западного зрителя, лежали критерии именно кинематографические. Причины тому достаточно весомые - тысячелетние. Искусство становится самоценным лишь у небольших радикальных художественных группировок. В целом же оно как социальное явление вторично, то есть как бы является приложением, дополнением к чему-то, что необходимо понять, объяснить, прокомментировать. Вопрос в том, что оно "дополняет": понимание самого социума или его носителя, человека. Для традиционного китайского искусства, на котором веками воспитывался зритель, социум был первостепенным, и человек при всей его индивидуальности выступал прежде всего как единица этого социума.

К тому же искусство кино в КНР не только к 1949 г., но даже и к концу 70-х годов (на Тайване рыночная альтернативность раньше привела к специфичности кинематографии) еще не успело достаточно четко отграничиться от других видов искусства, выработать свои методы и нормативы. Традиционный театр, главенствовавший в художественной сфере, опирался прежде всего на жест и ассоциативную символику. Они-то и определяли в первую очередь путь формирования эстетики кино. Поэтому даже из литературы извлекались главным образом внешняя канва, фабульность, поступок, то, что в последующем киноведении нашло свое выражение в термине "action". Во всем этом находили отражение принципы конфуцианской социальности, в которой человек, не расставаясь с индивидуальным обликом, оставался индивидуумом социальным, а не частным.

Справедливости ради нельзя не сказать, что с конца предыдущего века, когда Китай познакомился с кинематографом, тогда еще привозным "заморским аттракционом", и до 1949 г. он перманентно находился в состоянии войны то с внешним, то с внутренним противником, что не создавало, естественно, тех условий, в которых возможно возвращение гуманистической эстетики. Фронтные настроения приводили либо к патриотической экзальтации, либо к индифферентной отстраненности, легкой развлекательности.

Сама творческая среда была подвержена тем же веяниям. Однако наиболее талантливые и чуткие художники создавали произведения, диссонирующие с ними. В киноведческих работах последних лет принято именно в таком плане упоминать фильм Фэй Му "Весна в городке" (1948), долгое время недооценивавшийся на Тайване и даже порицавшийся в КНР за "мелкобуржуазность". Этим политизированным термином обозначали попытку вывести на авансцену отдельного человека с его частными проблемами и лишь через его восприятие передать социальную атмосферу. В другом фильме - "Маленькие люди" Юань Мучжи - герои не покидали социума, но иерархичность их была не заметна, а в глаза бросались мелкие человеческие черточки, составлявшие характерный облик данного персонажа. Появление таких фильмов показывало возможность эстетического поворота китайского киноискусства в гуманистическом направлении, что в дальнейшем, при расширении производства именно такой продукции, могло вырастить иного зрителя, который не искал бы на экране руководящего указания, а общался бы с человечески равным, хотя и более мудрым собеседником.

Подобного не произошло. Анализируя развитие кинематографии в провозглашенной в 1949 г. КНР, необходимо четко отграничивать лозунги от реальной ситуации. Хотя во многом они оказывались созвучными - не внешне, а в глубинных основах. Формально "старое кино" было отброшено как "феодалное" со всеми его конфуцианскими этическими и эстетическими принципами. Фактически же лежавшие в основе конфуцианства государст-

венность, социальная иерархичность, отодвигавшие в тень индивидуума, сохранились в своей сущности, сменив лишь одеяния на красно-революционные. В эйфории разрушения старого и созидания нового общества человек был нужен лишь постольку, поскольку включался в эти разрушение и созидание. Даже "частная жизнь" семьи, не оставшаяся без внимания экрана, подавалась непременно под их активнейшим влиянием.

Возможно, наиболее гуманистический настрой начального периода КНР проявился в фильме "Седая девушка". Главная героиня - не боец, а жертва: это немаловажный акцент для времени, еще дышавшем гарью недавних сражений. Обездоленная девушка - на авансцене авторского внимания. Причем главное - не ее взаимоотношения с обществом, а личная судьба в рамках этих взаимоотношений. Такой ракурс можно рассматривать как продолжение шанхайских поисков 30-х годов.

На таком фильме мог бы вырасти прекрасный кинематографический зритель, ищущий на экране человека, живущего, бесспорно, в обществе, но обладающего своими личными переживаниями и чувствами. К сожалению, сам он вырасти не мог. Его должны были вырастить, вскормить, взлелеять. Нашлись бы и те, кто способен был это сделать. Но им были поставлены цензурные рамки, ограниченные проблемами этатизма. В сюжетобразующем треугольнике Сизэр ("седая девушка") - Хуанжэнь (помещик, купивший Сизэр себе в наложницы) - Дачунь (ее деревенский возлюбленный, ушедший в коммунистическую Красную армию и вернувшийся для мести) человеческие взаимоотношения отошли на задний план, уступив приоритет социальным ("классовым"), и все критические оценки ситуаций и героев фильма исходили именно из этого социально-политического треугольника.

Можно утверждать, что кино КНР началось с фильма "Жизнь У Сюня". В фильмографических справочниках стоят иные названия - та же "Седая девушка", "Мост", "Искры" и другие произведения, которые уже начинались в производстве как фильмы "Нового Китая", оппозиционно противопоставленные кинолентам "Старого Китая".

Но между ними был перекинут некий мосток, один пролет которого уходил от "Старого Китая", а другой уже подходил к берегу "Нового Китая". И вот то, каким образом эти два конца моста отличались один от другого, показывает истинное различие социальных, философских, эстетических принципов в противоположных политических системах, весьма эфемерно соединенных этим случайно там оказавшимся мостком - фильмом "Жизнь У Сюня" (режиссер Сунь Юй, сценарий его же). Фильм рассказал о некоем бедняке, собиравшем милостыню, который затем открыл ростовщическую контору и собрал капитал, чтобы создать несколько бесплатных школ для таких же, как он сам был в начале жизни, нищих страдальцев. В задумке Сунь Юя и исполнении прекрасного актера Чжао Даня внимание зрителя акцентировалось не на бессердечном обществе, жертвой которого оказался главный герой в начале жизненного пути, а на гуманистических порывах его натуры. Уже самим названием он был поднят на высоту образцового подражания: то, что на русский язык переводится условно, как "Жизнь У Сюня", в оригинале звучит "У Сюнь чжуань", где слово "чжуань", означающее "биографию", "летопись", "житие", применимо лишь к категории уровня, например, христианского святого.

Официозные круги КНР не допустили прославления такого персонажа. Не сразу спохватившись (широкий прокат киноленты с длинными очередями, апологетические рецензии - ибо общество уже было подготовлено к эстетическим переменам кинематографическими работами 30х и особенно середины 40х годов), они затем остановили демонстрацию фильма и вернули его на дора-

ботку, чтобы усилить негативные оценки самого дореволюционного общества и профессии ростовщика как "кровопийцы".

Более того, через небольшой промежуток времени вокруг этого фильма развернулась ожесточенная политическая кампания с откровенной критикой, целью которой было показать, какими должны быть фильмы, персонажи, строй их мыслей по отношению к государству и, главное, партии. Самых кинематографистов (не только участвовавших в создании "Жизни У Сюня", но весь этот творческий корпус) принудили в той или иной мере к публичным покаяниям в "мелкобуржуазности" и громогласно-жестким обещаниям "служить рабочим и крестьянам".

Сутью внедрявшихся принципов были этатизм, государственность, партийность, самоуничужение (отвержение собственного "Я"), служение вышестоящему по социальной иерархии. Все, как видим, старые знакомцы. Новой была лишь коммунистическая догматика, но она ничего принципиально не меняла, лишь мимикрировала, но задержалась на довольно продолжительный срок. И это последнее тоже немаловажно, так как такая идеология откладывалась в подсознании потребителей произведений искусства, определенным образом формируя в них ряд эстетических ожиданий. И зрители выражали возмущение, если фильм не отвечал этим их ожиданиям. С каждым годом такие возмущения становились все четче, резче, яростней, выливаясь в кампании, причем больше политические, чем эстетические. Уничтожение персонажа-человека и замена его персонажем-типажом к этапу "культурной революции" сконцентрировалось в четких формулах: "одному классу - один тип", "одной профессии - один тип", герой - "наивысший, совершеннейший, выдающийся" человек.

Формирование кинематографии КНР (всего комплекса "творец - зритель") шло в социо-политических рамках, и "эстетические ожидания" потенциальной аудитории включали в себя фильм, служивший как бы зеркалом общественного бытия. И не больше. Важно не то, что зрители жаждали зеркала", а то, что им и ограничивались. Только это и было необходимо зрителю. Фильм, отразивший не то, что он видел (или полагал, что видит) вокруг себя, воспринимался как "неправдивый", "лживый". В русле именно таких ожиданий в 1958 г. возник так называемый "документальный художественный фильм", павильонно воспроизводивший реальные ситуации, никоим образом не видоизменив их (первостепенным был выбор такой "образцовой" ситуации, которая утверждалась в самых высоких инстанциях). По этой же причине в начале 60-х годов в фильме "Ли Шуаншун" вынуждены были менять фабулу, потому что за несколько месяцев съемок видоизменились лозунги, на которых она базировалась, и социологизированный зритель не воспринял бы изображенный социальный фон как "правдивый".

Таким образом, зритель целиком и полностью взял на себя цензурную функцию контроля над тем, как соответствует художественная действительность фильма действительности реальной. Отдельный разговор должен бы пойти насчет того, насколько реальной являлась та действительность, которая усилиями политической пропаганды формировалась в сознании гражданина. Несколько декларативно, но горько-откровенно раскрывает эту ситуацию фильм 1979 г. "Улыбка страдальца", где в кошмарном сне редактор как представитель тоталитарных сил общества силовыми методами подавляет сознание демократически настроенного журналиста, вынуждая того в конце концов черное назвать красным.

Большинство современных теоретиков КНР пытается раскрыть историю кино после 1949 г. таким образом, будто период наиболее яростного наступления тоталитарных сил с середины 60-х и вплоть до второй половины

70-х как бы выпадает из цельного и последовательного развития кинематографии КНР. По существу же эти периоды различаются не качественно, а лишь количественно. И “культурную революцию” мы скорее должны рассматривать не как особый “левацкий” период, а как весьма откровенную, обнаженную, доведенную до крайности форму выражения тех тенденций, которые превращались в господствующие еще в 30-е годы в коммунистических районах в Яньани и приоритетно развивались в КНР после 1949г.

Если бы это было не так, и то, что мы называем “новым кино”, зависело лишь от внешней свободы действий кинематографистов, то оно могло бы возникнуть сразу по получении первичных элементов этой свободы после 1979г., когда Китай, подобно айсбергу, стал медленно оттаивать от тоталитарного холода. Но нет, перед “новым кино” стояли еще преграды социополитического свойства. И кинематографист, и зритель были не готовы к “новому кино”, им требовалось еще “новое кинематографическое мышление”, предтечей коего должно было стать “новое социальное мышление”.

Показательна в этом плане критика в 1979 г. фильма “Сяохуа” - произведения, в котором уже отошли от изображения социополитического монолита “общественного человека” и попытались показать человека на войне не только как часть боевого механизма, но еще и просто как личность. Для этого кинематографисты прибегли к ряду специальных визуальных эффектов как средству проникнуть в индивидуальный “поток сознания” заглавной героини. С точки зрения мирового киноискусства никаких открытий они не сделали, но для кино КНР это было необычным - и техническая сторона этих эффектов, и психологическая нагрузка на них в фабуле. Они открывали в сознании героини то, что не носило никакой социальной функции и принадлежало только ей лично, индивидуально, частно. Непривычность подобной стилистики закрепили ярлыком “эстетизм”, звучавшим негативно, а инициаторами этого осуждения были как зрители, так и некоторые кинематографисты.

Итак, к 80-м годам мы видим в КНР преимущественно “социально ориентированного” кинематографиста и зрителя, ностальгически вспоминавшего произведения 50-60-х годов и жаждавшего лишь возрождения того искусства. Это был еще не тот фон, на котором выросло “новое кино”.

Что же все-таки привело к “новому кино”, более того, сделало приход его неотвратимым? Само общество как таковое. Кинематографические перемены оказались обусловленными почти исключительно социальными причинами. Иная структура “человека общественного”, снижение в нем общественного начала и увеличение индивидуально-частных черт и особенностей породило на первых порах раздвоение кинематографических ожиданий: “человек общественный” все еще тяготел к социально значимым произведениям, тогда как “человека частного” - зрителя и кинематографиста - робко потянуло к самопознанию, самовыражению зародившегося личностного начала, не абсолютно зависимого от общества.

После 1979 г. китайское общество стали встряхивать такие структурообразующие процессы, как демократизация и урбанизация. Особенно важным для кинематографии оказался переток населения в города. Это дало более быстрые результаты. Тоталитарная доктрина культуры опиралась в первую очередь на крестьянство как более инертную, чем горожане, массу. Переток значительной части крестьян из консервативной деревни в еще не полностью “открытый”, но уже “открывающийся” мировой культуре город, даже при частичной маргинализации бывших крестьян, размывал тоталитарное сознание, порождал сомнения и иные запросы. На рубеже 70-80-х годов ослабленным оказался политический контроль, и благодаря демократическим веяниям в сознание населения внедрялись иные социальные, гуманитарные, эстетические ценно-

сти. И пусть "стена демократии" начала 80-х годов через какое-то время была разрушена, - зароненные зерна нового сознания дали всходы.

Китайская критика отмечает, что на первом этапе начального движения произошел отказ от эстетики "культурной революции" во имя возвращения к принципам 50-х годов, иллюстрируя это прежде всего творчеством режиссера Се Цзиня ("Сказание Заоблачных гор", "Табунщик", "Поселок Лотосов" и другие фильмы первой половины 80-х годов).

Думается, что это не совсем точные формулировки. Эстетика "культурной революции" не являлась чем-то чужеродным по отношению к приоритетной эстетике 50-60-х годов. И фильмы даже Се Цзиня (одного из наиболее ярких представителей обновляющейся кинематографии КНР рубежа 70-80-х годов), а уж тем более "поточных" авторов не отбрасывали эту эстетику, поскольку само сознание творцов этих фильмов было пропитано ею. В основном они лишь меняли политический курс, политические знаки ситуаций и персонажей, стремясь "черное" назвать уже "черным", а не "красным", как прежде; "красное" же они именовали не «красным», а "черным". Они думали о "цвете", в который ситуацию и персонажей окрашивает общество, но еще не о сознании персонажа, не о том, что этот "цвет" он мог бы воспринять вне зависимости от актуальных общественных тенденций. Характерно, что герои Се Цзиня - чаще крестьяне, чем горожане, и если покидают деревню, то больше ради поселка, чем большого города. В этом заключена не "география" фильма, а его социология и эстетика. Недаром вскоре молодой критик Чжу Дакэ, представлявший уже следующее поколение более урбанизированных и гуманизированных кинокритиков, резко оценил творчество Се Цзиня (не из-за личной неприязни, а именно как лидера тогдашнего кино), навесив на него ярлык "нового конфуцианства", аргументированно, в методике типологических теорий, доказывая, что художественная структура кинематографии Се Цзиня базируется именно на конфуцианском "общественном человеке", игнорируя частную жизнь индивидуума.

Се Цзинь создавал свои фильмы в те годы, когда в партийно-государственный монолит кинематографии КНР потихоньку начали внедряться рыночные тенденции. Централизованные органы управления, производства и проката постепенно теряли свои функции, отдавая их нижестоящим организациям. Частное мнение критика в журнале переставало быть сенсацией и политическим нонсенсом. Студии, оставаясь в целом государственным производителем, дробились на структурно подчиненные студийному административному управлению, но во многом самостоятельные компании. В более вольных и богатых южных провинциях появились отдельные частные производители. Они не "дразнили гусей", не лезли в политику, оставаясь в сфере развлекательного зрелищного кино для молодежи, тем самым получая лояльное отношение властей, в то же время принимались снимать менее социологизированные фильмы. Через какое-то время прокат был отделен от производства, и теперь авторам фильмов приходилось продавать их прокатчикам, а значит, думать о доходе, о заполняемости зала (случалось, что фильмы так и оставались существовать в единственной авторской копии, не купленные ни одним из прокатных учреждений).

Таким образом в раздробленную цепь "производство-прокат" было введено соединяющее их звено "зритель", и обе стороны принуждены были заботиться о привлечении его. Тем более, что деформирующееся общество КНР порождало гражданина-индивидуума, чьи социально-политические, экономические, культурные потребности уже не вмещались в формулировки центральной партийной печати, а становились личностными. Частному гражданину необходимо было частное кино, то-есть фильм, над которым он мог бы

поразмьшлять, исходя из своего собственного опыта, и сделать из увиденного свой вывод. Порой совпадающий, а порой и контрастирующий с тональностью партийной прессы. Это был уже зритель, опасный для унифицирующих тоталитарных структур. Такой зритель стал появляться в кинозале КНР, и он оказался не пассивным потребителем киноискусства, а творцом, поскольку его меняющиеся запросы оказывали непосредственное воздействие на авторов фильма и его прокатчиков, вынуждая их делать картину более зрелищной, привлекательной и тем самым поднимать доход кинотеатра.

А что же в этот период происходило с самими кинематографистами? В 1979 г. прервались 30 лет незыблемой преемственности гражданского и эстетического опыта поколений. Гражданским опытом предшественников было созидание, отлакированное звучной партийной пропагандой. Эстетическим опытом - привычные этатистские тезисы "социального кино", в котором не было места частному человеку. И главное - все это варилось в собственном соку закрытого для мира общества.

В 1979 г. в Пекинский институт кинематографии пришли молодые люди, испытавшие разочарование в лозунгах, кем бы они ни были в "культурную революцию" - хунвэйбинами или их жертвами. Их кумиром стала реальность подлинная, очищенная от лозунговой шелухи. Они знали жизнь не из газет, а по собственному опыту, который и стал для них критерием истины. Зарубежное кино предстало перед ними уже не только советскими, аналогичными их собственным, фильмами, а всем широким спектром мировой кинематографии. Каждый из них понял, что он должен постичь мир своим разумом, войти в него единственным, своим путем.

Из этих структур и составилось "новое кино" 80-х. Каким же образом точнее определить суть и смысл его появления? Думается, что оно проявилось прежде всего на рубеже между несвободой и свободой. Подчинивший себя обществу и тем самым несвободный гражданин как раз и имел то несвободное, замкнутое в круге социальных проблем, кино, каким оно и было в КНР. На экране он видел таких же несвободных людей: лояльных граждан, созвучных своему обществу, или врагов, диссонирующих с ним. Когда на рубеже 70-80-х годов сменились политические ориентиры, камертоном все равно оставалось общество, подчинявшее себе гражданина и не оставлявшее ему никакого суверенного пространства. И гражданина в зале это вполне удовлетворяло - до тех пор, пока в нем не начало высвобождаться отдельное от других людей личностное пространство. Оно-то и потребовало адекватности на экране.

Освобождение личности в гражданском обществе, начавшем формироваться в КНР, вызвало к жизни более свободное кино, которое отказывалось от прямого изображения общественных проблем. Его-то мы и называем "новым". И, думается, в этом философском аспекте - прыжке от несвободы к свободе - и заключена суть "нового кино", хотя, разумеется, как художественное явление оно способно и достойно быть подвергнуто не только философскому, но и искусствоведческому анализу, который с несомненностью покажет, что новому менталитету соответствовали новые средства выражения.

В 1982 г. Пекинский институт кинематографии окончила группа первых после "культурной революции" выпускников - Чжан Цзюньчжао, Чэнь Кайгэ, Чжан Имоу, Тянь Чжуанчжуан и другие, молодые люди с новым менталитетом, не столь скованные догматикой предшествовавших десятилетий (а в чем-то и веков), более свободно, более лично воспринимающие тезисы современной и традиционной идеологических структур. "Культурная революция", в перестроечном разрушении остановившая процесс образования, в чем-то даже сослужила им добрую службу, освободив от регулярного образо-

вания, обычно вводившего учащегося в рамки официальной догматики и подчинения, внедрявшего в них "внутреннего редактора". Их новое мышление обтесывалось где-нибудь на лесоповале, под сенью "царя-дерева" (как в повести А Чэна и экранизации ее), среди "естественных" людей, живших реальной, а не декорированной догмами жизнью. Для знаний они были открыты, и к чести Пекинского института кинематографии он с первых же лет постарался ввести их в современный мировой кинопроцесс. Студенты вникали как в сам практический творческий опыт (зарубежные фильмы, шедшие поначалу еще на закрытых просмотрах), так и в теоретическое его осмысление с самых разных культурологических и философских позиций, а не только с точки зрения одного марксизма, как было до этого. Активно делались переводы зарубежных работ для внутриинститутского пользования, приглашались западные преподаватели. Ставка в Институте была сделана на то, чтобы "преодолеть аномалии и псевдореализм" предыдущего периода. Дерзких молодых выпускников приютила отдаленная от Центра и потому несколько более свободная Гуансийская студия (а позже - и Сианьская, где директором с 1983 г. стал отчаянный У Тяньмин - по возрасту он был чуть старше начинающих коллег и незадолго до этого закончил специальные режиссерские курсы при Пекинском институте кинематографии).

В 1983 г. Чжан Цзюньчжао снял первый фильм "нового кино" - "Один и восемь". В авторском варианте цензура его не пропустила. Основная претензия была к финалу: японцы хватают девушку-красноармейку и собираются изнасиловать ее, а неподалеку в засаде сидит последний из "восьмерки" (группы бандитов, под влиянием главного героя-комиссара примкнувших к коммунистической армии) с одним патроном в винтовке. И он стреляет в девушку, чтобы избавить ее от позора. По указанию цензуры ему прибавили патронов, чтобы он расстрелял всех японцев и освободил красноармейку: положительные герои должны оставаться в живых - такова была одна из догм еще не отмершей эстетики.

Из-за цензуры отодвинулся прокат фильма. Пальма первенства в рождении "нового кино" досталась следующему фильму - "Желтая земля" Чэнь Кайгэ, и таким образом начальной границей "нового кино" в КНР стал не 1983 г., а рубеж 1984-85гг., когда вслед за "Желтой землей" вышли еще и "Закон охоты" Тянь Чжуанчжуана и "Кровавое Черное ущелье" У Цзыню.

Нельзя сказать, что они были горячо приняты зрителем и коллегами по профессии. Тем более официозными структурами. Зарубежные посольства КНР получали эти фильмы лишь для закрытой информационной демонстрации, а иностранцам сообщали, что таких картин в их фильмотеке будто бы и нет. Пресса публиковала меньше одобрительных, а больше возмущенных откликов.

Нашлись, однако, тонкие ценители, осознавшие революционный эстетический скачок в киноискусстве, который заключался прежде всего в отказе от единого обезличенного стиля, абсолютной приоритетности гражданского сознания. Разные режиссеры стали создавать разное кино, выражавшее их собственный, личный жизненный и философский опыт и художественные пристрастия. И на этих фильмах стал воспитываться новый зритель, осознававший себя сначала человеком, а уж затем - гражданином. Киноискусство КНР отразило нарождающуюся личностную ориентацию медленно демократизирувавшегося общества.

Научная жизнь

Десятая научная российско-корейская конференция

В конце июня в ИДВ РАН проходила двухдневная научная конференция Центра корейских исследований (ЦКИ) ИДВ и Центра исследований АТР Ханьянского университета (Республика Корея). Подобные конференции уже стали традиционными.

На конференции были рассмотрены проблемы сотрудничества в интересах безопасности в СВА, политическая ситуация на Корейском полуострове, отношения России с РК и с КНДР, экономическое сотрудничество РФ с РК, способы экономического сотрудничества в треугольнике РК, КНДР, РФ. С приветственным словом к участникам обратилась посол Республики Корея в России госпожа Ли Ин Хо. Она отметила, что в настоящее время в мире создается новый порядок, в формирование его могут внести свой весомый вклад ученые, которые должны помочь политикам выработать верный политический курс в современном быстро меняющемся мире.

Помимо ученых ЦКИ ИДВ, в работе конференции приняли участие директор ИДВ, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко, заместитель директора ИДВ, академик В.С.Мясников, представители МИД и деловых кругов России. Корейскую делегацию возглавил директор Центра исследований АТР Ханьянского университета Ли Чжэ Ю. Помимо ученых этого центра, на конференции присутствовали директор Института экономики Ханьянского университета О Ун Тхэк и директор Института управления Ханьянского университета Чо Чи Хо.

При обсуждении вопросов обеспечения безопасности в СВА обе стороны рассматривали положение на Корейском полуострове. При этом они сошлись в мнении, что полуостров остается тем регионом, где обострение обстановки может спровоцировать дестабилизацию положения не только в Северо-Восточной Азии, но и в мире в целом. По мнению корейской стороны, в настоящее время в СВА действуют три главных фактора:

- 1) политика США как единственной сверхдержавы;
- 2) продолжающееся влияние финансово-экономического кризиса 1997 г.;
- 3) ракетно-ядерные разработки в КНДР.

Ю Се Хи высказал мнение, что для нормализации обстановки на Корейском полуострове необходимо, чтобы были хорошие отношения между четырьмя заинтересованными странами: США, РФ, Японией и КНР. Корейская сторона констатировала, что на Юге сильны антисеверокорейские настроения, а на Севере не одобряют "солнечную политику" президента РК Ким Дэ Чжуна.

М.Л. Титаренко отметил, что мир на Корейском полуострове - это ключевой момент в развитии ситуации в СВА. Он подчеркнул значение ООН для всего мирового порядка, в то же время ясно высказался об опасной тенденции со стороны США вмешиваться в дела других стран по "сценарию", испытанному в Югославии. Не исключено, что США могут нанести превентивные удары по КНДР под предлогом пресечения там ракетно-ядерных разработок. В этой связи академик Мясников прямо заявил в своих тезисах, что малые страны имеют право обладать орудием возмездия перед лицом произвола со стороны США.

Корейская сторона в принципе признала опасность со стороны США, однако с оговоркой, что эта держава не может управлять ситуацией в мире по своей

воле, ибо может столкнуться с другими державами (имеется в виду Китай и Россия). Ю Се Хи указал, что РК старается поддерживать хорошие отношения со всеми странами, окружающими Корейский полуостров.

На конференции немало говорилось о "солнечной политике" президента РК Ким Дэ Чжуна, которая проводится в отношении КНДР.

Корейская сторона всячески пропагандирует эту политику. Российские ученые высказали мнения, что в этой политике есть свои плюсы и минусы. Положительное в ней то, что это, быть может, первая попытка найти баланс интересов РК и КНДР, попытка подойти к КНДР с позиций равенства. А с другой стороны, эта политика имеет целью реформировать политический строй КНДР путем "вовлечения" ее в орбиту стран с рыночной экономикой. КНДР использует сейчас эту политику для получения материальных выгод. Задача Севера - приспособиться к нынешним тяжелым условиям и выжить (прежде всего политически).

Россия проводит на Корейском полуострове политику, отвечающую ее интересам. Роль России в СВА изменилась. Раньше СССР прилагал силы для противостояния, а теперь важно прилагать усилия там, где можно получить отдачу (политическую, экономическую). РФ стремится поощрять позитивные тенденции на Корейском полуострове и прелятьствовать или не поддерживать негативные проявления.

Корейская сторона выразила озабоченность тем фактом, что РФ и КНДР парафировали договор об отношениях друг с другом. В РК, видимо, опасаются, что данный договор будет использован в ущерб Югу. В то же время Сеул понимает, что договор РФ с КНДР нужен. Ом Гу Хо заявил, что РФ сейчас потеряла свое влияние в Азии, поэтому стремится придать импульс отношениям с КНДР. Руководитель ЦКИ ИДВ РАН В.П.Ткаченко в свою очередь заявил, что пока сохраняется военный союз Южной Кореи с США и американские войска остаются в РК Пхеньян не будет вести с Сеулом никакого диалога, а объединение Кореи для России - невыгодно. РК и КНДР стремятся использовать РФ как средство давления друг на друга. Однако РФ проводит свою собственную политику. Если США нападут на КНДР, то симпатии РФ будут на ее стороне, хотя в данный момент в России немного людей, которым нравится Северная Корея.

При обсуждении экономического блока вопросов корейская сторона (О Ун Тхэк) констатировала, что Россия превратилась в государство АТР благодаря членству в АТЭС. Тем самым Россия включается в процесс глобализации, который происходит в мире.

Был рассмотрен вопрос о том, как повлиял кризис на финансы и экономику РФ и РК. Указано, что в РК есть четкий план преодоления кризиса, а в РФ все идет по инерции. Подчеркнута важность поддержки государством малого и среднего бизнеса. Об экономических связях между Россией и РК сделал доклад И.И.Богдан, специалист по бизнесу. Отмечено, что уже есть механизм сотрудничества, однако оно пока не актуально для каждой из сторон, поскольку страны находятся на разных ступенях развития. Весь процесс сотрудничества должен направляться властями и предпринимателями обеих стран.

В заключение был рассмотрен вопрос о способах экономического сотрудничества в треугольнике РФ-РК-КНДР.

Подводя итоги конференции, Ю Се Хи и М.Л.Титаренко дали ей высокую оценку. Они с сожалением отметили падение интереса к РК в России и к РФ в Республике Корея, именно поэтому очень важно проводить и впредь подобного рода научные конференции. Сотрудничество научных кругов двух стран помогает решать конкретные проблемы, которые ставит жизнь. Дискуссия на конференции была свободной, откровенной, содержательной и дружеской.

Рецензии

«Политика в Китае. Эпоха выбора новой системы» («Чжэнчжи чжунго. Мянсьян синь тичжи сюаньцзэды шидай»).

Под ред. Дун Юйюй и Ши Биньхай. Пекин, 1998 г. 383 с.

Эпиграфом к сборнику предпослано высказывание Дэн Сяопина, отражающее общий настрой его составителей и авторов: «Без реформы политической системы реформа одной только экономической системы неосуществима, поскольку в этом случае она сразу же столкнется с неприятием ее народом. Таким образом, сама жизнь ставит вопрос о предоставлении народу прав и свобод. С этой точки зрения конечный успех всех наших реформ зависит от реформы политической системы».

* * *

Как указывают составители сборника в предисловии и заключении к нему, он был подготовлен с целью «заполнить вакуум» в сфере дискуссии по проблемам политической реформы в КНР. Дискуссия, по их мнению, предоставит гражданам страны возможность, высказывая собственные точки зрения по проблеме политической реформы, реализовать, тем самым, свои политические права; наполнит саму политическую систему «живительной энергией». Помимо этого широкое обсуждение есть не что иное, как психологическая подготовка общества к проведению реформы политической системы, не говоря уже о том, что оно поможет высветить оптимальные пути реализации целей реформы. Составителям сборника удалось раскрыть на его страницах замысел дискуссии, поскольку точки зрения авторов статей, как признают сами составители, отличаются друг от друга и порой существенно. Вместе с тем отмечается, что статьи, точки зрения авторов которых кардинально расходились с мнением составителей, в сборник включены не были. Отмечается также, что в сборник намеренно включены статьи авторов, материалы которых публикуются в китайской печати крайне редко из-за того, что их позиция не соответствует общепринятым точкам зрения. Выражая надежду на по-

зитивную роль сборника в деле осуществления реформы политической системы, составители в то же время сомневаются в том, сможет ли все китайское общество осознать, что прогресс в сфере этой реформы ему сейчас просто необходим, что сама реформа уже назрела.

Сборник открывается статьями, в которых развивается идея Дэн Сяопина относительно того, что без реформы политической системы реформа экономической системы в Китае теряет свой смысл, и вопрос заключается в том, каким именно образом власти должны осуществлять политические преобразования. Такие авторы, как Ци Шупин, Ван Хунин отмечают, что основополагающим принципом реформы политической системы и гарантией ее успешного проведения является определенный порядок, план, реализуемый под руководством КПК, в условиях стабильной политической обстановки; что сама по себе реформа политической системы в КНР есть процесс самосовершенствования всего социалистического строя в целом, не означающий изменение основ социалистического строя, а означающий лишь реформирование тех конкретных систем и структур, которые перестали отвечать интересам развития производительных сил и потребностям народа. Еще дальше в развитии идеи Дэн Сяопина идет профессор партийной школы при ЦК КПК Ван Гуйсю, который считает, что ныне существующая политическая система, для которой характерна высокая степень концентрации власти, уже не соответствует делу экономического строительства, принципам социалистической рыночной экономики, задачам координации и стабилизации механизмов государственного управления, идеям демократии и главенства закона. Ван Гуйсю полагает, что не только общество, но и сама КПК должны пройти процесс политического обновления, что явилось бы, по мнению

автора, «принципиальным выходом» для Китая на сегодняшний день. Ван Гуйсю призывает не бояться того, что реформа политической системы превратится в «революцию», которая уничтожит основы существующей политической системы в КНР. Но в то же время он считает, что политическая реформа не должна ограничиваться только корректировкой и устранением недостатков.

Многие авторы откровенно высказываются против всевластия правительства. Так, Сяо Сюехуэй говорит о том, что «ничем не обусловленная» власть изначально несет в себе тенденцию разложения моральных устоев, попрания интересов общества и, как следствие, противодействия власти со стороны общества. Он, в частности, критикует существующую практику, в соответствии с которой многие правительственные чиновники, участвующие в разработке законодательных актов, одновременно являются депутатами ВСНП, принимающими эти законы и осуществляющими надзор за их исполнением. Главным условием ограничения всевластия правительства, по мнению Сяо Сюехуэя, является построение в Китае гражданского общества, которое всегда способно противостоять действиям властей, несущих угрозу демократии. Еще один автор, Сы Жэнь, приводит в своей статье текст беседы У Цзинлянь и Дэн Вэйчжи, в ходе которой говорится о том, что всевластие правительства есть причина того, что реформы идут недостаточно быстро и последовательно. Именно эта причина, а вовсе не сами по себе рыночные преобразования, утверждается в статье, порождает «процессы разложения» в обществе. Всевластие правительства, считает автор Куй Цзянли, приводит к тому, что системе исполнительной власти не хватает организованности и системности в деле выполнения уже принятых решений, что является дополнительным тормозом на пути осуществления реформаторских мероприятий. А Дун Юйюй призывает тех, кто «получает выгоду от существующей сегодня политической системы», иными словами, тех, кто находится у власти, самим принимать решения относительно проведения политической реформы. В этом случае, как он считает, процесс реформирования пройдет наименее болезненно.

Никто из авторов не возражает против того, что реформа политической системы должна проводиться в условиях политической стабильности в обществе. Однако понимается ими «политическая стабильность» весьма нетрадиционно. Так,

уже упоминавшийся Сы Жэнь в своей статье приводит слова о том, что стабильность в обществе может быть гарантирована только самим ходом реформ и что при отсутствии реформ общество не только не сможет остаться стабильным, но и, наоборот, дестабилизируется. Та же самая мысль прослеживается и в статье Юй Кэпина, который критикует традиционный взгляд насчет того, что любые серьезные изменения политической системы могут дестабилизировать политическую обстановку в обществе и отрицательно сказаться на темпах экономического развития. Юй Кэпин полагает, что изменение существующего положения вещей в ходе политической реформы отнюдь не означает возникновения политической нестабильности и нарушения общественного спокойствия. В качестве примера он упоминает о том, как 20 лет назад Дэн Сяопин, сумев отказаться от устаревших политических догм, добился значительных успехов в экономике при сохранении политической стабильности.

Ряд авторов в своих статьях раскрывают конкретные аспекты проведения реформы политической системы. Одним из них является проблема построения в КНР правового общества и воплощения в жизнь концепции главенства закона. Один из авторов, Лю Цзюньнин, проводит теоретическое различие между понятиями «правовое государство» и «государство, в котором главенствует закон». Он считает, что, даже опираясь в своей деятельности на закон, государство все-таки стоит над ним. А в случае реализации концепции главенства закона власть обязана будет блюсти закон в еще большей степени, чем простой народ, поскольку сама будет подчинена закону. Эту мысль развивает Ван Янь, считающий, что не может быть главенства закона без политического обновления КПК, которая, по его мнению, должна реализовывать свою руководящую роль в обществе, но только в строгом соответствии с Конституцией и законодательством в целом и только через систему органов государственной власти, ни в коем случае не дублируя их путем создания собственных органов, имеющих аналогичные функции. А Лун Сянжуй считает, что и правительство должно неукоснительно подчиняться требованиям Конституции. Только так, по мнению автора, можно поднять ее авторитет. В сборнике даются и практические рекомендации по укреплению авторитета законодательства. Так, Ли Шугуан критикует практику доведения вышестоящими

органами до нижестоящих законодательных актов путем рассылки соответствующих «предписаний» и советует отказаться от нее, поскольку в тех случаях, когда «предписания» не выполняются или оспариваются, закон фактически не исполняется. Ча Диньцзянь считает, что до тех пор, пока суд не будет поставлен над другими государственными органами, пока судебный чиновник, прокурорский работник, полицейский будут выступать как представители государства, а не закона, до тех пор судам и судебным чиновникам трудно будет оставаться объективными по отношению к другим чиновникам. Чжан Сымин затрагивает тему главенства закона в сфере СМИ. Он считает, что на сегодняшний день СМИ находятся в безусловном подчинении партийным и правительственным органам, являются инструментом защиты интересов властных структур, что мешает СМИ формировать общественное мнение для контроля за социальными процессами. Автор полагает, что необходим закон о СМИ, который должен ослабить влияние на них тех или иных ведомств, преследующих корпоративные интересы. Автор добавляет, что такой закон не приведет к ослаблению партийного контроля над СМИ и издательствами, а лишь усилит его. Хуан Чжун в своей статье говорит о необходимости регулировать с помощью закона степень и характер вмешательства правительства в рыночную экономику. А Ли Шугуан - о том, что с помощью воплощения в жизнь концепции главенства закона нужно бороться с разного рода конкретными общественными пороками, «преступлениями против общества». Лю Цзюньнин, рассуждая о том, что в Китае никогда не существовали гарантии права граждан на собственность, считает, что самым большим достижением для китайского общества в будущем станут конституционные и общеправовые гарантии права каждого гражданина на собственность.

Ряд статей сборника посвящен проблеме реализации политических прав граждан и демократизации выборов в ходе реформы политической системы. Ху Вэйси убежден, что власть должна поощрять народ говорить правду, допускать существование в обществе точек зрения, несхожих или даже ищущих вразрез с официальной точкой зрения, и не преследовать за инакомыслие. Другие авторы более сдержанны. Например, Ли Шугуан, Ли Чжэньчжи полагают, что гражданские права следует реализовывать «умеренно», так как злоупотребление ими чрева-

то возникновением хаоса в системе нравственных ценностей общества и может обострить социальные проблемы. Ли Чжэньчжи вообще против резкого введения в Китае западной системы прав человека, основанной на принципе «Права человека есть его гражданские права». Он считает, что пока следует придерживаться традиционной китайской концепции прав человека: «Права человека - это прежде всего его право на существование». Лю Цзюньнин считает, что в Китае не будет «работать» пользующийся приоритетом на Западе либеральный юридический принцип «Закон не ограничивает свободу личности». По его мнению, права частного лица в Китае должны быть четко обозначены, только тогда их можно, с одной стороны, эффективно реализовывать, а с другой - не допускать злоупотребления ими.

Говоря о проблеме выборов представительной власти, Лю Цзюньнин, в частности, считает, что нужно всерьез заняться переходом от системы отбора кадров вышестоящими инстанциями к системе выборов народом представительной власти. Эту мысль развивают Чжу Хуасинь и Се Цинкуй. Чжу Хуасинь полагает, что учить народ искусству участия в политической жизни следует начинать с села. Ярким примером этому, продолжает автор, является создание в 1987 г. системы сельского самоуправления. А Се Цинкуй говорит о возможности и необходимости проведения прямых выборов сельских глав администраций, считая, что подобную систему прямых выборов можно распространить в дальнейшем до уровня главы уездной администрации.

Рассуждая о проблемах реформы политической системы в КНР, китайские авторы часто проводят аналогии с политическими процессами в бывшем СССР и странах Восточной Европы. Так, Ван Юешэн говорит о том, что политика «Государством должны управлять специалисты», повышение эффективности производства, упрощения властных структур, предоставление населению политических свобод и даже допущение в экономике рыночных отношений в рамках «старой системы» не дали странам Восточной Европы желаемого результата. Только резкие социальные изменения, широкое внедрение рыночных отношений, приватизация, по мнению автора, предоставили восточноевропейским странам «исключительный исторический шанс» для движения вперед. Ван Юешэн считает также, что неправильно говорить о каких-то особых успехах Китая на пути реформ по

сравнению с другими странами бывшего социалистического лагеря, поскольку, по его мнению, Китай позже России и стран Восточной Европы вступает в полосу радикальных реформ и ему еще предстоит столкнуться с теми трудностями, с которыми уже столкнулась, к примеру, Россия. Жун Цзиньбэнь с группой соавторов полагают, что Китаю не следует копировать демократический опыт парламентов западных стран, равно как и подражать реформаторским усилиям в бывшем СССР и странах Восточной Европы. Путь демократических реформ Китая в сфере политики, по мнению этих авторов, должен начаться с сельского уровня, постепенно распространяясь на уровень волостей, поселков, уездов.

Сборник завершается статьей Ли Жуй, в которой автор говорит о необходимости искоренения тенденций «левачества» в КПК. В то же время автор рассуждает о том, что строить «всеобщую демократию» и создавать «необходимое законодательство» КПК должна, не торопясь, постепенно.

В целом, знакомство во сборником «Политика в Китае» дает представление о взглядах китайских специалистов на проблемы политической реформы в КНР. Следует отметить явное стремление многих авторов к радикальным политическим изменениям в китайском обществе, таким, как «ограничение всевластия правительства», «осуществление руководящей роли КПК только через систему государственных органов», «создание системы фактического главенства закона». И хотя ряд авторов убеждают читателя в том, что подобные изменения не повлияют на основы существующей политической системы, иными словами, на монополию КПК на власть, представляется проблематичным, что в случае действительного претворения в жизнь подобных политических установок КПК и правительство сумеют сохранить свои доминирующие позиции в сфере экономики и политики. Ведь при подобном развитии событий центр политического влияния может сместиться в сторону сил, представляющих «новую буржуазию», нарождающуюся в ходе рыночных преобразований китайской экономики и активно претендующую, в частности, на контроль за предприятиями и отраслями экономики, выпадающими из

прямого подчинения правительству в ходе административной реформы.

Что касается проблемы гражданских прав, то большинство авторов, как видим, высказываются против их резкого внедрения в общественную жизнь. Это понятно, ведь автократические традиции в Китае присущи не только представителям КПК и государственных структур, но и тем же «новым китайцам». Поистине «золотые слова» прозвучали в статье Жун Цзиньбэнь и его соавторов: «В Китае голоса миллионов избирателей не стоят рта одного начальника».

По сообщениям западной и гонконгской печати (China aktuell, 1998, Sept., № 9; Мин Бао, 1998, № 12/23) рецензируемый сборник вызвал большой отклик среди интеллигенции. Редакторы и авторы книги были приглашены на обсуждение в книжные магазины, а одна из телестанций даже посвятила ей специальный репортаж. Однако дискуссии вокруг книги были прекращены по указанию Управления по делам печати и издательств, а один из редакторов подвергнут репрессии. Подобные меры свидетельствуют о том, что руководством страны или его частью не воспринимаются наиболее радикальные идеи, высказанные в сборнике (например, идея «ограничения всевластия правительства»). В то же время создается впечатление, что кому-то в верхах КНР все-таки нужна была публикация сборника как такового. Иначе как объяснить тот факт, что сборник не был запрещен еще на стадии подготовки к печати, для чего существуют специальные рычаги? Наверное, появление сборника было необходимо не только для того, чтобы выявить инакомыслящих среди авторов и читателей, но и для того, чтобы, внимательно изучив весь спектр мнений по проблеме политической реформы, скорректировать свою политику, политический курс так, чтобы, не теряя рычаги контроля над обществом, своевременно «выпускать пар» там, где это будет необходимо.

К редакционным недостаткам сборника можно отнести отсутствие указания в нем составителями мест работы авторов статей, их должностей, ученых званий и степеней, принадлежности к КПК или демократическим партиям.

Чжан Жэнь. Литература нового периода как явление (Синь шици взньсюэ сяньсян). Пекин, 1998, 270 с.

Собранные воедино статьи литературоведа Чжан Жэня производят впечатление законченной концепции развития литературы в КНР. "Современной литературой" называются произведения, созданные в период существования КНР, а 80-е и 90-е годы XX века характеризуются "литературой нового периода", которая и есть новое явление. Автор считает, что на почве "весьма глубоких и очевидных перемен" в образе мыслей "литература нового периода создала наилучшую эпоху современной литературной истории и самую блестящую литературу" (с. 199).

Особенность книги Чжан Жэня в углубом внимании к международным связям и влияниям, в частности, к негативному влиянию советской литературы на китайскую, и шире - вообще к месту китайской литературы в литературе мировой. Смена литературных ориентиров была одной из причин обновления и возникновения литературы нового периода в Китае.

Чжан Жэнь пишет: "В прошлом современная китайская литература испытывала влияние советской литературной теории, подчеркивающей внешние закономерности, а ныне литература нового периода испытывает влияние западного литературного модернизма и постмодернизма. Это поворот "вовнутрь", возвращение литературы к самой себе" (с. 201).

В первые 17 лет существования КНР советская литература "как наводнение, затопила Китай" (с. 7). Чжан Жэнь считает, что влияние было как позитивным, о чем много писалось и говорилось всегда, так и негативным, о чем прежде говорилось совершенно недостаточно.

Любопытно, что негативное влияние на китайскую литературу оказали не столько советские литературные произведения, сколько внелитературные явления. Выступления А.А.Жданова против Михаила Зощенко и Анны Ахматовой, постановления ЦК партии о журналах "Звезда" и "Ленинград", о кинофильме "Светлый путь", об опере "Великая дружба" повлияли на "стиль руководства китайской литературой" (с. 8). Ждановское постановле-

ние хорошо знакомо китайским читателям. Чжан Жэнь приходит к выводу: "Советская модель директивных идей и стиля руководства нанесли китайской литературе тяжкий урон и принесли страдания" (с. 11).

В 1956 году в КНР были восприняты идеи советской литературной "оттепели", был выдвинут лозунг "пусть расцветают сто цветов", но век его оказался недолог. "Десять лет смуты до конца разоблачили догматизм семнадцати лет и левацкую политику, которые спихнули современную литературу в гибельную бездну", - эту сентенцию Чжан Жэня китайская творческая общественность поистине выстрадала на собственном тяжком опыте. (с. 208). Современное мышление и научная методология заменили окостеневший догматизм и породили замечательную литературу, живую, полифоничную и органичную. Новое мышление отвергло оковы догматических понятий, освободило творческие силы писателей и является лучшей гарантией перспектив и процветания китайской литературы. Влияние советской литературы в КНР в 80-х годах привычно сохранялось, несмотря на открытие "человека" в литературе. Это открытие прямо связано с такими произведениями, как "Доктор Живаго" Б.Пастернака и "Один день Ивана Денисовича" А.Солженицына и вообще "лагерной" литературой. Если в первые семнадцать лет в КНР наиболее влиятельными из советских писателей были Горький, Шолохов, Островский, Фадеев, Симонов, то с 1976 по 1990 год их место заняли Айтматов, Васильев, Рыбаков, Бондарев, Шукшин. Теперь подобной односторонности "пришел конец", ее сменила многосторонняя полифоническая открытость. Чжан Жэнь с гордостью говорит об особой способности китайской культуры отсеивать и отбрасывать непригодное для себя и уверен в еще большей ее открытости в будущем. Неоднородная культурная среда особо способствует творчеству. Крупнейшие китайские писатели XX века - Лу Синь, Го Можо, Мао Дунь, Лао Шэ и Ба Цзинь - все побывали за границей, учи-

лись, жили и творили в Японии, Англии, Франции.

Китайского литературоведа остро интересует вопрос взаимоотношений литературы и философии. "Победа марксизма в Китае поставила философию в господствующее положение над литературой, - пишет Чжан Жэнь. - В литературе нового периода сложилась по отношению к философии психология бунтарства и настроение пробуждения, что является острым противопоставлением литературе первых семнадцати лет КНР, когда чрезмерно подчеркивалась определяющая и всеобъемлющая роль философии в отношении литературы. В период "культурной революции" прагматизм и феодально-фашистская философия низвели литературу до "заговорщической литературы", доведя ее до иллюстративной роли. История отбрасывает мрачную тень на взаимоотношения литературы нового периода с философией" (с. 57).

Союз литературы с философией Чжан Жэнь считает органичной внутренней потребностью обеих сторон с тех пор как дискуссия о критерии истины в КНР сломала религиозную философию культа личности. "Семнадцать лет мы воспевали компартию и массы рабочих, крестьян и солдат, но забыли психологическую структуру национальной культуры и антифеодальные идеи. Верноподданническое служение отдельной личности не способствовало высвобождению от феодальных оков", - пишет Чжан Жэнь (с. 41). Сегодня в Китае возникает рыночная экономика в процессе реформ, что является для этой древнейшей страны небывалой трансформацией. Социальные преобразования не могут не сказываться на литературе. "Сегодня мы находимся на перепутье старого с новым, в переходной эпохе, и ей в мире брошены многие серьезные вызовы. Если в начале литературы нового периода было открыто человеческое в политически заклеянных "уродах и чудовищах", то сейчас идет поиск места человеческого существования и системы ценностей в обществе рыночной экономики" (с. 35). "Наше "сегодня" имеет много сходства с "четвертым мая": одно отмирает, другое нарождается; это эпоха смены старого новым" (с. 63).

Литература нового периода началась с обличавшей "культурную революцию" так называемой "литературы шрамов", которая, по мнению Чжан Жэня, ближе

всего подошла к литературам Запада, но в середине 80-х годов современная китайская литература вышла из "подчинения политике" и заняла свое собственное место в культурном самосознании китайцев. С тех пор она находится в рефлексии и поиске.

"Литература рефлексии о своеобразии современного человека и облике пореформенных городов, преемствует сознание мелкокрестьянского хозяйства; рефлексии о нравах и морали, воспеваает из духа противоречия устаревшие понятия конфуцианства, даосизма и чаньбуддизма. Литература нового периода рефлексии об истории, и ей как раз недостает философской, на порядок более глубокой, рефлексии. Литературе недостает общего взгляда, глобального мирового осознания, переосмысления от общего, а не от частных, недостает вселенского сознания" (с. 53). Переход литературы от "шрамов", иными словами, от обличения "культурной революции" к рефлексии - это первая волна союза литературы нового периода с философией. Результатом чего, по Чжан Жэню, явилась настоящая метаморфоза: от вскрытия социальных проблем литература пришла к исследованию человеческой жизни. Человек снова вернулся на центральное место в литературе, или, как говорит критика, "литература обнаружила человека" (с. 65). Это была победа не только литературы, но и философии. Автор приводит в подтверждение высказывания крупнейших современных китайских писателей. Фэн Цзицай говорил: "Литература должна в каждом человеке искать философию человеческой жизни". Лю Синью сказал: "Я в своем творчестве заново перечел весь путь реалистической литературы от "говорить правду" до "писать о человеческой жизни" (с. 67).

Чжан Жэнь старается рассматривать современную китайскую литературу в контексте литературы мировой. Рефлексия, по его мнению, состоялась не только в КНР после "культурной революции", но имела место и в Германии и Японии после второй мировой войны; в СССР, как считает Чжан Жэнь, рефлексия проявилась дважды за послевоенное время. В КНР литература нового периода началась с обличения религиозной философии культа личности, описания страданий и судеб правых интеллигентов, переживаний образованной молодежи в годы ссыл-

ки, а затем от социально-проблемных произведений перешла к литературе человеческой, и это закономерность, часто проявляющаяся на исторических переломах. Еще Лу Синь говорил, что "проблемные" рассказы добываются из "больного общества" и не преследуют никаких иных целей, кроме постановки проблемы, в том числе и целей искусства как такового (с. 69).

Третья волна в литературе нового периода привела к "примату человека". Жизнь требует от писателей открытости, плюрализма, укрепления творческого начала и сравнительно большого размаха творческой свободы в животворной атмосфере поиска. Здесь Чжан Жэнь вновь обращается к любимой теме - союзу между литературой и философией: "Философия позволяет литературе взять золотой ключик ко вселенной и жизни человеческой" (с. 74).

1985 год - год "культурной горячки" в КНР. В Китае родилась своя культурология, которой раньше не было. Хлынула переводная литература с Запада по-прежнему неизвестным дисциплинам, таким, как: психология культуры, культурная физиология, современная экономика и география, бихевиористика, неокантианская философия культуры, экзистенциализм, структурализм, феноменология Гуссерля, социология культуры. В литературе воцарились полифония и многообразие. Произошла смена век: "успех героя Сэлинджера вместо Жан-Кристофа и Жюльена Сореля" (с. 79).

Этому наплыву заимствованных культурных ценностей группа китайских писателей противопоставила стремление к поиску корней в национальной культурной традиции. Писатель Хань Шаогун заявлял: "У литературы есть корни; корень литературы должен уходить глубоко в почву национальной традиционной культуры. Если корень неглубок, то и листва не пышна. ...Китай еще остается Китаем, особенно в литературе и искусстве, в мощном национальном духе и в материальной культуре мы еще обладаем национальной самостью" (с. 87). Писатель А Чэн объявил главным для себя философское мировоззрение традиционной культуры: конфуцианство и даосизм (с. 88).

Литературу 90-х годов Чжан Жэнь представляет в рамках литературы нового периода, но настаивает на кардинальных ее отличиях от литературы предшествующего десятилетия. "Сменились знамена

литературы. Новый период не говорит о шрамах, о рефлексии, о реформах; не судит о социально-политической или морально-этической проблематике, хотя все признают движение за новую литературу четвертого мая и жизнь "ради людей" (с. 104). "Западная философская культура оказала очевидное влияние на экзистенциальную прозу... Новая экзистенциальная проза испытала влияние не только культуры и философии, но и западной литературно-творческой мысли" (с. 106-107).

Здесь Чжан Жэнь формулирует собственное литературное кредо, исходя из очевидного для него факта, что "западная философия и культурология расширили литературное восприятие": "Человек - это животное, ищущее ценности, а литературное произведение есть овеществление духовной деятельности, а потому должно сотворять духовные ценности высокого полета. Литература везде, описывает ли она реализацию человеческих ценностей, развращает ли прекрасные образы, подавляет ли или раскрывает многослойные способности и потребности, разоблачает ли фальшь, зло и мерзость, - всегда сообщает некие ценности" (с. 137).

Столь глубокая метаморфоза не могла проходить без сопротивления и борьбы. В книге Чжан Жэня есть глухие отголоски бушевавших споров и дискуссий: "В конце 80-х годов в "культурной горячке" коренным вопросом стала проблема взаимостолкновения старых и новых ценностей. Как относиться к эпохе, в которой старое и новое переплетаются?" (с. 141). В литературе появилась, по словам Чжан Жэня, "теория безразличия", ознаменовавшая разрыв между литературой и обществом, против чего решительно ополчается Чжан Жэнь, призывая писателей быть "лицом к эпохе". "Сегодня наступил период родовых схваток при смене старых ценностей новыми", - категорически утверждает Чжан Жэнь. По его мнению, крутоворот реформ от феодальной мелкокрестьянской экономики через "великую централизацию" к социалистической рыночной экономике нашел отражение и в литературном развитии. "Нечего скрывать: литературные явления в сегодняшнем Китае действительно очень сходны с некоторыми особенностями западного постмодернизма, - пишет Чжан Жэнь. - Постмодернизм возник

тридцать-сорок лет назад, а сейчас добрался до Китая" (с. 181).

Чжан Жэнь дает свою цельную концепцию литературы 90-х годов, как "смены знамен": "От человеческой жизни к экзистенции, от описания идеалов в жизни человека и исторических судеб коллективов (классов, наций) поворот к описанию экзистенции обычных людей. Знамя экзистенции! Экзистенция индивида описана в бесчисленных рассказах, повестях и романах" (с. 182). Чжан Жэнь отмечает поворот в представлениях о прекрасном - от превознесения возвышенного к его хуле и поношению; при этом литература то выступает как игра и забава, то хулит то, что свято для других. Резко сменился взгляд на историю: "исторический роман переходного периода стремится передать колорит эпохи через повседневную жизнь людей" (с. 185). И еще один поворот: "от конфликтов человека со внешней средой к изучению внутренней человеческой сущности, ее слабостей и недостатков" (с. 189).

Начиная с 1994 года китайскую литературу характеризуют два слова, образовавшие множество взаимосвязанных понятий: это "пост" и "нео". "Пост" означает прощание с прошлым, а "нео" - возвращение к литературе завтрашнего дня", - пишет Чжан Жэнь и перечисляет: пост-новый период, пост-модерн, пост-конструктивизм, пост-культура, пост-колониализм, пост-утопия, пост-гуманизм. С этим "морем пост", по хлесткому выражению Чжан Жэня, сейчас прощается современная китайская литература, а на смену уже грядет "нео", "новое": неозкспериментальная проза, литература новой си-

туации, новая городская литература, новая литература мегаполисов, литература новой информации, а также новая культура, неореализм, новая история, новое восприятие, новое почвенничество, неорыцарский роман (с. 243-244).

В литературе нового периода сейчас господствует реалистическое направление, которое Чжан Жэнь именует неореализмом: "Как можно сводить рассказы 96-го года к каноническому схематизму традиционного реализма с его художественной типичностью?" - восклицает он (с. 255). Чжан Жэнь полагает, что литература богато насыщена жизненным материалом и располагает писателями, обладающими высоким художественным мастерством, но ей не хватает идейности. В условиях конфликта старой и новой идеологии в обществе литература теряет свою обличительность. Чтобы подняться над средним уровнем, писателям нужен идейный, философский прорыв. "Я считаю, что литература нынешняя и будущая - это сочетание описания человеческой экзистенции с апологией человеческой жизни" (с. 252) - к такому оптимистическому выводу приходит китайский литературовед в результате анализа современных литературных явлений.

Богатство содержания рассматриваемого нами труда с анализом и ссылками на литературные произведения и писательские имена, в краткой рецензии исчерпать невозможно, но хочется подчеркнуть главное - стремление к теоретическому осмыслению литературного процесса путем создания собственной концепции. Это в книге есть, и это несомненная авторская удача.

**Синецкая Э.С. Автопортрет китайского горожанина.
М.: Наука. 1997. 164 с.**

Небольшая монография Э.Синецкой, которую сама автор называет брошюрой, - одна из первых работ по проблеме социологии современного китайского города. В сентябре 1957 г. в Пекине было опубликовано не совсем обычное издание, представлявшее собой 2 тома настенных рукописных газет, так называемых "дацзы бао", или рукописных "сообщений, написанных большими иероглифами". Они заключали в себе 5412 таких сообщений, развешивавшихся на стенах, на бельевых веревках и вообще всюду, где возможно было их поместить на видном месте, и содержавших обращения, призывы, критические высказывания в самые разные адреса работников Шицзиньшаньского металлургического завода, что в предместье китайской столицы. Эти "дацзы бао" были написаны в течение полумесяца между 24 августа и 11 сентября.

Как известно, в мае 1956 г. Мао Цзэдун обратился к стране с призывом критиковать и указывать правящей партии и властям всех уровней на их ошибки, недоработки, недостатки в осуществлении социалистического строительства в Китае. Это было приглашение к всемерному поощрению, как мы сказали бы сегодня, плюрализма мнений в виде традиционного лозунга "Пусть расцветают все цветы, пусть свободно звучат мнения приверженцев всех учений!" И "мнения полились" нескончаемым потоком. Вся страна была оклеена плакатами "дацзы бао"! Политические минипартии, которые номинально входили в Единый фронт с правящей "великой и победоносной" КПК, рабочие, студенты, деятели культуры и образования, не состоявшие ни в каких партиях спешили обличать и разоблачать дела и делишки всякого рода и звания вождей и бюрократов; обычно инертные крестьяне как бы очнулись от потрясения, вызванного молниеносным кооперированием, завершленным весной того же 1956 г., то есть передачей земли, полученной ими всего три-четыре года назад в ходе земельной реформы в якобы коллективную, а на самом деле в казенную собственность, и с гневом разоблачали

злоупотребления кадровых работников, то есть госпартийников и, наконец, городские ремесленники и рабочие высказывали нелюбимые суждения о властях. Последние постоянно уверяли, что рабочие - ведущий класс в системе "диктатуры пролетариата". Но это мало или никак не сказывалось не только на состоянии материального положения их семей, что в конце концов можно было объяснить общим трудным положением страны в первые послереволюционные годы, но и на грубо-пренебрежительном отношении к ним нового пролетарского начальства, всякого рода партийных секретарей и функционеров. И шицзиньшаньские "дацзы бао" являют собой яркое свидетельство этого движения.

Автор задалась целью проанализировать все эти листы "дацзыбао". Работа - трудоемкая и очень кропотливая. При том, что язык их весьма своеобразный избилующий намеками и отсылками, к которым можно понять и интерпретировать лишь при основательном знании реалий завода и адекватном представлении о национальных особенностях их авторов.

Вполне оправданным является предупреждение с отсылкой к мнению Пьера Бурдьё по поводу того, что "каждое сообщество" ведет как бы "двойную жизнь". А именно, есть "реальность первого порядка": "распределение материальных ресурсов и средств присвоения престижных в социальном плане благ и ценностей". И есть "реальность второго порядка": представления, схемы, мышления, поведения, эмоциональные оценки и суждения" (см. с. 29 монографии). Далее автор неукоснительно руководствуется данным положением крупнейшего современного социолога.

Автор назвала свою работу "автопортретом" рабочего. Думается, что это не очень четко отражает все многообразие материала, который она подвергла анализу. Ведь, во-первых, в этих "дацзы бао" "высказываются" в основном работники комбината, а не горожане вообще; во-вторых, "дацзы бао" не только выражают настроения, претензии к начальст-

ву, требования их авторов, но поднимают целый ряд общих и частных проблем, мало говорящих о тех, кто их писал; наконец, в-третьих, совсем не ясно, что все "дацзы бао" или большая их часть - суть произведения, отражающие мнения их подписавших лиц, а не тех, кто, возможно, их вдохновлял; к тому же, немало листов без подписи, а также "коллективов", в которых велика роль, "закоперщиков" и т.д. и т.п. Так что название работы следует оставить на совести автора. И еще: даже такой крупный завод, как Шицзиньшаньский металлургический, а таких в то время в Китае было немного, не является достаточно репрезентативным объектом, анализ материалов по которому достаточен для "портрета" и тем более "автопортрета" китайского рабочего и уж тем

более горожанина вообще. Ведь так называемая современная промышленность в Китае в то время в основном сосредоточивалась не вокруг Пекина, а в Шанхайском и Северо-Восточном регионах, в районе Уханя, Гуанчжоу, а большинство работавших в промышленности были заняты не на таких уникальных по масштабам предприятиях, каким был Шицзиньшаньский завод, а на средних и мелких заводах, фабриках, мастерских, в ремонтных предприятиях железных дорог, морских и речных портах. Но как бы то ни было, по виду скромная работа Синецкой добавляет существенные элементы, обогащающие наше представление о современном Китае, о его проблемах, о национальном характере народа, помогает лучше понять и его самого и его проблемы

© 1999

*Г. Сухарчук,
доктор исторических наук*

Юбилей ученого

Якову Михайловичу Бергеру 70 лет

Я.М.Бергер родился 12 сентября 1929 г. в г.Уфа. В 1952 г. с отличием окончил китайское отделение Московского института востоковедения.

Научную деятельность Я.М.Бергер начинал как исследователь проблем экономической географии Китая. С 1953 по 1965 г. работал в Институте географии АН СССР. В 1957 г. принимал участие в Синьцзянской комплексной экспедиции АН КНР. В 1958 г. проходил стажировку в Институте географии АН КНР. В конце 50-х - начале 60-х годов он опубликовал ряд работ по вопросам размещения производства в Китае: в коллективных трудах "География КНР" (М., 1956) и "Вопросы географии сельского хозяйства КНР" (М., 1959), в географических ежегодниках (М., 1958-1962), в Краткой географической энциклопедии и других публикациях. В 1959 г. вышла в свет книга "Китай: очерки экономической географии" (М., 1959), которая была переведена в США (China, An economic Scetch. №.-У, 1959). В 1962 г. Я.М.Бергер защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему "Экономико-географическая характеристика Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР".

С середины 60-х годов основным направлением его исследований становится социально-политические и социально-экономические проблемы современного Китая. В 1965г. он переходит на работу в Отдел истории ИЭМСС АН СССР. После создания Института Дальнего Востока АН СССР в 1967 г. Я.М.Бергер становится одним из его ведущих сотрудников, сначала как заведующий сектором информации, а затем как руководитель сектора общих проблем. Под его руководством была основана система информационных изданий ИДВ. Одновременно он принимал участие в подготовке ряда аналитических докладов и записок для директивных органов. В его публикациях в эти годы исследовались истоки так называемой. "культурной революции" в Китае и ее различные аспекты. Этим вопросам посвящена написанная им (под псевдонимом Я.Михайлов) совместно с А.М.Григорьевым и Б.Н.Занегиным брошюра "К событиям в Китае" (М., 1967), которая затем в расширенном варианте вышла на английском (Development in China. М., 1968) и некоторых других языках. Эта проблематика была отражена также в подготовленных при участии Я.М.Бергера коллективных монографиях "Китай сегодня" (М., 1969) и "Китайская Народная Республика. Экономика, государство и право, культура" (М., 1970), в его работах, опубликованных в информационных сборниках ИДВ (например, "Этапы "культурной революции" в Китае" и "Хроника "культурной революции" в КНР") и других периодических и непериодических изданиях.

В 1970 г. Я.М.Бергер переходит на работу во вновь созданный Институт научной информации по общественным наукам АН СССР на должность заведующего отделом (с 1990 г. - главного научного сотрудника). В 70-х и 80-х годах исследовательская деятельность Я.М.Бергера в области китаеведения сочетается с научно-информационной в области социальных и политических наук. С началом реформ в Китае главным объектом исследований Я.М.Бергера становятся социальные процессы в китайской деревне. Этой проблематике посвящен ряд научно-аналитических обзоров, опубликованных ИНИОН АН СССР в 1982-1986 гг. отдельными изданиями: "Социально-экономические проблемы современной китайской деревни", "Население и производственные ресурсы в Китае", "Коллектив и крестьянин в современной китайской деревне", "Проблемы управления в китайском сельском хозяйстве", "Семейное крестьянское хозяйство и проблемы кооперирования в китайской деревне". Эта работа завершилась защитой в 1987 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме "Социальные процессы в современной китайской деревне" и изданием в 1989 г. монографии с тем же названием.

Одновременно в 70-е и 80-е годы Я.М.Бергер выступал в качестве ответственного редактора нескольких десятков реферативных и обзорно-аналитических сборников по глобальным проблемам, по ключевым вопросам развития гуманитарных и социальных наук за рубежом и в СССР. Под его редакцией впервые на русском языке были опубликованы переводы ряда важнейших работ таких мыслителей Запада, как Макс Вебер, Карл Ясперс, Карл Мангейм, Р.Арон, Д.Белл и др. В 1984 г. под редакцией Я.М.Бергера вышла в свет коллективная монография "Современные буржуазные теории общественного развития" (М., 1984).

В 90-е годы основные научные интересы Я.М.Бергера связаны с проблемами модернизации Китая. По этой тематике им опубликован ряд работ в выходящей под его редакцией серии научно-аналитических сборников ИНИОН "Переход к рынку в КНР: Общество, политика, экономика", "Переход к рынку в КНР: наследие прошлого и прорыв в будущее" (1994), "Китай: от закрытого общества к открытому миру" (1995). Этим же темам посвящены его статьи в журналах "Проблемы Дальнего Востока", "Полис" и др. Всего Я.М.Бергером опубликовано более 100 научных работ.

С сентября 1995 г. Я.М.Бергер по совместительству работает в Институте "Открытое общество": до 1999 г. - в качестве директора программы "Высшее образование", а с 1999 г. - в качестве главного научного консультанта. В рамках этой программы при его активном содействии опубликовано более 100 учебников, учебных пособий и трудов по гуманитарным и социальным наукам для высшей школы, оригинальных и переводных.

С 1993 г. Я.М.Бергер является заместителем главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока", курирует публикации по социально-экономической тематике.

Редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" сердечно поздравляет юбиляра и желает ему здоровья и новых творческих успехов.

70 лет Виктору Николаевичу Барышникову

В.Н.Барышников родился 18 июля 1929 г. в деревне Уголок Михайловского района Рязанской области. После окончания средней школы в 1949 г. он поступил на китайское отделение Московского института Востоковедения, который окончил с отличием в 1954 г. Его учителя и соученики отмечали исключительные способности и успехи В.Н.Барышникова в овладении китайским языком и избранной специальностью. После окончания вуза в последующей деятельности В.Н.Барышникова чередовались и успешно сочетались периоды работы в практических учреждениях страны, занимавшихся вопросами Китая, и научной работы, проходившей в основных центрах исследования проблем Китая в рамках Академии наук.

Углубленному изучению Китая и китайского языка В.Н.Барышниковым во многом способствовала его работа в 1954-1956 гг. в КНР в качестве переводчика в системе Министерства внешней торговли СССР. После успешного завершения командировки В.Н.Барышников приобрел первый опыт редакторской работы на службе в качестве редактора ТАСС в 1956-1957 гг.

С созданием и развертыванием в 1957 г. Института китаеведения АН СССР, руководство которого стремилось привлечь наряду с опытными исследователями способных молодых специалистов, хорошо знающих страну и язык, В.Н.Барышников был приглашен туда на работу в качестве научного сотрудника, а вскоре - через год - был рекомендован для прохождения курса аспирантуры. Так, с 1957 г. начался этап плодотворной научно-исследовательской работы юбиляра, прерывавшийся периодами его работы в Советском посольстве в КНР.

В 1958-1962 гг. В.Н.Барышников успешно прошел курс аспирантуры специализируясь на изучении проблемы Тайваня в китайско-американских отношениях. По этой теме им была защищена кандидатская диссертация. С 1962 г. он начинает исследовательскую работу в области изучения внешней политики и международных отношений КНР в качестве научного сотрудника в отделе Китая Института народов Азии, а затем - Института Дальнего Востока АН сначала в должности старшего научного сотрудника, а затем - заведующего сектором и заместителя заведующего отделом Института. В центре его исследовательских интересов в это время - политика КНР в отношении Тайваня, место Тайваня в американо-китайских отношениях, проблемы Гонконга и Макао, политика КНР в отношении стран "третьего мира", в отношении китайской эмиграции. По этим вопросам В.Н.Барышников опубликовал свыше 50 работ, в том числе две монографии "Тайвань в китайско-американских отношениях" (М., 1969) и "Политика КНР в отношении китайских эмигрантов" (М., 1972), главы в крупных коллективных работах Института Дальнего Востока.

В 1973-1979 гг. он выезжал в длительную командировку в КНР сначала в качестве 1-го секретаря, а затем советника Посольства СССР. В 1973-1986 гг. В.Н.Барышников продолжил работу в ИДВ. Возглавлявшийся им сек-

тор занимался вопросами отношений КНР с развивающимися странами. В 1986-1991 гг. проходила вторая командировка В.Н.Барышникова в Посольстве СССР в КНР.

В 1995 г. В.Н.Барышников вновь продолжил работу в Институте Дальнего Востока в качестве ведущего научного сотрудника. За это время им подготовлена серия содержательных научных и научно-информационных материалов и переводов по актуальным вопросам внутренней и внешней политики современного Китая.

Одновременно с 1997 г. он работает заместителем главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока", курируя публикации по внешнеполитической проблематике. Его деятельность в Академии наук отмечена Почетной грамотой Президиума РАН в связи с 275-летием Академии.

Редколлегия и редакция журнала, друзья и коллеги В.Н.Барышникова по работе в Институте горячо поздравляют его с юбилеем и желают здоровья, счастья и новых успехов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.08.99 г. Подписано к печати 15.09.99 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печл. 13,0. Усл. кр.-отт. 11,6 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 5,0
Тираж 873 экз. Зак. 2957.

Оригинал-макет © 1999 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в типографии "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 8.